

A black and white photograph of a city square. In the background, a large, ornate building with a central tower and multiple gables. In the middle ground, a tall, white, cylindrical monument stands on a pedestal. The square is paved and has several trees and people walking. In the foreground, a vintage car is driving on a road that runs across the square.

В. П. Никитин

ПО ЕВРОПЕ

ГЕОГРАФИЗ · 1953

Б у д а п е ш т . Ц е п н о й м о с т .

На первой странице обложки: Б у х а р е с т . П л о щ а д ь П о б е д ы .

В. П. НИКИТИН

ПО ЕВРОПЕ

Путевые очерки

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1953

ВВЕДЕНИЕ

Великие идеи мира, демократии и дружбы народов проникают все глубже в сознание трудящихся всех стран. Народы требуют устранения угрозы войны, сохранения и укрепления мира, развития международного сотрудничества, расширения как культурных, так и деловых связей между всеми странами. Они глубоко верят в то, что нет такого спорного вопроса, который не мог бы быть разрешен мирным путем на основе взаимной договоренности заинтересованных стран.

В борьбе за мир и сотрудничество между народами наша великая Родина играет ведущую роль. Мирная политика Советского государства понятна и близка всем честным людям во всех концах нашей планеты. Советский Союз не только протягивает руку братской помощи народам, вступившим на широкий путь строительства социализма, — он искренне стремится к дружеским отношениям со всеми странами, которые не на словах, а на деле готовы сохранять и укреплять мир.

В действенной повседневной борьбе нашего народа за мир и международное сотрудничество немалую роль играет советская культура и наука. Деятели нашей культуры, наши ученые творят не для разрушения, а для созидания. Их помыслы направлены на благо всего человечества. Они стремятся облегчить труд людей, сделать его более продуктивным, во все возрастающей степени ставить силы природы на службу человеку. Вся деятельность советских ученых направлена на решение благородных задач построения светлого будущего человечества. Советская наука служит делу мира и прогресса.

Своей деятельностью советские ученые укрепляют дружбу между народами, дело мира во всем мире. Советский Союз является сторонником международного сотрудничества людей науки и культуры.

Академия наук СССР в послевоенные годы не только восстановила связи, утраченные за время войны, но и значительно расширила их и нашла новые, более совершенные формы этих связей.

В особенности это касается содружества ученых СССР и стран народной демократии. Раньше для научного общения использовались в основном встречи на международных конгрессах, обмен литературой, взаимное посещение стран небольшими группами ученых, а чаще отдельными учеными, приезжавшими обычно по собственной инициативе. Теперь же наши связи с учеными стран народной демократии носят характер постоянного контакта. Сейчас уже можно говорить о тесном содружестве целых академий, обществ, институтов, лабораторий.

Дружба, сложившаяся между учеными Советского Союза и стран народной демократии, взаимно обогащает и тех и других, плодотворно сказывается на решении научных проблем в интересах мира и прогресса. Ученые оказывают друг другу помощь в самых различных областях знаний и техники, обмениваются результатами своих работ и техническими новинками. Характерным для развития этой деятельности является то обстоятельство, что она прежде всего касается наиболее актуальных вопросов народного хозяйства, культуры, здравоохранения.

Советский Союз посещают делегации ученых Китая, Польши, Чехословакии, Кореи, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании, Германской Демократической Республики. Они детально знакомятся с постановкой научно-исследовательской работы в СССР, с организационными принципами построения Академии наук СССР и ее научных учреждений.

В свою очередь советские ученые принимают деятельное участие в научных съездах и конференциях стран народной демократии, они делятся опытом советской науки в служении интересам социалистического строительства.

При моих посещениях Венгрии я встречался с учеными, инженерами и передовыми рабочими. Я не только знакомил их с конкретными техническими проблемами, но и вообще с организацией и работой советских предприятий и научно-исследовательских учреждений. Наши встречи принимали действенные формы тесного сотрудничества.

Каждая поездка в одну из стран народной демократии воочию показывала мне те чувства глубокой симпатии и уважения, которые трудящиеся этих стран питают к нашей Родине; на множестве примеров я видел, как великие идеи интернационализма и братства народов овладели умами людей, которые еще сравнительно недавно жили в условиях архиреакционных режимов.

Считая, что взаимопонимание между учеными и научные связи могут развиваться независимо от социального строя, политических и религиозных взглядов, представители советской науки охотно общаются также с учеными капиталистических стран, принимают участие в международных научных съездах, конгрессах, выступают с докладами, читают лекции о своих работах, а также приглашают иностранных ученых в нашу страну.

В общей сложности Академия наук СССР за 1952 год направила в зарубежные страны 14 делегаций для участия в научных съездах, конференциях и встречах ученых.

В свою очередь, по приглашению Академии наук СССР, Всесоюзного общества культурной связи с границей (ВОКС) и других организаций, ежегодно Советский Союз посещают сотни иностранных деятелей науки. За последние несколько лет в Советском Союзе, помимо ученых стран народной демократии, побывали также ученые Англии, Франции, Италии, Индии, Бельгии, Австрии, Швеции, Норвегии, Австралии.

Академия наук СССР, научные и культурные учреждения нашей страны всегда оказывают гостеприимство иностранным ученым, желающим установить дружественные отношения в интересах развития науки. Академия и научные общества многих стран избирают деятелей советской науки почетными членами и членами-корреспондентами. Более 150 ученых, удостоившихся этой чести, ведут с зарубежными учеными оживленную деловую переписку. Академия наук в свою очередь избрала членами-корреспондентами 52 видных иностранных ученых, представляющих 17 стран.

Академия наук ведет в больших масштабах международный обмен научными изданиями. В 1951 году библиотека Академии наук СССР послала за границу 126 210 книг и журналов в 1 200 зарубежных научных учреждений. Библиотекой установлены и поддерживаются связи с научными учреждениями 60 государств.

Приведенные мною факты говорят о том, что, несмотря на различие социалистической и капиталистической систем, вполне возможно широкое развитие международных научных связей, что будет содействовать делу мира и установлению дружественных связей с другими народами.

К сожалению, власти некоторых капиталистических стран, в первую очередь США, препятствуют развитию научных связей со странами демократического лагеря, не допускают общения ученых своих стран с учеными СССР и стран народной демократии. Немало случаев, когда в капиталистических странах прогрессивные ученые подвергаются жестоким преследованиям. Бывает также, что правительственные органы некоторых стран задерживают и запрещают распространение присылаемой из СССР в порядке обмена научной литературы.

Беспрецедентный недружелюбный выпад против советских ученых был сделан осенью 1951 года в ходе подготовки к созыву Восьмого международного астрономического съезда. Вопреки желанию членов Международного астрономического союза, руководство его под явным американским давлением дважды отклонило предложение советских ученых провести съезд в Ленинграде. Ученых, желающих побывать в СССР, ознакомиться с советской наукой, лишили этой возможности.

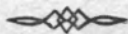
Невзирая на такие действия властей некоторых стран и на преследования, которым иногда подвергаются прогрессивные деятели науки, большинство подлинных ученых капиталистических стран смело отстаивает свободу науки, протестует против насилий над наукой и ее деятелями и стремится к сотрудничеству с учеными демократических стран.

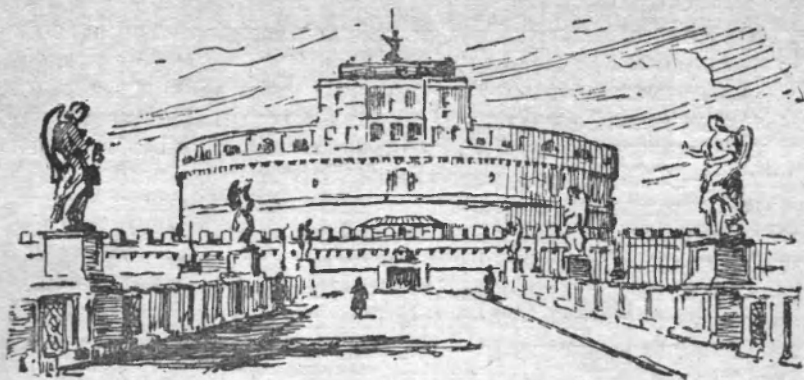
При моих многочисленных встречах с учеными западных стран я неизменно чувствовал с их стороны дружелюбное и радужное отношение, огромный интерес к Советскому Союзу и его науке. Доклады о развитии советской науки и техники выслушивались с большим вниманием; приходилось отвечать на множество вопросов; зачастую завязывалась оживленная деловая дискуссия.

Многочисленно доводилось мне в самой разнообразной обстановке общаться с различными представителями населения капиталистических стран — с интеллигентами и рабочими, с крестьянами и ремесленниками — и всегда у нас, советских делегатов, находился с ними общий язык. И вывод, который я могу сделать из всех этих встреч, прост и ясен: все трудовые люди хотят мира, все проявляют в той или иной форме интерес и почти всегда большую и искреннюю симпатию к нашей Родине. Чем лучше мы узнаем друг друга, чем больше будет взаимопонимания, тем труднее будет силам реакции и войны отравлять своей злобной человеконенавистнической пропагандой умы простых людей капиталистических стран. И тем легче будет людям доброй воли, — а их там немало и число их растет, — бороться против сил войны и агрессии и укреплять дело мира и дружбы народов.

В результате поездок по странам Европы в качестве участника различных делегаций деятелей советской культуры у меня накопилось множество заметок, документации, разнообразной литературы, а главное — определенный запас личных наблюдений. Мне кажется, что для нашего читателя представят известный интерес путевые записи, в которых я постарался рассказать о виденном и слышанном мною за границей. Правда, по специальности я отнюдь не географ. Поэтому я ограничивался лишь необходимым минимумом географических сведений.

Все же думается, что непосредственные наблюдения и впечатления очевидца о различных сторонах жизни отдельных европейских стран, о многочисленных встречах с представителями разнообразных слоев населения этих стран дополнят те сведения, которые читатель черпает как из чисто географической литературы, так и — в области политики и экономики — из периодической печати. Если это хотя бы в малой степени удастся автору, он будет считать, что внес и свой скромный вклад в дело сближения честных, миролюбивых людей всего мира.

СРЕДИ ИТАЛЬЯНСКИХ ДРУЗЕЙ

ОЛОДНАЯ, унылая, словно продрогшая Вена осталась позади. Поезд Вена — Рим пыхтя поднимается на альпийские перевалы, сердито стучит на спусках, с грохотом влетает в тоннели. За окнами ночь. В свете луны нечеткими контурами возникают заснеженные горные ландшафты; то совсем близко, то где-то вдали вспыхивают огоньки селений. До глубокой ночи мешают заснуть таможенные досмотры...

Итальянскую границу мы переезжаем незадолго до рассвета. Ложимся поспать, и утром туманных Альп больше не видно. Гор нет и в помине. Поезд идет по просторной, зеленеющей, густо населенной равнине. Непрерывной чередой мелькают городки, деревни, отдельные строения. Повсюду характерные итальянские домики под красной черепицей. Много церквей, церквушек, часовен, увенчанных остроконечными готическими шпилями. То и дело попадаются совсем обветшалые, полуразвалившиеся старинные здания. Деревянных строений почти не видно. Наиболее доступный и дешевый строительный материал здесь камень. Даже многие изгороди, отделяющие друг от друга крохотные прямоугольники полей, столь необычные для наших глаз, привыкших к колхозным просторам, сложены из камня.

Пересекаем самую широкую реку Италии — По. Через некоторое время низменность кончается. Появляются покрытые садами и террасами виноградников холмы. Поезд снова поднимается в гору. Но это не зимние Альпы с их суровой живописностью. Апеннины, во всяком случае там, где мы их пересекаем, предстают перед нами в виде гряд не очень высоких,

местами скалистых гор. Горные пейзажи продолжают почти до самого Рима.

В итальянскую столицу поезд приходит в 10 часов вечера. Мы не ждем какой-либо многолюдной встречи. Ведь на месячник итальянско-советской дружбы, организованный обществом «Италия — СССР», мы не попали. Итальянские власти явно не спешили с визами, так что мы вынуждены были отложить свой приезд и прибыли в Рим лишь 3 декабря 1950 года, через неделю после окончания Флорентинского конгресса по изучению советской культуры, которым завершился месячник.

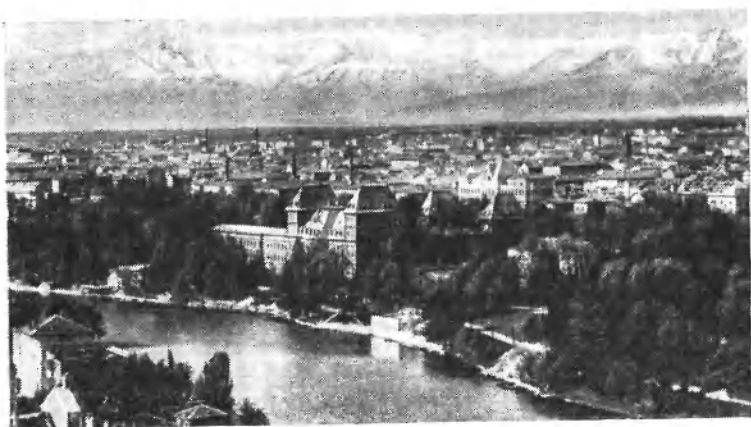
Но что это такое? На перроне большая толпа. Сразу же по выходе из вагона всех нас — членов делегации деятелей советской культуры — Н. Парфенову, композитора А. Хачатуряна, художника Д. Шмаринова и автора этих строк — окружают плотным кольцом. Нас встречают не только работники советского посольства и руководители общества «Италия — СССР» во главе с генеральным секретарем Д. Берти, но и множество активистов этого общества, представителей самых различных демократических организаций и просто дружественно настроенных к нашей стране людей — молодых и старых, мужчин и женщин, рабочих, интеллигентов, студентов.

Со всех сторон раздаются аплодисменты, приветствия, возгласы: «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует Сталин!», «Да здравствует дружба советского и итальянского народов!» Встречающие стараются протиснуться к нам поближе, пожать нам руки, вручить большие букеты алых цветов; всюду улыбающиеся, смеющиеся лица, радостные взгляды.

Не спеша идем по длинному перрону. Толпа дружно запекает «Интернационал», затем итальянский революционный гимн «Бандьера rossa» («Красное знамя»), Гимн Советского Союза. Людей становится все больше и больше. К толпе присоединяется много железнодорожников в форме. Это — доподлинная, идущая от самого сердца демонстрация искренней дружбы, которую простые люди Италии питают к Советскому Союзу.

Проходим через обширный вокзал. Нас провожают до машин, усаживают в них, снова к нам тянутся десятки рук, раздаются возгласы: «Мир!», «Сталин!» Мы взволнованы и растроганы. Итальянский народ встретил советских людей, как лучших друзей.

Итальянское правительство пыталось не дать проявиться этим хорошим чувствам, сорвав наше участие в прошедшем с громадным успехом месячнике дружбы. Но оно ошиблось в своих расчетах. С первого же момента нашего прибытия в итальянскую столицу и до последнего дня нашего трехнедельного пребывания в Италии простые люди этой чудесной страны приветствовали нас, засыпали вопросами, всячески старались проявить свою симпатию и любовь к стране победившего социализма.

Турин. Общий вид.

Милан. Соборная площадь.

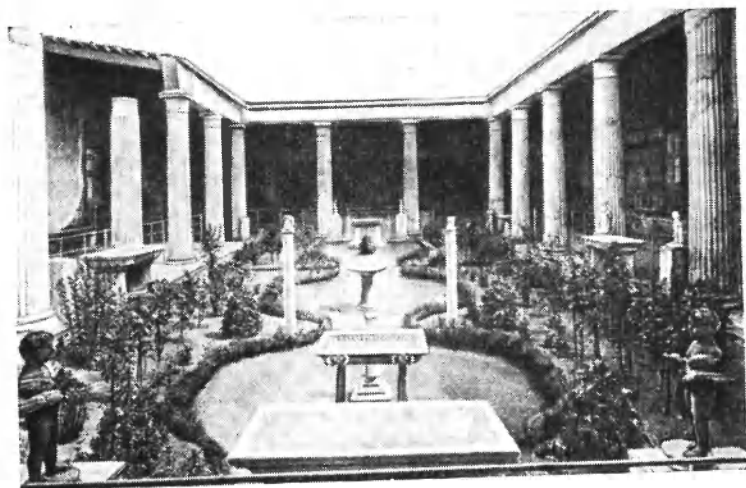
Ф л о р е н ц и я . П о н т е В е к к и о .
С п р а в а в и д н а ч а с т ь к р ы т о й г а л л е р е и ,
с в я з ы в а ю щ е й У ф ф и ц и с П а л а ц ц о П и т т и .

В е н е ц и я . С п р а в а Д в о р е ц д о ж е й . С л е в а К а м п а н и л л а .

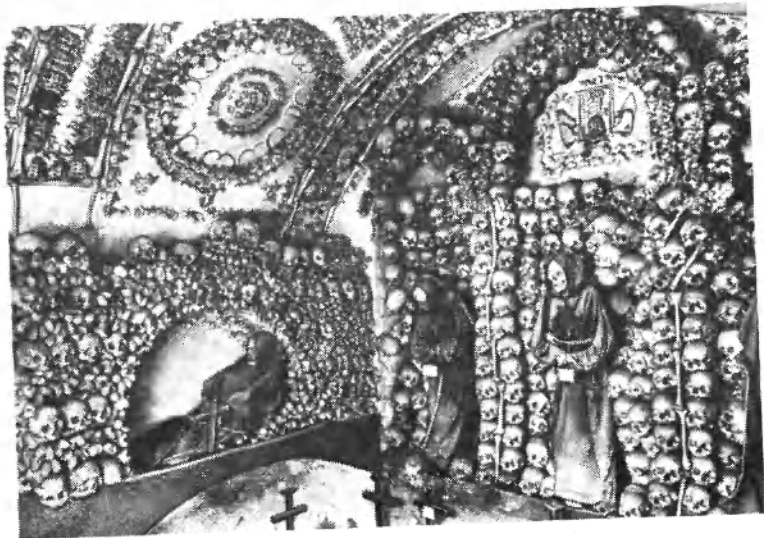
Неаполь. Панорама города с видом на Везувий и Неаполитанский залив.

Помпея. Дом Веттиев.

Р и м. Капитолий.

Р и м. Часовня в церкви капуцинов.

Особенно запомнился митинг в миланском театре «Лирико». Громадные афиши возвещали о предстоящем выступлении членов советской делегации. Первоначально предполагалось, что на этом митинге выступит только заместитель мэра города Милана сенатор Монтаньяни с сообщением о своей поездке по Советскому Союзу. Но трудящиеся Милана, узнав из газет о нашем приезде, попросили, чтобы высказались и члены советской делегации.

Уже у подъезда театра нас окружила большая толпа. И тут снова радостные приветствия, аплодисменты; все теснятся к нам, так что в театр мы попадаем далеко не сразу.

Большой, на три тысячи мест, театральный зал переполнен сверх всякой меры; как нам говорили, присутствовало более четырех тысяч человек, причем это была только часть желавших попасть на митинг. Под звуки Гимна Советского Союза и бурные аплодисменты наша делегация занимает места за столом президиума. Первым выступает сенатор Монтаньяни. Он говорит просто и как-то особенно задушевно. Рассказ его свидетельствует о большой наблюдательности и умении правильно, правдиво и понятно дать оценку советской действительности. Слушают его с напряженным интересом. То и дело раздаются аплодисменты.

После сенатора Монтаньяни выступил я, затем Н. М. Парфенова. Невозможно описать, как нас приняла четырехтысячная аудитория. Мои слова о том, что все помыслы советских людей направлены к миру, были встречены такой овацией, что, казалось, рухнет потолок. И каждое повторение слова «мир» вызвало немедленный, еще до перевода, взрыв аплодисментов и приветственных кликов.

А когда я назвал имя товарища Сталина, четыре тысячи человек поднялись со своих мест и буре оваций и кликов — «Сталин», «Мир», казалось, не будет конца.

После окончания митинга нас снова окружили плотным кольцом. К нам тянулись сотни рук, матери подводили своих детей, молодежь просила автографы. Все это было так волнующе и трогательно, что останется навсегда радостным, незабываемым воспоминанием. И подобные встречи ожидали нас еще не раз. Под знаком их прошла вся наша поездка.

Р И М

Итальянская столица оставляет двойственное впечатление. Старое и новое в ее облике все время переплетаются, почти не смешиваясь. Сколько веков прошло с тех пор, как Рим перестал быть столицей мировой империи! Но грандиозные античные руины стоят до сих пор среди кварталов современных зданий, поражая своей величавой мощью. Какая широта замысла и

какие масштабы осуществления были у градостроителей античного Рима!

Палатинский холм с развалинами обширных императорских дворцов, Колизей кажутся особенно монументальными и четкими в своей античной строгости по сравнению с безвкусицей и потугами современных буржуазных архитекторов-формалистов, строящих свои здания на основании комбинаций примитивных геометрических форм, зачастую лишенных всякого чувства пропорции.

В больших европейских городах, имеющих за плечами многовековую историю, обычно древний город (если от него что-нибудь сохранилось) занимает какой-нибудь незначительный район, небольшое ядро, вокруг которого город постепенно, на протяжении веков, нарастал и развивался. Это правильно по отношению к любой из старых европейских столиц, кроме Рима.

Итальянская столица с ее населением в 1,7 миллиона жителей и по сей день меньше античного Рима эпохи его расцвета, население которого доходило до двух миллионов человек. Я не знаю, есть ли в Риме районы, которые не были бы уже городскими около двух тысяч лет назад. После гибели его империи Рим пережил долгие века, почти целое тысячелетие разрушений и упадка. Десятки завоевателей один за другим громили «Вечный город». В начале XIV века в нем оставалось всего 17 тысяч жителей, ютившихся среди древних развалин, под защитой нескольких замков. Папы и феодальная знать использовали античные сооружения в качестве каменоломен для строительства своих дворцов, церквей, замков, перестраивали и перекраивали на свой лад то, что им казалось подходящим. Католическая церковь, люто ненавидевшая языческий мир, старалась истребить самую память не только об античных богах, но и об всей античной культуре. Только в эпоху Возрождения появились люди, начавшие изучать древний эллинский и римский мир. И лишь сравнительно недавно стали принимать меры, чтобы спасти драгоценное античное наследие от полного исчезновения. И все же и сейчас еще сохранилось так много, что остается только удивляться тому, как прочно строили люди, создавшие могучую и хищную империю, которая в период своего упадка причинила столько зла и страданий, но в эпоху подъема и расцвета была средоточием человеческой цивилизации и прогресса.

От Колизея осталось немногим более трети. Нет и следов мрамора, которым он был облицован и из которого были сделаны скамейки, нет и множества статуй, стоявших в наружных нишах арок второго и третьего ярусов. Однако и теперь, полуразрушенный и лишенный всех своих украшений, он производит большое впечатление монументальностью и совершенством архитектурного замысла и чрезвычайной рациональностью своей конструкции.

Начал его строить император Веспасиан в память взятия Иерусалима и закончил через пять лет, в срок необычайно короткий, если учесть объем строительства и возможности тогдашней техники, его сын Тит. Колизей представляет собой овал с периметром в 527 метров, большая ось которого равняется 183, малая — 156, а высота стен — 48,5 метра. Построен он главным образом из скрепленных металлическими скобами тесаных глыб очень прочного местного рыжего камня, так называемого травертина. Для сводов использовался бетон и кирпич. Его амфитеатры, состоящие из 80 рядов скамей и разделенные на четыре яруса, имели около 50 тысяч сидячих мест. Над четвертым, верхним ярусом был портик. На крыше портика размещались матросы римского военного флота. Они распускали гигантские полотнища — своеобразные тенты, защищавшие зрителей и, в первую очередь, расположенную на возвышенности посреди нижнего яруса ложу императора от палящих лучей южного солнца. Сохранились еще отверстия в карнизах, в которые вставлялись длинные бронзовые мачты; к этим мачтам прикрепляли полотнища.

В подземельях под ареной были размещены звери и гладиаторы, склады инвентаря театральных машин. Зрелища на арене Колизея были весьма разнообразными. Кровавые игры, которые состоялись при его открытии в 50 году нашей эры, продолжались 100 дней и стоили жизни тысячам гладиаторов и 5 000 хищных зверей. Бои между гладиаторами сменялись борьбой с хищными зверями и навмахиями — морскими сражениями, для которых арена наполнялась водой. Кстати говоря, Тита, в царствование которого был с такой кровавой помпой открыт Колизей, античные историки рисуют гуманным философом, заботившимся о народе; они приписывают ему изречение о том, что он считал потерянным тот день, когда не совершил какого-либо доброго дела. Колизей — не единственное сооружение такого громадного масштаба. «Циркус максимус» («большой цирк»), где происходили конные ристалища, — бега колесниц, — вмещал якобы до 200 тысяч зрителей, то есть больше, чем любой из современных стадионов. Помещался он между Авентинским и Палатинским холмами. От него почти ничего не сохранилось, так как он был построен значительно менее монументально, чем Колизей, причем частично из дерева.

Своеобразными сооружениями были многочисленные римские термы. Это не были бани в нашем понимании. Здесь, конечно, купались: были залы с холодной водой, залы с теплой водой, парильни; существовали водопровод и система отопления из свинцовых труб; был и большой бассейн для плавания. Но, помимо этого, к услугам посетителей были гимнастические залы, библиотека, сад, стадион, ресторан и даже храм.

Термы Каракаллы представляли собой целый комплекс сооружений, главное здание которого занимало площадь 216 на

212 метров. Здесь могли одновременно купаться 1 600 посетителей. Обширные высокие залы были сплошь облицованы, украшены мозаикой и статуями. Во время раскопок именно в термах Каракаллы были обнаружены такие известные античные скульптуры, как Фарнезский Геркулес, Фарнезский бык, статуя Флоры.

По описаниям античных писателей, один из очень высоких залов имел потолок, состоявший из бронзовых и медных полос, переплетавшихся, как ремешки сандалий. Свод зала поддерживали восемь массивных мраморных колонн. Одну из них много веков спустя Козимо Медичи перетащил во Флоренцию и установил на площади Троицы. Теперь среди развалин терм Каракаллы иногда устраиваются спектакли и концерты на открытом воздухе.

Еще больше было главное здание терм Диоклетиана. Они были рассчитаны на 3 200 купающихся. Здесь, помимо разных залов, имелся большой круглый театр; 27 ниш его были украшены статуями. На базе развалин центрального зала Микельанджело соорудил по приказу папы церковь.

В другой части развалин терм Диоклетиана теперь помещается Национальный музей скульптуры. Часть скульптур размещена в закрытых помещениях, служивших одно время келиями монастыря, другая установлена посреди зелени сада на фоне золотистого, обомшевшего, кое-где заросшего плющом камня стен. Прекрасные античные статуи сменяются барельефами, частями саркофагов, колонн... Вот громадные мраморные маски с открытыми ртами. Одни из них украшали фонтаны; вечером в них вставляли светильники, и пламя отсвечивало, согревая белизну мрамора; другие служили в термах выходными отверстиями для горячего воздуха, поступавшего из труб отопления.

Довелось нам посмотреть развалины римского форума. В седой древности здесь была рыночная площадь, на которой происходили также народные собрания и отправлялось правосудие. Постепенно, по мере роста могущества Рима, форум стал парадной столичной площадью, где воздвигались массивные триумфальные арки в честь возвращавшихся из победоносных походов императоров, вырастали храмы и дворцы. К сожалению, форуму не повезло в еще большей степени, чем другим античным сооружениям. Он был не только основательно и злобно разрушен, но частично засыпан и превращен в пастбище. Некоторые из уцелевших храмов были перестроены в церкви, другие постройки использованы в качестве каменоломен. Крупные раскопки были начаты лишь в XIX веке. Теперь форум представляет прямоугольную яму примерно 150 на 80 метров с разбросанными в ней многочисленными развалинами, остатками колонн, фундаментами. Вначале он производит мрачное впечатление. Но стоит немного побывать здесь, и из хаоса развалин на-

чинают возникать прекрасные детали античных зданий, колонн, портиков.

Форум зажат между двумя из семи холмов древнего Рима — Капитолийским и Палатинским. На Палатинском холме, служившем неизменной резиденцией всех императоров, сохранились развалины некоторых дворцов и храмов, в том числе большого дворца Калигулы. Здесь начинался длинный мост, который возомнивший себя богом Калигула заставил построить, чтобы непосредственно соединить его дворец с Капитолием. Мост этот проходил над самыми высокими зданиями форума. Калигула пользовался мостом, чтобы ходить в Капитолийский храм Юпитера «беседовать там с Юпитером», наместником которого он объявил себя. Мост просуществовал недолго. Преемник Калигулы Клавдий велел разрушить его. С противоположной форуму стороны Палатинского холма сохранились остатки вырубленной прямо в гранитной скале лестницы, спускавшейся к ложе императора в «Циркус максимус», расположенном с другой стороны холма.

Неподалеку от римского форума, на небольшой площади — форуме Траяна — сохранилась замечательная дорическая колонна Траяна, построенная в 113 году нашей эры в память победы над даками. Пятиметровый пьедестал украшен барельефами, изображающими римское оружие и значки легионов. Сама колонна высотой в 27 метров выложена большими мраморными плитами. По ней поднимается состоящая из 22 витков спираль, представляющая замечательной работы барельеф. На нем одна за другой проходят длинной чередой 2 500 человеческих фигур, кони, боевые машины, трофеи, значки легионов, словом весь римский военный быт той эпохи, изображая с полной реалистичностью оба похода Траяна против даков. Чем выше, тем фигуры становятся крупнее, чтобы их можно было разглядеть снизу. В древности сбоку колонны была установлена двухэтажная галерея, позволявшая вплотную осмотреть детали барельефов...

Можно довольно долго осматривать памятники римской старины и античной и более поздних эпох и увидеть только небольшую часть. И мне кажется, что впечатление будет при этом нарастать.

«Чем дальше едешь по морю, — писал Гете, — тем более глубоким становится оно. То же можно сказать и о Риме».

В стороне и от могучих античных развалин и от современных шумных и безлико нарядных центральных улиц, неподалеку от Тибра сохранились нетронутыми старые кварталы. Запутанная сеть узких улиц, где трудно проехать не то что автобусу, но и широкобортному «кадийяку» или «паккарду». Золотисто-бурые, увитые плющом дома, крохотные площади с неизбежным римским фонтаном и с уютным маленьким ресторанчиком — «тратторией» — на углу. Решетки на темных окнах, белье,

развешанное через узкую улочку на веревках. И тут же за углом потемневший от времени дворец с обомшевшим мраморным гербом над аркой дверей. Невольно думаешь, что именно таким был Рим, когда здесь жили Гоголь и Байрон, Герцен и Стендаль.

Я упомянул вскользь о римских фонтанах: вряд ли есть город, где их было бы так много, как в итальянской столице. Многие сохранились еще с античных времен, другие построены сравнительно недавно. Вокруг фонтанов разыгрывается оживленная римская уличная жизнь. Есть большие, парадного вида фонтаны, вроде тех двух, что стоят на площади Петра по обоим сторонам обелиска. Другие украшают внутренние дворы старинных палаццо. Есть скромные маленькие античные фонтаны на небольших площадях-перекрестках с потемневшими от времени мраморными тритонами, с бронзовыми дельфинами и черепахами, с юношами и девушками, с большими масками с широко раскрытыми ртами.

Наиболее живописный из тех, что мне довелось видеть, — фонтан Треви перед одним из красивейших небольших дворцов-палаццо Поли. Это сложная каменная сказка в пышном стиле барокко, со многими фигурами, искусно вкрапленными в пейзаж из миниатюрных скал. Венчает фонтан фигура Нептуна на раковине, влекомой морскими конями. Вода ниспадает широким журчащим каскадом у его подножья. Справа и слева — статуи Здоровья и Изобилия. Ниже барельеф, изображающий античного полководца Агриппу, отдающего приказ построить акведук длиной в 20 километров, который с древних времен подавал сюда воду. Левее другой барельеф: девушка, указывающая воинам Агриппы источник.

Существует стародавнее поверье: путешественник, покидающий Рим и мечтающий еще раз побывать в «Вечном городе», должен на прощание бросить монету в фонтан Треви и выпить глоток его чистой, студеной воды. Тогда желание его непременно исполнится.

Рим католический с Ватиканом, собором Петра и великим множеством других церквей, соборов и монастырей — это второй облик итальянской столицы. Парадным входом в него как бы является собор Петра. Он громаден. Строя его, папы, повидимому, стремились сравнить собор с масштабами древнего Рима и одновременно затмить своих конкурентов в других католических странах. Это стремление выявлено с полной откровенностью в виде вделанных в плиты пола старинных рекламных надписей, из которых можно узнать, насколько больше габариты собора Петра по сравнению с другими крупными соборами — лондонским, флорентинским, кельнским, миланским и прочими.

По обоим бокам собора начинается грандиозная колоннада, построенная в XVII веке архитектором Бернини, состоящая из

284 пятнадцатиметровых колонн и 84 пилястр. Фланги колоннады отходят сперва под прямым углом от собора, чтобы затем разомкнуться и охватить двумя широкими полукружьями обширную площадь Петра.

Середина площади украшена стройным египетским обелиском, доставленным в Рим еще Калигулой. По бокам его два больших фонтана. На плане колоннада довольно точно напоминает клещи с раскрытыми створками. Баллюстрада колоннады густо уставлена статуями святых.

В самом соборе все, начиная с громадного, чисто театрального портика с дорическими колоннами и пилястрами, явно рассчитано на то, чтобы поразить воображение своей грандиозностью. Нужно, однако, сказать, что портик своими размерами как бы закрывает большой круглый купол собора и вблизи купол почти незаметен, так что собор кажется несколько приплюснутым.

Зато внутри купол создает ощущение большой высоты. Взгляд теряется где-то в прозрачном мягком полумраке. Купол этот был построен по проекту Микельанджело, не дожившего до его осуществления. Украшен собор внутри чрезвычайно пышно: повсюду много мозаики, позолоты, икон, мраморных и бронзовых статуй, алтарей, папских гробниц — саркофагов. В сущности говоря, собор Петра скорее напоминает колоссальное кладбище-музей, чем храм.

Из множества статуй большое впечатление производит «Пиэтá» Микельанджело. Творчество этого гениального скульптора, зодчего и художника выделяется даже среди крупных произведений других старых мастеров. Верой и правдой, казалось, служил Микельанджело католицизму. И все же в его произведениях нет ничего от католической религии. Более земного, полнокровного, до края переполненного жизненной мощью, глубоко реалистического искусства, чем творчество Микельанджело, трудно себе представить. Даже «Пиэтá», созданная совсем еще молодым скульптором (ему было тогда 26 лет) по заказу папы, несмотря на сугубо религиозный сюжет, насквозь реалистична. Молодая женщина в широкой просторной одежде держит на коленях нагое тело умершего. Ее поникшая голова, прекрасное строгое лицо выражают сдержанную, глубокую человеческую скорбь, скорбь матери над телом погибшего сына. Совершенство композиции в целом и каждой отдельной детали производит глубокое впечатление, потому что произведение это не только прекрасно, но и глубоко человечно.

Собор Петра — только кусок Ватикана, вернее кусок его парадного фасада. Юридически Ватикан — небольшая территория площадью в 44 гектара с постоянным населением примерно в тысячу человек. В международном отношении она и по сей день обособлена от остальной Италии, вплоть до того, что папа имеет своих послов — нунциев — в ряде буржуазных

государств, и эти государства имеют своих дипломатических представителей при Ватикане. Значительную часть территории занимает дворец, самый большой в мире, если верить достаточно крикливой папской рекламе, сообщающей, что он состоит из 11 тысяч больших и малых помещений. Но это не единое целое, а конгломерат зданий, построенных в течение долгого ряда веков и поэтому отличающийся большим разнообразием и далеко не равноценной архитектурой.

Значительную часть дворца занимает музей, также чрезвычайно пестрый по своему содержанию. Наряду с творениями Рафаэля, Микельанджело, Боттичелли и других великих художников и скульпторов здесь немало не только слабых, посредственных произведений, но и таких экспонатов, которые абсолютно никакой художественной ценности не представляют. Разобраться в этом музее, так же, впрочем, как и в других, пребывающих в руках католической церкви собраниях художественных произведений, почти невозможно. Ни о какой планомерной экспозиции не может быть и речи. Бесконечные ряды скульптур и картин совершенно анонимны. Вы должны либо довериться гиду-монаху, эрудиция которого больше чем сомнительна, либо возиться с бессистемным каталогом. Не заметно и бережного отношения даже к величайшим ценностям искусства: и стены и потолки Сикстинской капеллы, и другие замечательные произведения выгорели или закоптились.

Но Ватикан, конечно, не только собор, музей, старинный дворец. Даже в самом дворцовом парке расположена такая сугубо прозаическая постройка, как довольно мощная радиостанция. Ватикан имеет свои банки — один официальный под двусмысленным названием Банка святого духа и несколько неофициальных. Капиталы его вложены в так называемые народные банки; он является акционером крупнейших итальянских монополий, имеет большие вложения в банках концерна Моргана и других финансовых монополий США. Ватикан также имеет и свои издательства, редакции, торговую сеть, фабрики, кустарные мастерские, клубы, католические общества, на него работает громадное количество ремесленников-надомников, многочисленные и разнообразные учебные заведения, готовящие из людей самых различных национальностей не только смиренных служителей культа, но и самых заправских провокаторов, шпионов и диверсантов. А армия Ватикана состоит не из тех двух-трех сотен разодетых в пестрые средневековые костюмы гвардейцев — швейцарцев со шпагами и алебардами, красующихся у его ворот, а из десятков и сотен тысяч представителей черного папского воинства, от кардиналов до босоногих монахов. В одном только Риме их несколько десятков тысяч.

Попали мы сюда как раз в «святой год», который организуется Ватиканом через каждые четверть века. Это неплохой

бизнес как для католической церкви, так и для обслуживающей туристов «промышленности» — гостиниц и ресторанов, бюро путешествий и транспортных контор. Паломники из всех католических стран бродили в эти дни по улицам Рима в одиночку и группами под руководством гидов — монахов и монахинь. Они осматривали религиозные достопримечательности и целовали в соборе Петра ногу статуи этого апостола, палец которой слизан губами верующих, прикладывающихся к нему в течение многих веков, исповедывались и отмечались в нескольких базиликах: эти отметки необходимы для отпущения грехов. Об этой последней процедуре деловито извещают таблички на закрытых, снабженных окошечками кабинах в соборе Петра: «Здесь отпускаются грехи на испанском, французском, немецком и английском языках».

Любопытна в Риме церковь капуцинов. Весь подвал и нижний этаж ее отделаны человеческими костями и черепами. У стен установлены или уложены в нишах облаченные в монашеские ряссы скелеты. Насколько мы могли понять, эта мрачная отделка должна напоминать посетителям о бренности всего земного. У входа в церковь живые монахи, одетые точно так же, как скелеты в церковном подвале, бойко торгуют сувенирами в виде черепов из слоновой кости самых различных размеров, открытками, изображающими эту церковь, и картинками религиозного содержания.

Рим эпохи пап был одновременно и Римом эпох возрождения и барокко. Немало сохранилось чудесных старых зданий, вилл, дворцов, то в строгом, иногда несколько суровом стиле ренессанса, то в вычурном и нарядном стиле барокко с его богато украшенными фигурными фронтонами, с нишами, колоннами, статуями.

Современный буржуазный Рим тоже старается из всех сил казаться богатым, благоустроенным столичным городом. Много внешнего блеска, нарядные витрины магазинов на Виа Корсо, Виа Национале, Виа Витторио Венето, световые рекламы, много гостиниц, баров, кафе, ресторанов; уличное движение оживленное. Кстати об уличном движении: правила, быть может, какие-нибудь и существуют, но создается впечатление, что никто их не соблюдает. Неудивительно, что аварий много, тем более что наряду с автомобилями и автобусами во множестве катят велосипеды и малолитражные, с маленькими колесами, мотоциклы.

Но ни руины античного города, ни старые пышные палаццо, ни владения Ватикана, ни оживленный буржуазный центр не могут заслонить Рима — города простых тружеников, свободлюбивых, мужественно и успешно отражающих наступление реакции и не теряющих бодрости духа, невзирая на все тяготы своего зачастую полуголодного существования. Не нужно долго жить в Италии, чтобы убедиться в глубокой правильности слов

Герцена, написанных им около века назад о том, что у итальянцев демократизм в крови, в нравах.

Рим простых людей выглядит совсем иначе, чем парадные улицы центра, с рассчитанными на иностранных туристов сверкающими витринами магазинов и крикливыми рекламами, или чем кварталы утопающих в зелени вилл богачей. Рабочие районы с узкими, высокими, обшарпанными фасадами никогда, повидимому, не ремонтирующихся домов, извилистые, грязные и тесные улочки бедных пригородов, жалкие, кое-как сколоченные из разного хлама, вплоть до старых бидонов, лачуги, убогие пристройки, вделанные в арки античного акведука, даже пещеры в склонах окрестных холмов — такова «жилая площадь», в которой вынуждены ютиться сотни тысяч римлян. Впрочем, пещеры, используемые в качестве постоянного жилья, можно встретить даже в самом городе — в склоне одного из римских холмов — Монте-Карпино.

Этот Рим вместе с крупными рабочими индустриальными центрами разбил на недавних выборах черный демо-христианский реакционный блок, несмотря на яростную поддержку, которую оказывала демо-христианам вся поповско-ватиканская рать.

Жизнь простых людей трудна и малорадостна. Насколько невыносимо тяжело для некоторых существование, убеждаешься при виде такой, отнюдь не живописной, детали. На живописном Монте-Пинчо мраморная баллюстрада окаймляет довольно высокий, крутой обрыв. Внизу — выложенная каменными плитами площадь. Под баллюстрадой натянута уродливая железная сетка. Если вы спросите, зачем она нужна, вам ответят, что здесь было слишком много самоубийств...

В Италии в период нашего пребывания в ней стала хронической страшная цифра: два миллиона официально зарегистрированных безработных, немалая часть которых приходится и на Рим. Наряду с этими официально признанными обездоленными существует большая скрытая безработица: миллионы полубезработных, занятых неполную неделю, батраки-сезонники, никогда не работавшая и не могущая приобрести специальности молодежь. В настоящее время общая численность безработных доходит до 4 миллионов. Все эти люди влчат голодное, нищенское существование.

Но и занятым полную неделю рабочим и большинству чрезвычайно многочисленных ремесленников живется несладко. Даже квалифицированные рабочие получают обычно намного меньше официального прожиточного минимума. Жизненный уровень итальянского рабочего один из самых низких в Европе: хуже живут, пожалуй, только рабочие фашистских стран — Испании и Греции. Поэтому контрасты, типичные для всех больших капиталистических городов, в Италии, в том числе и в Риме, выпирают наружу особенно резко.

МИЛАН

Из Рима мы направились в Милан — самый крупный индустриальный и торговый центр Италии, расположенный на скрещении важнейших сухопутных дорог, посреди благодатной Ломбардской низменности, между Альпами и крупнейшей итальянской рекой По. На предприятиях Милана сконцентрировано около 300 тысяч рабочих, значительно больше, чем в любом другом городе страны. Миланские рабочие наряду с туринскими подлинный авангард итальянского рабочего класса, один из наиболее боевых его отрядов. Здесь сосредоточены большие машиностроительные, авиационные, автомобильные заводы — Альфа Ромео, Бреда, Изотта Фраскини, Капрони, Магнети Марелли, Монтекатини, Фальк и другие. Много тут также шелкоткацких и хлопчатобумажных фабрик.

В отличие от заводов некоторых итальянских фирм вроде Фиата многие миланские заводы, в особенности средние и мелкие, не пользуются американским покровительством. Напротив! Они стоят на пути американской промышленной экспансии. Но заокеанские «покровители», вовсю используя послушные им правящие круги Рима, бесцеремонно душат миланское машиностроение. Многие миланские фирмы переживают большие трудности и стараются, конечно, переложить их на плечи рабочего класса. На этой почве здесь идет упорная, жестокая борьба трудового люда за свое рабочее место, за свой цех, завод, против усиления эксплуатации и массовых увольнений. Неоднократно дружные действия миланских рабочих срывали попытки хозяев и правительства (так как многие крупные заводы находятся под контролем правительственных органов) провести массовые увольнения или вовсе закрыть предприятие.

О том, как встретили нас миланцы на митинге в театре «Лирико», я уже упомянул. В Милане состоялась также первая пресс-конференция. Присутствовало до 200 человек. Нас засыпали самыми разнообразными вопросами, вплоть до явно провокационных, поскольку явились корреспонденты не только демократических, но и реакционных газет.

Результат, однако, получился для недоброжелателей плачевный. В то время как демократическая печать поместила подробные объективные отчеты, им пришлось либо отмалчиваться, либо признать, что «за ответы — полный балл», как озаглавила свою заметку о пресс-конференции нашей делегации архиреакционная газета «Темпо». Ничего более остроумного, кроме этого провокационного намека на то, что, мол, советских делегатов трудно поставить втупик, она не смогла придумать.

Предполагалось посещение нашей делегацией завода Альфа Ромео. Но министерство внутренних дел не дало на это разрешения. Рабочие завода прислали нам письмо на русском

языке, в котором выразили возмущение семитысячного коллектива произволом властей.

Милан не только промышленный, но и один из старейших культурных центров Италии. Особенно важную роль он играл в эпоху Возрождения. В нем сохранился ряд прекрасных памятников и произведений искусства. Некоторые из них, к сожалению, жестоко пострадали во время последней войны. Так, была разрушена американскими авиационными бомбами церковь Санта Мария делле Грация, на одной из стен которой написана «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи. К счастью, эта стена уцелела, так что «Тайная вечеря» пострадала сравнительно незначительно и ее удалось кое-как реставрировать. Известный оперный театр «Ла Скала» также был разбит бомбами. Теперь он восстановлен.

Полностью сохранился знаменитый мраморный собор, уцелели даже драгоценные его цветные витражи. Это великолепное сооружение строилось и достраивалось на протяжении пяти веков. По размерам своим собор один из крупнейших в Европе: площадь его равняется 11 700 квадратным метрам, длина — 158 метрам, ширина — 93 метрам, наибольшая высота — 108,5 метра. Заложен он был в 1386 году, а еще в 1906 году были «сданы в эксплуатацию» большие бронзовые, богато украшенные двустворчатые двери главного входа. Миланский собор не венчают высокие, стройные готические башни, как у соборов в Кельне или в Вене. По своим габаритам Миланский собор должен был бы казаться массивным и тяжелым. Но ряды отделанных ажурной мраморной резьбой, заостряющихся кверху и завершающихся статуями колонн, со множеством резных зубцов между ними, образуют целый лес стройных готических шпилей, нарастающих по направлению к середине собора — к наиболее высокому центральному шпилю. 135 готических шпилей, каждый из которых отделан с величайшей тщательностью, 2 300 статуй, тысячи зубцов, башенок, арок, разнообразнейших высеченных из мрамора украшений как бы устремляются ввысь и придают широкому зданию собора удивительную легкость и изящество. Невзирая на множество украшений и на то, что в ходе строительства были нарушены каноны архитектуры — верхняя часть собора выдержана в готическом стиле, нижняя же содержит в себе все элементы барокко, — собор представляет собой прекрасное гармоническое целое.

ТУРИН

Из Милана мы поехали на запад, в сторону французской границы. Поезд быстро мчал нас по густо населенной, плодородной, пересекаемой многочисленными реками и речками Ломбардской равнине. Незаметно мы въезжаем в более холмистый Пьемонт. Проходит немного времени, и мы у цели нашего путе-

шествия — в главном городе Пьемонта и втором крупном индустриальном центре Северной Италии—Турине. Местоположение Турина прекрасно: у подножья гряды раскинувшихся с востока невысоких холмов, в просторной долине реки По и ее притока Дора Рипария. Турин — весь обрамленный зеленью, с прекрасным видом на снежные вершины Альп, до первых отрогов которых в западном направлении не более пятнадцати километров, — очень красив. Это большой, вполне современный город с прямыми, широкими, пересекающимися под прямым углом улицами и просторными площадями. Восточную часть города дугой охватывает По, а через северную протекает неширокая Дора Рипария.

В Турине, в отличие от большинства других крупных итальянских городов, почти ничего не напоминает о старине.

Здесь расположены крупные автомобильные, авиационные, машиностроительные заводы. Туринский пролетариат славится своими боевыми традициями. В 1944 и 1945 годах туринские партизаны мужественно дрались с эсэсовцами и с фашистами Муссолини. Исключительно благодаря героизму туринских рабочих гитлеровцам не удалось во время отхода взорвать большие туринские заводы.

Турин иногда называют городом Фиата. Здесь штаб-квартира этого концерна, тесно связанного с американским капиталом, здесь находится ряд его предприятий. Концерн Фиата — это не только автомобили; в состав его входят сталелитейные, авиационные заводы, ремонтные и литейные мастерские. Через финансовое объединение «ИФИ», в состав которого он входит, Фиат контролирует много других предприятий, не имеющих, казалось бы, никакого отношения к машиностроению, вплоть до фирмы, изготавливающей известный туринский вермут «Чинцано», и до распространенной туринской газеты «Стампа». Неудивительно поэтому, что именно Турин является ареной ожесточенных классовых боев между его передовым индустриальным пролетариатом и мощным монополистическим концерном, за спиной которого стоят еще более мощные американские капиталисты и весь аппарат власти демо-христианского правительства.

Автомобильный завод Фиат нам разрешили посетить. Но администрация приняла меры, чтобы не допустить общения нашего с рабочими. Весь очень большой завод мы осматривали, не сходя с автомашин. Тем не менее рабочие встретили нас с цветами, приветствовали шумными возгласами одобрения и всячески старались выразить свою симпатию к представителям страны Советов.

Из промышленных предприятий мы, помимо завода Фиат, осмотрели завод шарикоподшипников фирмы РИФ. В сопровождении директора и главного инженера мы обошли ряд цехов и лабораторий. Администрация заранее строго-настрого приказала рабочим: никаких приветствий и никаких разговоров

с советской делегацией! О том же самом предупредили и нас. Но первое, что мы увидели у самого входа, был рукописный плакат с надписью: «Привет посланцам Советского Союза, который использует атомную энергию для построения коммунизма».

В первом же цехе мы заметили, как внимательно смотрят на нас склонившиеся над станками рабочие. И мы увидели: рабочие бесшумно аплодируют нам; некоторые поднимали вверх сжатый кулак правой руки — Рот-фронт!

В следующем цехе появились небольшие приветственные плакаты. Рабочие молча сопровождали нас, двигаясь по параллельному пролету цеха. Один из плакатов был написан по-русски: «Дорогие товарищи, передайте привет коммунистической молодежи Советского Союза от коммунистической молодежи Италии».

В другом цехе рабочие встретили нас хотя и без слов, но зато громкими и дружными аплодисментами. А в механическом цехе рабочие вышли к нам навстречу. Один из них с трудом прочел по записке написанное на русском языке горячее приветствие от имени рабочих и служащих завода. После этого рабочие подошли к нам и стали крепко жать нам руки. А дальше, в последующих цехах, встречающие нас рабочие уже не молчали; главному инженеру оставалось только отходить с мрачным видом в сторону. Смуглый юноша горячо и взволнованно приветствовал советскую делегацию от имени организации коммунистической молодежи. Были приветствия и от профсоюза, и от бывших партизан и военнопленных.

Особенно трогательной была встреча с работницами. Они протягивали нам букеты цветов, обнимали нас, многие при этом плакали, но лица их светились радостью. Эти цветы мы возложили у мемориальной доски, увековечивающей имена партизан — рабочих завода РИФ, погибших в борьбе против фашизма. Когда мы собрались уезжать, на заводской двор выпала большая толпа рабочих и служащих, чтобы проводить нас. Уехали мы под аплодисменты и возгласы приветствий.

В Турине нам довелось еще побывать в университете и в Академии наук. Мы ознакомились с отдельными институтами, в частности с физическим институтом, с клиникой и с кабинетом судебной медицины имени Ломброзо.

В физическом институте нам продемонстрировали первую модель вращающегося магнитного поля, изобретенного итальянским ученым Феррарис. В этом институте я провел беседу-лекцию, в которой, между прочим, отметил, что итальянский ученый Феррарис и русский ученый Доливо-Добровольский, сконструировавший трехфазный трансформатор, являются пионерами в области передачи электроэнергии на расстоянии.

Ректор университета профессор Алларо дал в нашу честь обед, на котором присутствовала профессура университета, по-

литехнического института и Туринской академии наук. Итальянские ученые и представители интеллигенции приняли нас не только корректно, но и в большинстве своем чрезвычайно тепло и дружелюбно. Это можно сказать не только о встречах в Турине, но и в других городах.

Ректор Болонского университета, как нам говорили, человек далеко не прогрессивных убеждений. Тем не менее он принял нас с большой торжественностью. Болонский университет, основанный еще в XI веке, является одним из старейших в мире. Там считают долгом соблюдать древний церемониал. Обслуживающий персонал был одет в старинную парадную одежду, монументальная лестница — устлана коврами. Нас проводили к ректору, который ожидал в своем кабинете. Профессора стояли полукругом. Ректор прочел по бумажке свое приветствие, после чего я в ответном слове отметил, что мы благодарим за прием в одном из старейших университетов, давшем науке плеяду крупных ученых, начиная с Гальвани. Ректор поднес Н. М. Парфеновой и мне почетные медали, с выбитым на них изображением первой печати университета.

ФЛОРЕНЦИЯ

Итак, мы во Флоренции — «ла белла» — прекрасной, как ее с полным правом называют итальянцы. Она как бы живое воплощение того итальянского ренессанса, который столько дал человечеству, выбиравшемуся из мрачных дебрей угрюмого, схоластического средневековья. В цветущей долине Арно, между виноградниками холмов Кьянти и безлесными склонами Апеннин, в самом сердце той северной части полуострова, которая с ее многочисленными республиками-городами была подлинной колыбелью возрождения, посреди классического итальянского пейзажа с его стройными кипарисами и пиниями, в венке чудесных садов и виноградников и скрывающихся среди них домиков и вилл, Флоренция уже издали прекрасна. Но и вблизи она не разочаровывает. Ни в одном из итальянских городов не сохранился такой аромат старины, как во Флоренции — родине Данте, Бенвенуто Челлини, Бокаччо, Боттичелли, Донателло, Вероккьо и других гениев эпохи Возрождения — художников, скульпторов, поэтов, зодчих, композиторов.

Узкая лента Арно, пересеченная несколькими арочными мостами, делит город на две неравные части. Над самой серединой города возвышается могучий красноватый купол собора, ближе к реке высится четырехугольная башня палаццо Веккио на площади Синьории.

Великие зодчие чудесно украсили Флоренцию своими творениями. Удивительный вкус, чувство пропорции, умение создать замечательный архитектурный ансамбль из весьма несо-

жих зданий поражают и приводят в восхищение нас, людей XX века, так же как они восхищали людей совсем других эпох.

Чудесна в своей гармоничной завершенности площадь Синьории. Стройные и строгие линии увенчанных карнизами коричневых палаццо обрамляют не очень большую площадь с фонтаном Нептуна у занимающего правый угол площади палаццо Веккио с его зубчатой, несколько мрачной, нависающей над площадью верхней частью, и башней, давно уже ставшей эмблемой города. Сбоку от палаццо Веккио начинаются оба длинных, связанных между собой крытой галлереей, параллельных друг другу крыла дворца-музея Уффици. Здесь и в другом дворце-музее Питти собраны произведения мастеров, которыми заслуженно гордится итальянский народ. В этих двух музеях столько художественных сокровищ, притом не только итальянских, но и лучших мастеров фламандской школы и французских живописцев, что нужно иметь очень много времени, чтобы хоть сколько-нибудь ознакомиться с ними. Среди автопортретов знаменитых художников хранится здесь также автопортрет О. А. Кипренского.

В эпоху Медичи Уффици были государственной канцелярией, присутственными местами, архивом. Козимо Медичи приказал соединить их крытыми галлереями с палаццо Веккио и с расположенным на левом берегу Арно палаццо Питти. Галлерея к дворцу Питти тянется и по сей день на протяжении нескольких сот метров — сперва вдоль берега Арно, затем по второму этажу древнего крытого моста Понте Веккио и дальше через различные здания вплоть до палаццо Питти, расположенного посреди большого сада Боболи с его старинными террасами, широкими мраморными лестницами, беседками и павильонами. В нижнем этаже Понте Веккио до сих пор по средневековому обычаю размещены различные лавки.

Большие художественные ценности собраны также в Академии художеств, в Национальном музее, размещенном в палаццо Барджелло, в различных других дворцах и в церквях. Великолепные скульптуры собраны в Лоджии деи Ланци, представляющей как бы пристройку к левому крылу Уффиций, выходящую на площадь Синьории. Под сводчатыми арками необычайно изящного легкого портика лоджии выставлено несколько замечательных скульптур — «Персей с головой медузы» Бенвенуто Челлини, «Похищение сабинянок» Джамболонья и другие.

Даже среди большого числа крупных произведений искусства во Флоренции, как и в Риме, выделяются творения Микельанджело. Его статуи «Ночь» и «День» в церкви Сан Лоренцо на саркофаге Джулиано Медичи вряд ли имеют себе равных по выразительности поз и несравненному мастерству, с которым изваяны их могучие, прекрасные тела. Сам Микель-

анджело посвятил «Ночи» короткий сонет, призывавший не будить ее, пока царят тирания и позор, под которыми он подразумевал жестокий режим Медичи и французских и испанских захватчиков, наводнивших тогда Италию. Не менее знаменит установленный напротив саркофага надгробный памятник Лоренцо Медичи и две другие статуи у его подножья — «Утро» и «Вечер». Необычайно выразительна увенчанная шлемом, сидящая в нише между двумя пилястрами фигура воина — Лоренцо — с головой, опирающейся на левую руку. Поза свободная, спокойная; от всей фигуры веет мужественностью и властью. Ее называют иногда «мыслитель» из-за преисполняющего не только лицо, но и всю фигуру выражения суровой задумчивости.

Испытываешь невольную досаду, когда после осмотра таких подлинных сокровищ искусства попадаешь на выставку картин современных буржуазных художников. Какие-то искаженные разноцветные куски человеческих тел на фоне пестрых пятен, иногда попросту бессмысленная цветовая сумятица, нагромождение каких-то «беспредметных» кривых, спиралей и кубиков. В лучшем случае картины напоминают рисунки шести-семилетних детей. Все это подается под претенциозными заумными названиями, явно придуманными с рекламной целью. Какой-нибудь «синтез вечернего заката» или «атональную поэму» можно с таким же успехом назвать «бредом параноика». От этого дикая мазня ничего не потеряет. Остается только удивляться, как могут взрослые люди так бесстыдно и глупо кривляться и изображать такую чушь в стране с громадной художественной традицией, где кругом столько подлинно прекрасного.

Жители Флоренции приняли нас так же тепло, как встречали советскую делегацию в индустриальных Милане и Турине. Газета «Унита» организовала пресс-конференцию, на которую пришли далеко не только журналисты. Много флорентинцев из различных слоев общества захотело узнать, что будут говорить советские люди о своей стране. В величественном зале заседаний муниципалитета в палаццо Веккио собралось свыше трех тысяч человек. Нам задавали множество вопросов. Мы говорили обо всем, начиная от Великой Октябрьской социалистической революции до строительства Волго-Донского канала, от организации советского здравоохранения до переводов Данте на русский язык. Пресс-конференция стихийно превратилась в мощную демонстрацию дружбы. Наши ответы то и дело прерывались аплодисментами и возгласами одобрения. Когда пресс-конференция закончилась, публика не спешила разойтись, а выстроилась шпалерами у прохода. По дороге из президиума через зал нам жали руки, снова и снова раздавались аплодисменты и приветствия.

В дружественной обстановке прошла и моя встреча с группой инженеров завода «Галилео».

ВЕНЕЦИЯ

Мало есть городов, которые бы столько раз и так подробно описывали, как Венецию. Нужно сказать, что собственно Венеция, то есть расположенная на островах посреди лагуны в северо-западном углу Адриатического моря старая часть города с ее полуторастатысячным населением, сохранила свой исторический облик. Ей некуда расширяться. Вот уже скоро полторы тысячи лет, как она существует. Возникла она на столь, казалось бы, непригодном для крупного человеческого поселения месте не по чьей-нибудь случайной прихоти. В V веке здесь стали селиться люди, бежавшие от беспощадного нашествия гуннов. В следующем веке прибавилась новая волна поселенцев — беглецов от лангобардов. В древние времена жить тут, вероятно, было очень трудно и неудобно. Но город рос и мужал, превращаясь постепенно в самостоятельное государство, начавшее играть все большую роль в Средиземноморском бассейне. Были отведены в сторону течения рек Пьявы, Brentы и Силы, образовавших лагуну, но затоплявшие во время разливов острова. Начали укреплять состоящую из нескольких отдельных узких длинных отмелей песчаную косу, отделяющую лагуну от Адриатики и создающую спокойный большой залив, среди которого расположена Венеция, в четырех километрах от материка и в двух километрах от открытого моря. Во многих местах на песчаных отмелях косы были возведены каменные волнорезы, каждую плиту которых приходилось издалека подвозить на лодках. Некоторые из островов этой косы теперь обитаемы. Самый крупный из них — Лидо — превратился в модный морской курорт с большим песчаным пляжем.

В часы отлива лагуна мелеет, да и вообще дно ее изменчиво. И много веков неукосно углубляются и поддерживаются в судоходном состоянии многочисленные извилистые фарватеры и проходы, соединяющие лагуну с морем (два из них пригодны для крупных морских судов). Они обозначены цепочками плывучих биев с поблескивающими ночью сотнями мерцающих огней фонарями — «пали».

Сама Венеция расположена на 118 островах. Многие из них тесно сгрудились между собой и разделены 160 узкими каналами-улицами, через которые переброшено около четырехсот мостов. Только один «Большой канал» — канал Гранде — имеет ширину в 30—70 метров, большинство остальных не шире 4—6 метров. Есть, конечно, и сеть узеньких сухопутных переулков, но главными средствами сообщения, придающими Венеции ее своеобразие, и по сей день служат каналы.

И дворцы, и убогие домишки — все здания на островах Венеции построены на деревянных сваях. На протяжении сотен лет в неглубокое дно лагуны вбивались десятки миллионов свай. В XVII веке, например, только во время продолжавшейся

50 лет постройки большой церкви Санта Мария делле Салуте был вбит 1 миллион 156 тысяч свай.

Вплоть до середины прошлого века Венеция не была связана с сушей. Лишь в 1846 году был построен железнодорожный мост, а в 1933 году закончено строительство очень длинного моста для автострады. Этот мост шириной в 20 метров построен на 223 арках и 217 быках; в длину он имеет около восьми с половиной километров и связывает Венецию непосредственно с городом Местре на материке.

Сердце Венеции и сегодня — древняя площадь св. Марка и отходящая от нее под прямым углом Пьяццетта (маленькая площадь). Она выходит на широкий простор канала св. Марка — по сути говоря на судоходную лагуну, так что в старину венецианские галеры приставали прямо к парадной площади.

Незабываемое впечатление производит площадь св. Марка со своим Дворцом дождей, Кампаниллой и базиликой, когда из узкого переулочка выходишь на простор ее. Конечно, все это, включая стаи знаменитых голубей, которых исправно подкармливают туристы, точно такое, как на виденных сотни раз картинках. И все же, когда впервые воочию видишь всю эту вычурную и в то же время величественную каменную сказку, испытываешь чувство восхищенного изумления.

Первое, что бросается на площади в глаза, — это прекрасная в своей стройности башня Кампанилла, каменная эмблема Венеции. Уже издали встречала она венецианских мореходов, когда после дальнего плавания они входили на своих галерах в родную лагуну.

Просторная базилика сначала кажется как бы придавленной соседней с ней мощной и в то же время легкой в своем стремлении ввысь Кампаниллой. Древние стены базилики потемнели, пошли пятнами от сырости. Но когда вы присмотритесь к этому своеобразному, увенчанному пятью небольшими куполами и десятками шпилей и статуй зданию с его бесчисленными украшениями, разноцветными мраморными колоннами, мозаикой, цветными росписными и узорчатыми стеклами, со всем его неповторимым своеобразным обликом, очарование древней вычурной базилики станет вам понятным. Сюда свозилась в дар доля всех богатств, которые венецианские купцы, адмиралы, мореходы на протяжении многих веков добывали всеми правдами, а часто и неправдами, и просто силой оружия, во всех концах тогдашнего мира. Тут можно найти все, что казалось в старину драгоценным или редким, от каменного идола со скифского могильника до литого золота иконы на алтаре.

Венецианцы непременно расскажут вам, что число свезенных отовсюду колонн из ценнейших сортов мрамора доходит до 800, что покрывающая стены византийская мозаика зани-

мает площадь более чем в четыре тысячи квадратных метров и что вообще их базилика по накопленным в ней сокровищам — самый богатый в мире храм, богаче, чем даже римский собор Петра.

Гладкий камень площади, кое-где выложенный мозаичным орнаментом, правильнее назвать паркетом. Площадь св. Марка ведь только для пешеходов. Она не знала других коней, кроме бронзовой византийской квадриги, вывезенной еще в 1206 году после захвата крестоносцами столицы Восточной римской империи и установленной на портале базилики. В старину во время карнавала площадь превращалась в колоссальный праздничный зал. Ее устилали восточными коврами, убирали шелками, выносили из дворцов картины Тинторетто и Тициана, Карпаччио и Беллини, выставляли вражеские знамена и пушки — трофеи венецианских побед, освещали тысячами фонарей, факелов и плашек.

Так же неповторим и глубоко своеобразен, как базилика, и Дворец дождей. Яркая, пестрая, живописная венецианская готика, в которой явно преобладает мавританское влияние, особенно заметное в чудесном узорном каменном кружеве колоннады, так не похожа на суровую, устремленную ввысь готику Центральной и Западной Европы. Только в богатейшей, связанной со всем миром, кипящей бурной жизнью Венецианской республике мог быть создан этот неповторимый, величественный и пышный, и в то же время изящный, дворец. Теперь внутри Дворец дождей пустынен и выглядит нелюдимо, как всякое большое здание, в котором некогда кипела жизнь и которое теперь стало нежилым обломком старины. В потолок парадного зала вделаны картины Веронеза, Тициана и других мастеров итальянского Возрождения; сохранилась и галерея портретов дождей. Но ни мебели, ни утвари давно уже нет, и, быть может, из-за этого внутренность блистательного дворца производит такое невеселое впечатление.

Непосредственно под парадными залами расположены подземелья — тюрьмы. Некоторые из них ниже уровня моря, так что во время прилива их заливают вода. Показали нам и «Понте дель sospири» — мост вздохов, по которому осужденных вели на казнь. Этот мост представляет собой навешенную над каналом крытую галерею.

Довелось покататься по венецианским каналам на гондоле, мимо рядов старинных, темных, отделанных белым мрамором зданий, словно вырастающих непосредственно из воды. Да и гостиница «Луна», в которой мы остановились, тоже находится на одном из каналов, так что ступеньки крыльца уходят прямо в его мутноватую воду.

Одним словом, мы на-коротке проделали весь тот ритуал, который испокон веков положен для посещающих Венецию путешественников.

Но вся эта музейная старина носит теперь почти исключительно показательный, рассчитанный в первую очередь на иностранных туристов, характер. Коренные венецианцы не пользуются гондолами, а ездят на самых обычных гребных или моторных лодках, катерах, речных трамваях.

Особенно это ощущалось нами, поскольку мы попали сюда не в обычный туристский сезон — весну или начало осени, а зимой, когда приезжих мало.

Вообще в Венеции, больше чем в каком-либо другом из старинных крупных городов Италии, ощущается атмосфера упадка, может быть потому, что ни один из них не был сравнительно еще не так давно столь богат и не оказался столь неприступно закрытым к современным капиталистическим условиям, как Венеция.

Венеция была могущественной олигархической купеческой республикой не в течение какого-либо короткого, случайного исторического периода, а на протяжении долгих веков. Отважные мореходы, предприимчивые и хитрые купцы, расчетливые и дальновидные политики, коварные дипломаты — властители Венеции сумели на целые столетия сделать ее царицей морей. Город создал сеть колоний, стал великой по тому времени державой, умел заставить служить себе и проливать кровь за венецианские интересы левантинцев и мавров, далматинцев и славян. Город был по средневековым понятиям колоссально, чудовищно богат... Еще в XVIII веке, когда звезда Венеции уже давно закатилась и она утратила свое политическое влияние, город все же продолжал жить за счет остатков накопленных богатств, продолжал оставаться блистательным светским центром дворянского феодального общества, успешно конкурировавшим с Парижем, оставался городом искусств, театра и развлечений, интриг и карнавального веселья.

Все это давно отошло в область преданий. В начале нынешнего века Венецию еще кое-как поддерживал ее порт, а также поток туристов, за счет которых перебивалась часть ее населения. Поток этот теперь в значительной степени иссяк. Сколько-нибудь существенных предприятий в старой островной части города нет.

Порт, второй по значению в Италии, резко снизил свои обороты, так как зависел он от торговли с Востоком. Демокристинское правительство, как известно, по американской указке до последнего времени мешало развитию торговли с Советским Союзом и со странами народной демократии, а промышленные предприятия в расположенном на материке индустриальном пригороде Маргере бьются в тисках тяжелого экономического кризиса, парализующего хозяйство капиталистической Италии.

И старая Венеция дряхлеет и ветшает. Создается впечатление, что почти ничего не делается, чтобы сохранить в порядке

и сделать доступными для серьезного изучения ее прекрасные исторические достопримечательности и уцелевшие художественные сокровища. Если даже во Дворце дождей ощущается дух запустения, то судьба других, менее знаменитых исторических зданий еще печальнее. Некоторые дворцы превращены в гостиницы, один в кустарную мастерскую, другие просто необитаемы и медленно разрушаются. Чудесный мраморный дворец Контарини, украшенный прекрасными фресками и картинами, безлюден и пуст. Во многих зданиях ценные фрески и плафоны погибли, исчезли неизвестно куда сотни картин лучших итальянских мастеров, украшавшие прежде старые дворцы.

В одном из многочисленных старинных живописных зданий помещается совсем не живописная биржа труда, маленькая площадка перед которой заполнена унылыми, мокнущими под дождем фигурами, ожидающими, не перепадет ли хоть какая-нибудь случайная работа.

Старая островная Венеция теперь только часть города. Ее промышленные пригороды расположены на материке и выглядят точно так же, как в любом другом индустриальном городе Северной Италии. Жизнь в Венеции для простых людей чрезвычайно трудна. Процент безработных здесь, вероятно, еще выше, чем в других городах.

Но рабочие Венеции не унывают; свободолюбивый дух не покинул их. В 1944 году пять тысяч венецианских партизан упорно дрались в течение нескольких недель против крупных немецких сил; партизаны же сумели спасти Венецию от разгромлений со стороны отступавших гитлеровцев. А теперь, после войны, рабочая Венеция—один из оплотов Компартии наряду с такими индустриальными центрами, как Турин и Милан.

Мы выступили на многолюдной пресс-конференции в палатце Джустиниани, а также на массовом митинге, посвященном докладу сенатора Раванелли о поездке в Советский Союз. На митинге присутствовало более двух с половиной тысяч человек. И здесь речи советских делегатов были приняты с таким же энтузиазмом, как в миланском театре. Завершился митинг пением «Интернационала».

Познакомились мы и как-то сразу подружились с мэром Венеции, членом Коммунистической партии. Нам рассказали о нем эпизод, характерный для нынешней Италии. На местном судостроительном заводе администрация во время забастовки спровоцировала рабочих и начались волнения. Немедленно появились полицейские и даже войска. События могли принять трагический оборот, так как офицеры были готовы отдать приказ открыть огонь по рабочим. Но прибывший в этот момент мэр надел свою трехцветную ленту и мужественно пошел навстречу солдатам. Офицер не решился приказывать стрелять по мэру и дело обошлось без кровопролития.

Сам мэр рассказал нам о другом, не менее характерном случае. Итальянские школы находятся под большим влиянием католической церкви. Монахи и священники усиленно обрабатывают детей. В одной из венецианских школ мальчик — сын родителей-коммунистов — попал под влияние монахини. Она настойчиво настраивала ребенка против родителей и довела его до такого состояния, что убедила несчастного мальчика покончить самоубийством: ему, дескать, лучше отправиться на тот свет, чем жить с безбожниками-родителями. Доведенный до отчаяния, мальчик лег на рельсы и его в последнюю минуту выхватили из-под приближавшегося поезда случайные прохожие. Благодаря вмешательству прогрессивной печати случай получил широкую огласку и вызвал громадное возмущение рабочих. Дело дошло до суда. Но в качестве обвиняемой была привлечена не изуверка-монахиня, а редакция прогрессивной газеты. Как она посмела подрывать авторитет «педагога»-монахини! Мэру же предстояло выступить на суде в качестве свидетеля. Чем закончился этот возмутительный судебный процесс, я, к сожалению, не знаю, так как мы уехали до окончания его.

Чрезвычайно волнующим было наше прощание с венецианскими рабочими. Они пришли на вокзал проводить нас. Мэр, молодой уже человек, обнял меня. На глазах его были слезы.

— Передайте в Советском Союзе, — сказал он нам, — что итальянские рабочие никогда не будут воевать против Советского Союза!

Спрудившаяся вокруг нас густая толпа рабочих встретила эти слова аплодисментами.

НЕАПОЛЬ

Посещением Неаполя и Помпеи мы завершили нашу поездку по Италии. Был декабрь, но в Неаполе зима совершенно не чувствовалась. Разница в погоде была по сравнению с Римом громадная, хотя разделяющее их расстояние невелико. Впервые мы почувствовали себя в полном смысле слова на юге. Солнце светит по-летнему жарко, воздух чудесный, мягкий, краски яркие: прозрачная голубизна неба, прочеркнутая белыми барашками облаков, густая синь моря, сочная зелень садов и рощ.

Восхищающая даже самого сухого человека классическая красота Неаполя заключается именно в этих ярких, по-южному отчетливых красках, в просторной панораме широкого полукружья Неаполитанского залива, поднимающегося террасами на его берегу большого города, мощного, грозного конуса Везувия, покрытых виноградниками, садами и рощами холмов, сверкающего под лучами солнца необъятного морского простора... Где-то вдаль, на горизонте, из темнеющей водной

лазури, словно мираж, возникают контуры темных роц Сорренто и скалистого берега Капри.

Не нужно думать, что Неаполь менее историчен, чем другие итальянские города, но прошлое не оставило ему своих памятников, что он обделен сокровищами искусства. Напротив, за свою почти трехтысячелетнюю историю Неаполь пережил, вероятно, больше, чем любой другой город Средиземноморья. Через него прошли десятки завоевателей, он бывал столицей, резиденцией королей и герцогов, знал периоды расцвета и упадка. Издавна он считается наиболее крупным портом и торговым центром Южной Италии. Еще в конце прошлого века он был наиболее населенным городом всей страны. Неаполь может похвалиться музеями с собраниями античных скульптур и галереями картин старых мастеров, церквами и монастырями, палаццо и замками, наиболее крупный из которых — Кастель сант Эльмо — господствует с высоты крутого холма над центральной частью города.

Но все это как-то сразу отодвигается чудесным, неповторимым видом на Неаполитанский залив и чем-то другим, специфически неаполитанским: шумным зрелищем его бурлящей, бьющей через край жизни. На улицах необычайно оживленно. Быт иной, не такой, как на севере страны. Кажется, вся жизнь неаполитанцев проходит вне стен домов. На жаровнях готовят нехитрую пищу и тут же съедают ее, стирают белье и всякое тряпье и сушат его на протянутых повсюду веревках. Играют и шумят оборванные и грязные и тем не менее прелестные, веселые детишки, танцуют и поют под шарманку. Навстречу попадаются фокусники, музыканты. Необычайно много крикливых уличных продавцов. Много ларьков с заманчивыми горками фруктов и овощей; на маленьких жаровнях пекут на продажу каштаны, предлагают какие-то таинственные сладости; другие стараются сбыть грошовые сувениры и амулеты от «дурного глаза», вино, рыбу и «фрутти ди mare» — креветки и разную другую непонятную для нас морскую живность. Кучками собираются и, темпераментно жестикулируя, судачат о чем-то кулачки — старые и молодые...

Есть у Герцена высказывание, которое с присущей ему образностью и наблюдательностью рисует Италию. Насколько оно верно и для наших дней, я понял, очутившись в Неаполе:

«В Италии все определено, ярко, каждый клочок земли, каждый городок имеет свою физиономию, каждая страсть — свою цель, каждый час — свое освещение, тень, как ножом, отрезана от света; нашла туча — темно до того, что становится тоскливо; светит солнце — так обливает золотом все предметы и на душе становится радостно».

Во всем этом оживленном и шумном южном быте итальянская бедность чувствуется, однако, еще значительно отчетливее, чем в более вылощенном, подтянутом столичном Риме или

в индустриальном Турине. Люди в массе одеты хуже, чем на севере. Совсем неподалеку от элегантной набережной с ее нарядными особняками и гостиницами начинаются населенные беднотой узенькие улочки, карабкающиеся в гору и постепенно превращающиеся в лабиринт лестниц, тупиков, дворов, проходов между домами, таких узких, что обитатели их могут, стоя на балконе, пожать друг другу через улицу руки. Фасады домов голые, обшарпанные, в подтеках. Грязь везде страшная и, вероятно, никогда не просыхающая сырость. Множество убогих, крохотных ремесленных мастерских, которые трудно назвать иначе, как норы.

Традиционное неаполитанское «дольче фар ниенте» — приятное ничегонеделанье — приобрело в наши дни весьма невеселую окраску. Греясь на солнышке, сидят прямо на тротуаре плохо одетые, унылого вида люди — безработные. Приятного в их голодном ничегонеделанье очень мало. Безработица приобрела в Неаполе такой же острый характер, как и в других больших городах Италии. Нищенское пособие выдается только в течение первых шести месяцев безработицы, а дальше... живи как хочешь и чем хочешь.

ПОМПЕЯ

Обсаженная лимонными и апельсиновыми деревьями, дорога из Неаполя в Помпею очаровательна. Открываются прекрасные виды на залив с чернеющим вдали силуэтом острова Капри, на Везувий, на поднимающиеся амфитеатром вдоль дороги рощи и виноградники. Уродливым диссонансом врываются лишь мелькающие по обочинам шоссе пестрые рекламные щиты. Особенно часто попадаетесь вездесущая в Италии американская «кока-кола».

Подъезжая к Помпее, попадаем на частную дорогу, именно на частную, за проезд по которой взимают особую плату; мы послушно вносим сторожу положенную дань.

Неповторимое впечатление оставляет Помпея. Этот римский город-курорт 1900 лет назад был во время сильнейшего извержения Везувия погребен под несколькими слоями вулканического пепла. Раскопки начались в 1748 году. И по сей день город еще не извлечен полностью из-под похоронившего его вулканического покрова. В настоящее время раскопки почти полностью прерваны.

Катастрофа умертвила некогда город и стоила жизни многим его обитателям. Она же сохранила его для позднейших веков. Под плотно слежавшимися массами пепла уцелели не только строения города, но и внутреннее убранство домов, их отделка, даже окраска, утварь.

Воочию убеждаешься в высоком уровне римской цивилизации. Мостовые на улицах выложены из добротных, массивных

каменных плит. Существовал настоящий водопровод, причем применялись даже свинцовые трубы. В садах много фонтанов. Из стен бань торчат коробчатые трубы для горячей воды. Сохранились магазины, театры, цирк и казарма для гладиаторов, ремесленные заведения, булочные. При булочной помещалась хлебопекарня, где выпекали хлеб.

Город был не только основательно построен. Жители заботились и об украшении его. На стенах домов много фресок, повсюду — и на стенах, и на полах, и даже на тротуарах — широко применялась мозаика. Внутри домов, в садах, на улицах было много скульптур и бронзовых статуй. Большинство жилых помещений, бань и театров расписано яркими фресками. Некоторые из них имеют высокую художественную ценность.

Много часов мы бродили по выкопанному из пепла античному городу, заходили в его дома. Сперва создается ощущение, что попал в город-музей. Но ощущение «музейности» скоро пропадает и невольно переносишься на два тысячелетия назад. Внутреннее убранство некоторых домов настолько хорошо сохранилось, что кажется — древние их хозяева лишь ушли ненадолго и вскоре возвратятся. Перед входом в жилой дом обязательно вежливая надпись «сальве» — здравствуй. Но тут же на мозаике пола изображена собака, иногда в сопровождении надписи «каве канем» — берегись собаки!

В середине потолка переднего обширного помещения — атриума — вырезано отверстие, дающее дневной свет и обеспечивающее приток свежего воздуха. Под этим отверстием в пол вделан небольшой бассейн для дождевой воды. Жилые комнаты выходят в атриум. Боковых окон у них нет, так что свет поступает только из атриума. В одном из домов мы видели зал для пиров. Посередине зала установлен большой круглый стол, окруженный гранитными лежанками. Пировали в те времена не сидя, а полулежа, расположившись на подушках.

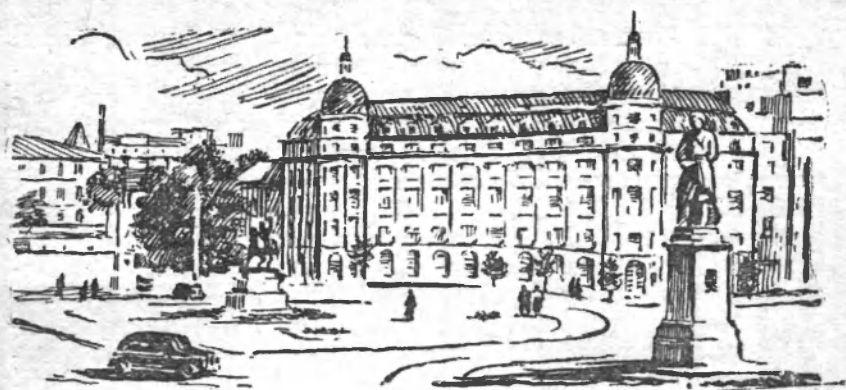
...День в декабре короток. Быстро опускаются южные сумерки. Пора расставаться с возрожденной из пепла античной Помпеи.

* *

*

Поездка по Италии закончена. Поезд уносит нас на северо-восток, в родную зимнюю Москву. Уезжаем, унося с собой воспоминание о прекрасной Италии с ее древней культурой, о ее талантливом, жизнерадостном, веселом, миролюбивом народе, проникнутом самыми хорошими, теплыми чувствами к нашей стране. Хочется на прощание от всего сердца пожелать нашим бесчисленным итальянским друзьям: жить в мире и спокойно, без всякой иностранной опеки, трудиться на благо своей страны.

НА МЕСЯЧНИКЕ ДРУЖБЫ В РУМЫНИИ

МЕСЯЧНИКИ румыно-советской дружбы за последние годы стали в Румынии хорошей традицией. Они начинаются за месяц до годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и как бы завершаются грандиозными демонстрациями 7 ноября.

Румынский народ любовно называет их «месячниками великой дружбы».

Официальным организатором их является общество дружественных связей с Советским Союзом (АРЛЮС). О размахе деятельности этого общества можно судить по числу его членов: во время нашего пребывания в Румынии оно доходило почти до пяти миллионов человек, объединенных в 20 тысяч кружков. А с тех пор, насколько мне известно, общество еще значительно выросло. Оно имеет большое издательство, собственные музеи, выставки, много книжных магазинов и работает чрезвычайно активно, пользуясь большой популярностью во всей стране. Достаточно сказать, что только за первую половину 1951 года АРЛЮС организовал 100 тысяч лекций об СССР, на которых присутствовало до десяти миллионов слушателей. В 1950 году были переведены и изданы 862 советские книги, общим тиражом свыше 30 миллионов экземпляров.

В проведении месячников, помимо самого АРЛЮСА, принимает деятельное участие вся румынская общественность, партийные, профессиональные и научные организации. В ходе этих месячников, превратившихся в подлинные всенародные праздники, особенно ярко проявляются искренние чувства любви, которые румынский народ питает к нашей стране.

В 1951 году на очередной месячник прибыла из Москвы в Бухарест делегация деятелей культуры и искусства, передовиков промышленности и сельского хозяйства. В состав нашей делегации входили: член-корреспондент Академии педагогических наук Н. Гончаров, народный артист СССР Н. Черкасов, писатель С. Бабаевский, действительный член ВАСХНИЛ Е. Ушакова, Герой Социалистического Труда железнодорожник В. Осипов, инженер-нефтяник С. Кафаров, агроном П. Сергеев, председатель колхоза «Победа» Московской области И. Егоров и автор этих строк.

Делегация провела в Румынии 32 дня. Мы не ограничились Бухарестом, а, разбившись на группы, побывали в большинстве крупных городов страны — Плоешти, Клуже, Тимишоаре, Решице, Яссах, Констанце, Сталин, а также на стройках и в нескольких селах. Выступления, беседы, лекции, встречи и доклады неизменно превращались в горячие демонстрации симпатии, признательности и уважения к нашей стране, к Коммунистической партии Советского Союза, к великому Сталину.

Чрезвычайно показателен громадный интерес, проявляемый людьми всех возрастов и профессий к Советскому Союзу. Могло бы казаться, что при наличии обширной переводной советской литературы, как художественной, так и по различным отраслям знания, и организации множества лекций о нашей стране, выступления советских людей не могут привлекать особенно много слушателей. В действительности же это не так. Укрепление дружественных связей между СССР и Румынией создало колоссальный интерес к встречам с представителями советского народа, деятелями его культуры, науки, промышленности, сельского хозяйства.

Благодаря этому живому человеческому интересу и проявлениям глубокой симпатии к нам, разнообразные наши румынские встречи ни разу не были показательными, парадными. Куда бы мы ни приезжали, всегда сразу же устанавливались сердечные, искренние отношения. Если речь шла о массовой встрече, приветствия приобретали бурный, восторженный характер, со всей присущей румынскому народу южной темпераментностью.

Не нужно, однако, думать, что встречи ограничивались взаимными приветствиями и осмотром примечательных мест. Повсюду обязательно начинались подробнейшие расспросы. Беседы зачастую превращались в самые доподлинные консультации. Румыны с жадностью воспринимают советский опыт, стремясь использовать его у себя, искренне хотят перенять у советских людей все ценное, учиться у них. Поэтому беседы продолжались по три-четыре часа, а иногда и больше. Зачастую они прекращались только по прямому настоянию их румынских организаторов, с большой деликатностью и вежливостью охранявших нас от переутомления. Сколь велика любознательность наших румынских друзей, можно судить по сле-

дующим нескольким цифрам. За время нашего пребывания в Румынии только Н. К. Гончаров и я прочли 20 докладов и лекций; помимо того, членами делегации было проведено 109 совещаний и бесед, на которых присутствовало 28 тысяч человек. Нам довелось также выступить на 18 митингах, собраниях и конференциях. Число участников их составило в общей сложности около 60 тысяч человек. Особенно активными и заинтересованными бывали наши слушатели, если речь шла о встречах по специальности, если, например, Н. Черкасову доводилось беседовать с кинорobotниками или актерами, а мне — с инженерами или учеными. В этих случаях беседы бывали особенно обстоятельными и приобретали сугубо деловой характер.

Сердечное дружелюбие и искреннее стремление почерпнуть как можно больше из бесед с нами доставляли большую радость. И каждый из нас от всей души старался помочь, быть полезным, поделиться своими знаниями.

Герой Социалистического Труда В. Т. Осипов не только провел 11 совещаний и бесед с румынскими железнодорожниками, но и показал на практике, как осуществляются у нас ступенчатые маршруты.

На продолжавшейся два дня конференции транспортников в Бухаресте присутствовало 700 делегатов со всех концов страны. Доклад товарища Осипова вызвал громадный интерес, ему пришлось подробно ответить на 105 вопросов.

* *
*

В румынскую столицу мы прибыли утром 8 октября. В Москве осень уже вступила в свои права, но здесь, на юге, только вечерами было прохладно, а дни стояли теплые, погожие. В обширных парках зеленели могучие старые деревья, на кустах еще не увяли поздние цветы. В отношении погоды нам решительно повезло! В Бухаресте климат степной, с длинным знойным летом и непостоянной зимой, когда северо-восточный ветер «кривец» приносит украинские морозы. Иногда зимой в течение суток температура понижается на 15 градусов. Год на год не приходится: бывает, что снег с небольшими перепадами лежит в течение трех месяцев и морозы доходят до 20 градусов и больше, а бывает и так, что снег удерживается лишь несколько дней.

Весна же и осень здесь короткие.

Расположен Бухарест в южной части Румынии, на Валахской низменности, примерно на полпути между южными отрогами Карпат и Дунаем.

Естественно возникает вопрос, почему такой крупный город и важный центр, как Бухарест, был в старину построен не на великом водном пути — Дунае, а километрах в шестидесяти от него, на довольно убогой, несудоходной речке Дымбовице,

впадающей даже не в самый Дунай, а в его приток Арджеш. Объясняется, это, повидимому, тем, что Дунай не был достаточно надежной защитой от различных, приходивших с юга врагов, в первую очередь турок-османов. В старину Бухарест был прикрыт с юга — со стороны Дуная — не только самой рекой и ее болотистыми, труднопроходимыми плавнями, но и широкой полосой дубовых и других лиственных лесов. Еще в начале прошлого века эти леса, если верить описаниям тогдашних путешественников, были настолько густыми, что иначе, как по редким дорогам, через них не только что в экипаже, а даже пешему было пробраться очень трудно. Леса кишели разбойниками, и путешествие без сильного конвоя считалось небезопасным. Защищаться же в них, даже против сильного противника, было удобно.

Таким образом, Бухарест был, помимо водной преграды Дуная, прикрыт еще вторым естественным барьером — полосой болот и девственных лесов. Теперь леса почти полностью вырублены. Но кое-где в окрестностях столицы, в особенности вокруг старых монастырей, сохранились живописные дубовые роши.

Основателем Бухареста по преданию был легендарный пастух Букур (по-румынски город называется Букурешти). Впрочем, существует и другое объяснение названия города. «Букурие» означает радость, так что Букурешти — город радости, названный так по случаю победы валахского князя Мирча над турками в конце XIV века.

Падение Византии, захват черноморских и дунайских портов турками привели к закрытию традиционного морского пути через проливы, а также юго-восточных сухопутных дорог через Малую Азию и содействовали развитию Бухареста: он оказался узлом дорог на новом пути из Центральной Европы на восток — по валахскому сухопутному коридору между Карпатами и Дунаем.

Но в течение долгих веков Бухарест оставался скорее конгломератом укрепленных монастырей, деревушек и боярских поместий, чем настоящим городом. В 1698 году он был объявлен официальной столицей Валахии — резиденцией господаря. Но от этого он еще не стал большим городом, даже в тогдашнем европейском понимании этого слова, хотя число его жителей и превышало 50 тысяч. Сохранившаяся кое-где и по сей день в некоторых старых кварталах необычная беспорядочная извилистость улочек и переулков объясняется тем, что они возникли на месте троп, окружавших боярские поместья, из которых некогда состояла большая часть Бухареста.

В старые времена мошених улиц не было. Дороги в болотистых частях города были настолько топкими, что их устилали досками, по которым с трудом передвигались экипажи и пешеходы, ежеминутно рискуя провалиться в грязь.

Много войн пронеслось над Бухарестом. Им правили став-

ленники османов — фанариоты, здесь проходили турецкие, русские, австрийские, сербские войска. Землетрясения, эпидемии чумы, громадные пожары опустошали город. Последний большой пожар в 1847 году уничтожил значительную часть Бухареста. Но город с его разноплеменным населением был живуч. Первый период настоящего его развития начался с 1878 года, после того как русские войска освободили Румынию от турецкого владычества.

Бояре и молодая румынская буржуазия тяготели, однако, не к царской России, а к Западной Европе. Начался период стремительного превращения нового государства в балканскую полуконию французского, английского, германского, а после первой мировой войны и американского капитала. Наличие больших естественных богатств, — нефти, плодородной почвы, ценных пород леса, — а также дешевой, забитой боярами рабочей силы привлекало капиталистических хищников. Началась эпоха грядущего — капиталистической эксплуатации и разграбления страны, которая по своей разнузданности, беспощадности и полной закабаленности иностранным капиталом далеко оставляет за собой даже царскую Россию.

В этой лихорадочной атмосфере Бухарест рос очень быстро: достаточно сказать, что за 30 лет, с 1912 по 1941 год, население его увеличилось втрое. Наряду с банками и торговыми фирмами появилось довольно много фабрик и заводов, в большинстве своем мелких и средних, так что здесь сконцентрировалось более трети румынской обрабатывающей промышленности. Но рост этот был нездоровый. Он полностью отражал всю уродливость капиталистического развития Румынии, превращавшейся из балканского феодального захолустья в полукониальный сырьевой придаток западного крупного капитала. Обычные для буржуазных городов контрасты в Бухаресте были, пожалуй, резче, чем в любой другой европейской столице; внешние следы их заметны и по сей день. Один из западноевропейских буржуазных бытописателей Бухареста, побывавший здесь лет двадцать назад, сообщал, что город некоторым образом напоминает пирамиду: центр из нескольких, застроенных пяти-шестиэтажными домами улиц — главной Кале Виктория, торговой улицы Липскани, трех-четырех нарядных бульваров; его окружает широкое кольцо, состоящее из лабиринта старых узких кривых улочек с трех-, двух- и одноэтажными домишками; а дальше последующим кольцом Бухарест охватывают предместья — «махалла». Это неимоверно запущенные, грязные поселки, из убогих глинобитных мазанок, перемежающихся с мрачными, безжизненными пустырями и зловонными свалками. В центре этих поселков были кабаки и трактиры. Весь город, за исключением комфортабельного буржуазно-аристократического центра, утопал весной и осенью в топкой грязи, а летом — в густых облаках пыли, поднимаемой знойным южным ветром.

Таково наследство, которое досталось румынскому народу, когда он, благодаря помощи героической Советской Армии, изгнавшей гитлеровских оккупантов, 23 августа 1944 года сбросил фашистскую диктатуру Антонеску.

С тех пор прошло весьма немного лет, в особенности если учесть, что к плановой, широкой реконструкции своей столицы народ смог приступить лишь несколько позже, когда был создан народно-демократический строй.

За эти годы сделано необычайно много. Но, конечно, и сейчас еще старый Бухарест отчетливо виден сквозь леса прекрасной новой, народной столицы. Бывшие аристократические кварталы и центр застроены не всегда красивыми, но обязательно претендующими на нарядность, крупными зданиями обычного западноевропейского типа. Улицы благоустроены, довольно много зелени.

Но стоит отъехать немного в сторону от нескольких широких центральных улиц, как попадешь в путаницу кривых, словно переплетающихся, узких улочек и переулков. Архитектура небольших старых двух-трехэтажных зданий приобретает национальный румынский характер, слегка напоминающий старые кварталы наших закавказских городов. Квадратные дворики, покосившиеся наружные лестницы, веранды, балкончики. Многие усадьбы снаружи слепы, окна выходят на внутренние дворы.

Чем дальше от центра, тем дома имеют более бедный вид. Рабочие окраины до недавнего времени были лишены самых элементарных городских удобств: более 80% домов не имели ни водопровода, ни канализации, ни электрического освещения.

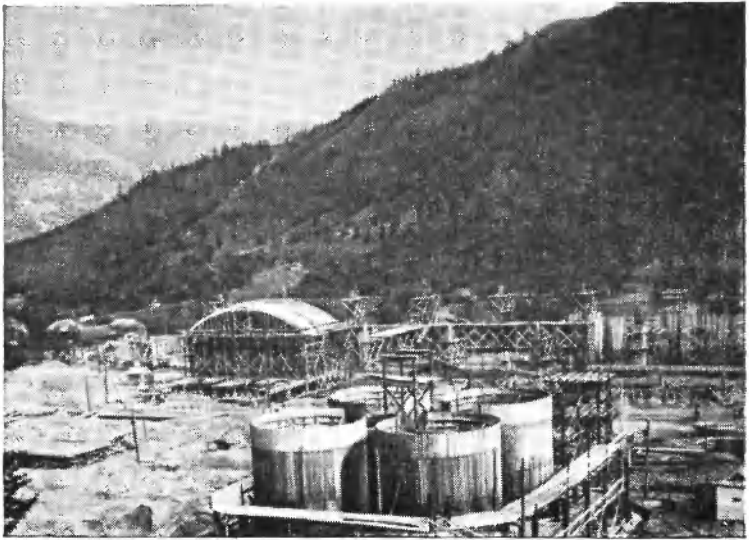
Заводы построены так, что дым и копоть отравляют атмосферу, в некоторых местах заводские кварталы прорываются к самому центру.

Но уже в 1951 году бросалось в глаза, как много успел сделать новый общественный строй для простых людей Бухареста и вообще для благоустройства города. Рабочие районы обеспечены теперь коммунальными удобствами. Проведены водопровод, канализация, электричество. В 1948 году был сооружен газопровод, непосредственно связывающий Бухарест с газовыми месторождениями Трансильвании.

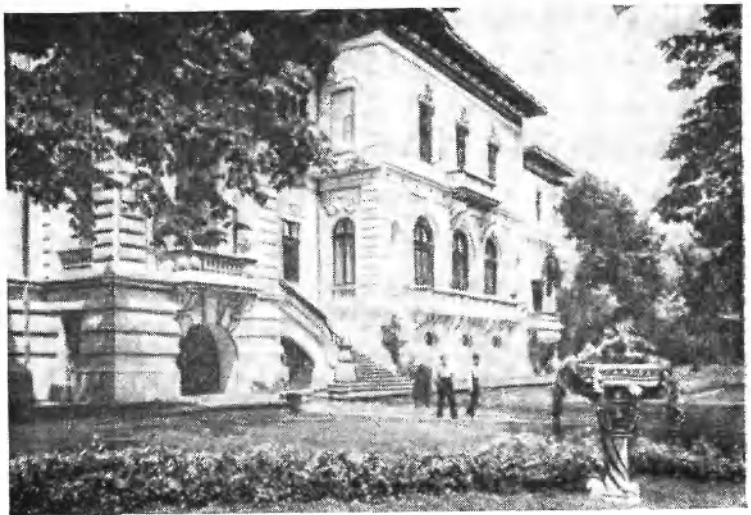
Расширяются существующие предприятия, построено и еще ведется большое строительство новых фабрик и заводов. Прежние «махалла» уступают место необычным для старой Румынии поселкам из аккуратных, снабженных всеми удобствами многоквартирных домов или из небольших коттеджей. В районе Ферентарь мы осмотрели такой образцовый рабочий поселок. Недалеко от железнодорожных мастерских «Красная Гривица» строится другой такой поселок. На месте прежних свалок и пустырей, так называемых майданов, разбивают сады, скверы, детские площадки,

Бухарест. Памятник советским героям
на площади Победы в Бухаресте.

Румыния. На стройке гидроэлектростанции имени В. И. Ленина.

Бухарест. Дворец пионеров.

На заводе имени 23 августа в Бухаресте.
Беседа со стахановцем механического цеха
Николае Ютешом.

Новые жилые дома в рабочем районе Ферентарь в Бухаресте.

Дунай и остров Маргит в Будапеште.

Здание Венгерской адакемии наук в Будапеште.

В Бухаресте с громадной силой чувствуется, как счастлив румынский народ, после долгих веков бесправия, унижения, феодального, а потом капиталистического рабства обретший возможность жить собственной жизнью. Народ словно родился вновь. Столица его действительно стала городом радости. Она охвачена пафосом строительства. Громадное впечатление производит превращение старого буржуазного Бухареста с его чудовищными, по сути говоря варварскими, контрастами в новый социалистический город. Нам с подлинным энтузиазмом много рассказывали о начатом тогда разработкой, а ныне уже утвержденном постановлением ЦК Румынской рабочей партии и Совета министров плане социалистической реконструкции Бухареста. Будет окончательно ликвидирован резкий контраст между центром и окраинами. Новые жилые кварталы будут утпаться в зелени парков и садов. Площадь зеленых насаждений, составлявшая в 1944 году один квадратный метр на жителя города, возрастет до 15 квадратных метров на человека. Вокруг города будет создана сельскохозяйственная база для снабжения населения.

Рассекающая город пополам река Дымбовица, которая в старом Бухаресте представляла нечто вроде канала для стока нечистот, будет расширена до 50—60 метров. Впервые она станет судоходной и дополнит благоустроенными набережными архитектурное оформление нового Бухареста. Будет создан речной порт на проектируемом судоходном канале Бухарест — Дунай. По берегам этого канала возникнут прекрасные здания, в том числе новый университетский городок.

Строятся или разрабатываются проекты строительства новых великолепных зданий, парков, спортивных стадионов, кинематографического центра. Проектируется также метро. Румынский народ хочет, чтобы Бухарест стал достойной столицей страны, строящей социализм.

Мы посетили находившийся тогда в самом разгаре строительства крупный полиграфический комбинат «Скынтея». Уже при нас часть цехов была сдана в эксплуатацию и в них печатались бухарестские газеты.

Незабываемое впечатление произвело посещение завода имени 23 августа. Встречать нас собралось около пяти тысяч человек. Приняли нас необычайно радушно, горячо реагировали на мое выступление. Нам показали концерт заводской самодеятельности. Такой концерт для нас нечто привычное и само собой разумеющееся, но в Румынии и это — одно из проявлений того нового, которое пришло сюда совсем недавно — после освобождения от старого буржуазного режима.

На заводе имени 23 августа, как, впрочем, и на других посещенных нами предприятиях, немало рабочих показывает образцы подлинного трудового энтузиазма, перекрывая вдвое, втрое и даже вчетверо установленные нормы.

Помимо пехов, мы осмотрели на заводе детский сад и ясли. И это нечто небывалое в прежней Румынии. И сад, и ясли хорошо оборудованы, сверкают чистотой. Заботливые воспитательницы развлекают детей, учат их песням, рукоделию, играм, следят за тем, чтобы дети сытно питались.

Вообще попечение о детях и молодежи является одной из главных забот народно-демократической власти. Какое это имеет значение именно для Румынии, можно понять из одного простого факта: прежняя Румыния занимала первое место в Европе по детской смертности — здесь умирало около трети всех детей в возрасте до двух лет. Теперь детская смертность уменьшилась до 8%. Далось это, конечно, нелегко. Помогло и общее улучшение бытовых условий трудящегося населения, и целый комплекс профилактических и санитарно-гигиенических мероприятий, и создание сети специальных детских учреждений. Растет и количество школ. В одном только Бухаресте, ко времени нашего пребывания там, было построено 11 новых школьных зданий; помимо обычных средних, было открыто 48 технических школ.

Обширный королевский дворец превращен в Бухаресте в Дом пионеров. Функционирует много кружков. В одном из залов установлена действующая модель электрической железной дороги. Вместе с дворцом собственностью ребят стал большой, удивительно красивый парк. Здесь устроены спортивные площадки, бассейн. Сотни веселых, цветущих черноглазых ребят заполняют парк и дворец шумом и гомоном звонких голосов, сосредоточенно берутся в технических кружках и лабораториях, читают, рисуют, лепят...

Побывали мы в Бухаресте также на заводе «Динамо» и в железнодорожных мастерских «Красная Гривица». Мастерские эти за последние годы разрослись, обогатились современной техникой. Рабочие гордятся большими революционными традициями своего предприятия, гордятся тем, что здесь работал и начинал свою политическую деятельность товарищ Георге Георгиу-Деж. Много рабочих Красной Гривицы отдали жизнь во время февральских событий 1933 года, когда королевские власти вызвали войска и пытались утопить в крови забастовку железнодорожников.

Прежде эти железнодорожные мастерские были окружены жалкими лачугами и пустырями, о каких я упоминал выше. Но уже в бытность нашу здесь полным ходом строился прекрасный рабочий поселок «Стяуа» (Звезда), состоящий в основном из многоквартирных трехэтажных домов. Построены также клуб, поликлиника, школы. На месте зловонной свалки, такой громадной, что она имела даже особое название — «Куцуица», разбивается спортивный парк «Красная Гривица».

Довелось, конечно, ознакомиться в Бухаресте и с научными учреждениями, в частности с Академией наук. До установления

народно-демократической власти Академия за почти столетнее свое существование не создала ничего действительно значительного. Дело дальше торжественно провозглашаемых широковещательных программ не шло. Ни толковый словарь, ни грамматика румынского языка, ни коллекция научно-исторических документов так и не были созданы. Да иначе и не могло быть: полностью отсутствовали необходимые для планомерной научной работы условия, ни у кого даже не было в мыслях привлечь к выполнению намеченных задач широкий коллектив научных работников. Правящие классы находились всецело в подчинении у монополистического капитала западных держав. Стремясь подражать во всем Западу и импортируя оттуда предметы своего обихода, они считали, что культуру можно ввозить, как любой товар, и совершенно не были заинтересованы в развитии отечественной науки. Поскольку на их бирже национальная наука совершенно не котировалась, она была осуждена на прозябание, за исключением нескольких действительно выдающихся ученых и писателей, которых Академия вынуждена была принять, чтобы попытаться поддержать их именами свой престиж. В основном в ее списках числились некоторые состоящие на службе у капиталистических фирм инженеры и такие «деятели науки», как банкиры и даже бывший итальянский король Виктор Эммануил III. Только ценой самоотверженного труда, без всякой поддержки со стороны Академии, некоторым передовым деятелям культуры удалось все же создать отдельные ценные научные работы и художественные произведения и сохранить лучшие традиции румынской культуры.

Победа румынского рабочего класса, приведшая к установлению народно-демократического строя, создала условия и для коренной перестройки всей деятельности Академии. В 1948 году она была реорганизована. С тех пор развитие ее пошло по новому, плодотворному пути, и она становится центром активной творческой работы виднейших деятелей румынской науки и культуры. Увязать науку с практикой — вот к чему теперь стремится чрезвычайно выросший и количественно и качественно коллектив Академии. В своем служении великому делу строительства социализма нынешняя Академия стремится использовать богатейший опыт Академии наук СССР.

Рациональное использование природных ресурсов страны, подведение научной базы под индустриализацию, расчистка богатой истории страны от слоя буржуазной фальсификации, борьба против тяжелых недугов, от которых люди страдали из поколения в поколение и которые считались привычным неизбежным злом, — таковы те благородные задачи, которые Румынская Академия наук ставит в основу своей деятельности.

И нужно сказать, что, невзирая на чрезвычайно краткий срок, прошедший со времени реорганизации Академии, она может уже отметить довольно значительные успехи.

В некоторых областях Румынии посадки картофеля страдали от черной парши, превращавшей картофелины в куски полусгнившей массы. Сейчас эта болезнь преодолена. Повсюду сажают новые сорта картофеля, не восприимчивые к этой болезни. Созданию их помогли различные сорта картофеля, доставленные из Советского Союза.

Веками некоторые районы Румынии страдали от эндемического зоба. Прежние господа страны не израсходовали ни одной леи на борьбу против этой серьезной болезни. В настоящее время институт эндокринологии организовал чрезвычайно крупное по своим масштабам обследование. В результате принят целый ряд профилактических и терапевтических мероприятий и можно не сомневаться, что через некоторое время эндемический зоб отойдет в прошлое.

Значительных успехов добились институты и коллектив отделения медицины Академии в борьбе против малярии и туберкулеза. Число больных малярией снизилось в 10 раз.

В отделении языковедения, литературы и искусства проводится изучение румынского языка и румынской литературы в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. Серьезную работу начал также институт истории. Вопреки неверным утверждениям буржуазных историков, формирование румынского народа тесно связано со славянством. Об этом свидетельствует не только множество исторических памятников, за изучение которых взялись в последние годы. При ознакомлении с румынским языком сразу бросается в глаза наличие в нем большого числа славянских терминов. До первой половины прошлого века румыны пользовались кириллицей, и лишь тогда был введен латинский алфавит. Новейшие исторические исследования с несомненностью устанавливают наличие весьма тесных исторических связей румынского и славянских народов.

Значительным событием в развитии румынской научной мысли была проведенная осенью 1951 года чрезвычайная сессия Академии наук, посвященная плану электрификации страны. В течение пяти дней шесть комиссий, в состав которых входило свыше 150 специалистов, не только ученых, но и инженеров, агрономов и представителей соответствующих министерств, обсуждали проект плана. Сессия прошла с большим подъемом, многие предложения способствовали улучшению проекта, обеспечили более правильное решение вопросов.

Сессия показала, что в развитии румынской науки произошел подлинный перелом. И пожилые ученые, и молодые научные сотрудники обсудили свою деятельность в духе критики и самокритики и взяли на себя конкретные обязательства. Чрезвычайно положительным явлением было активное участие молодых научных работников, свидетельствующее о первых успехах в подготовке новых кадров: из представленных на сессию 100 сообщений около половины было подготовлено науч-

ной молодежью. В Академии идет упорная борьба с вредными пережитками прошлого, с проявлениями космополитизма, с раблепным преклонением перед Западом и пренебрежительной недооценкой национальной науки и культуры. Творческий метод марксизма-ленинизма постепенно осваивается румынскими учеными.

* *
*

Немало пришлось нам поехать по Румынии. Мы побывали и в тихом университетском городе Клуже, и в Плоешти с его нефтяными промыслами, и на стройках канала Дунай — Черное море и гидроцентрали имени В. И. Ленина, и в Тимишоаре, и в бывшем королевском дворце в Синае, и даже в бывшей королевской тюрьме Дофтаны, расположенной в долине реки Праховы, к северу от Бухареста, в центральной части страны — в Трансильванских Альпах у подножья горного массива, известного под названием Бучеджи.

С Бухарестом эта несколько мрачная, в особенности в районе Дофтаны, но живописная горная долина соединена автострадой и электрифицированной железной дорогой. Здесь еще сохранились местами густые хвойные, состоящие из ели, пихты и лиственницы, леса и красивые буковые рощи. Долина Праховы довольно густо населена: то и дело мелькают поселки, заводи, монастыри и дачи.

Большим угрюмым пауком выглядит Дофтанская тюрьма с ближайшей горы. Дофтаны была цитаделью буржуазно-помещичьего режима — его главной политической тюрьмой. Это отнюдь не старинное сооружение, не какой-нибудь замок или здание эпохи турецкого владычества. Король построил Дофтаны в 1907 году, когда в Румынии под влиянием русской революции 1904—1905 годов стало нарастать революционное движение и в городе и на селе. Нужно сказать, что темные каменные мешки — камеры-одиночки корпуса «Аш», пожалуй, страшнее темниц средневековых замков. В некоторых из них нельзя даже лечь, а можно только сидеть или стоять. В одном из таких каменных мешков томился Георг Георгиу-Деж, в других — его соратники. Во время землетрясения 1940 года много заключенных погибло, задавленные обрушившимися каменными стенами.

Новая народная власть превратила Дофтаны в музей, чтобы показать массам, как обращался королевский режим с сынами народа, борющимися за его свободу.

Всего в нескольких десятках километров от Дофтаны, в той же долине Праховы, находится другая королевская «достопримечательность» — дворец Синайя. Он расположен в живописной местности, посреди чудесного парка. Размеры дворца достаточно солидные — в нем имеется без малого четыреста залов и комнат. Теперь этот дворец также превращен в музей. Нужно

сказать, что большим вкусом румынские короли не отличались. Бросается в глаза мешанина различных стилей, много аляповатого и просто безобразного. Создается впечатление, словно попал в хоромы разбогатевшего купчины, стремящегося подражать аристократам.

Через несколько дней после поездки в долину Праховы нам довелось побывать в Клуже. Расположен этот город в северо-западной части страны — в Трансильвании. Это старинный, тихий, уютный город, весь утопающий в зелени, как бы созданный для ученых и студентов. В австро-венгерской монархии Клуж был городом венгерских помещиков; городское румынское население пребывало на положении бесправного национального меньшинства.

Любопытна история местного университета, основанного в 1872 году. Он был одним из центров венгерского шовинизма. Когда Трансильвания после первой мировой войны отошла к Румынии, называвшийся именем австрийского императора Франца-Иосифа университет был румынизирован и переименован именем румынского короля Фердинанда. Но в 1940 году после гитлеровского венского диктата Клуж снова ненадолго отошел к Венгрии и румынский университет был временно переведен в Сибиу. Новая, народная власть теперь, когда Трансильвания опять входит в состав Румынии, пошла по иному пути, чем буржуазно-помещичьи режимы Бухареста и Будапешта. Она систематически проводит политику полного равноправия, дружбы и братства народов. В Клуже сейчас два университета — румынский имени Бабеша и венгерский имени Бойяй, в честь известного трансильванского математика. В старом трансильванском городе дружно уживаются как местное румынское и венгерское население, так и студенты и преподаватели обоих университетов — венгерского и румынского.

Помимо двух университетов, здесь организован также филиал Академии наук. Для научных учреждений выстроены прекрасные, хорошо оборудованные здания. Видно, что народно-демократический строй не жалеет средств, чтобы создать все условия для развития науки. С большим размахом развертывается и система высшего образования. Прежде в Румынии было всего три университета. Теперь насчитывается 54 высших учебных заведения со 167 факультетами.

Из Клужа мы направились в Тимишоару и Решицу. Во время поездки мы еще раз убедились, как разнообразна природа Румынии. После придунайских степей, среди которых расположен Бухарест, после живописных Трансильванских Альп, мы очутились в густо населенной, плодородной, цветущей низменности, в так называемом Румынском Банате, занимающем самый западный угол страны.

Тимишоара — старый город с многочисленными церквями и жилыми кварталами обычной западноевропейской застройки

конца прошлого и начала нынешнего века, типичной для городов прежней Австро-Венгрии.

Здесь довольно много различных промышленных предприятий. В одном из просторных новых цехов тимшоарского завода «Электромотор» нас ожидала замечательная встреча. Приветствиям и расспросам, казалось, не будет конца. Особенно волнующим было приветствие молодежи, которая поднесла мне специально изготовленный значок с изображением продукции завода — электромотора. Молодой токарь Морару, волнуясь, просил передать советским товарищам благодарность от рабочих «Электромотора» за братскую помощь. Такие же теплые слова говорили нам сварщики, намотчицы и слесари. А с каким вниманием слушали все — и инженеры и рабочие — рассказ о новых достижениях советской техники!

От Тимишоары до Решицы недалеко — по прямой линии примерно 100 километров в юго-восточном направлении. Невзирая на краткость пути, мы вскоре снова очутились в гористой местности — долине быстрой реки Берзавы, текущей среди невысоких гор Баната. На берегу этой неширокой реки, в местности, где сосредоточены угольные, железорудные и марганцевые месторождения, и расположен главный центр румынской металлургии — Решица. Это своеобразный город-завод. Если обычно завод помещается в городе, то в отношении Решицы правильнее было бы сказать, что здесь, напротив, город помещается в заводе. Поезд въезжает прямо на заводской двор, останавливается перед зданием заводууправления... Идешь из одного цеха в другой по мосту, а внизу — городские улицы. Решица расположена в ущелье между горами. В стареньких домишках, окруженных цехами, ютились рабочие. А на лесистых горных склонах, подалее от заводской копоти и грохота, жили в нарядных виллах хозяева и верхушка заводской администрации. Теперь строится новый рабочий городок Лунка Помозулуй, где решицкие металлурги и машиностроители впервые в жизни получают удобные, достойные трудового человека квартиры. С увлечением рассказывали они нам о своих успехах, показывали недавно построенный ими конвертер частоты 8 000 киловольт/ампер, за который конструкторы его получили государственную премию первой степени.

Наряду со старыми заводами в Решице за последние годы выросли новые цехи «Совромметалла».

Нас встретил мастер турбинного цеха, бригадир молодежной бригады Марин Гуше. Он побывал в Советском Союзе, многому у нас научился.

— Каждый член моей бригады — агитатор по распространению советских методов работы, — говорил нам молодой мастер...

Посетили мы и строительство крупнейшей в Румынии гидроэлектростанции имени В. И. Ленина. 28 октября 1950 года был опубликован доклад Георге Георгиу-Деж о плане электри-

фикации страны, а через год после этого мы уже могли воочию убедиться в том, с какой энергией выполняется этот десятилетний план. Десятилетний план электрификации предусматривает увеличение рабочей мощности румынских электростанций с 600 тысяч до 2 500 тысяч киловатт, и выработки электроэнергии с 2 до 7 миллиардов киловатт-часов. Такое резкое увеличение производства энергии создает энергетическую базу для выполнения пятилетних планов. Строиться будут как тепловые станции, главным образом для работы на низкосортном топливе, так и гидроэлектростанции. Благодаря этому резко увеличится производство наиболее дешевого вида электроэнергии. Удельный вес гидроэлектростанций возрастет в общем производственном балансе до одной трети.

Наиболее мощной из новых станций и будет гидроэлектроцентраль имени В. И. Ленина на реке Бистрица у села Стежар. Река Бистрица начинает свой спуск с гор в Буковине — в Молдавских Карпатах. Стремительно течет она на юго-восток на протяжении около трехсот километров по горным долинам и впадает недалеко от города Бакэу в Серет. Прежде Бистрица служила только для сплава беспощадно вырубаемого леса Восточных Карпат. Водный режим ее крайне неустойчив. После каждого горного ливня она превращается в ревущий горный поток, разбивающий плоты и затопляющий прибрежные хутора и деревни.

Молдова считалась в старой Румынии самой обездоленной и нищей частью страны. В горах Молдовы гаятся, однако, крупные залежи нефти и бурого угля. Теперь Молдова индустриализируется. Развивается новый нефтяной район вблизи Бакэу; непосредственно к югу от него, в бассейне Комэнешть, растет добыча бурых углей, построены новые лесопилки и лесохимические предприятия, намечено строительство металлургического комбината и на базе его — машиностроительных заводов.

Бистрица должна обеспечить электроэнергией все эти промышленные предприятия и сверх того давать ток и в южные районы страны — в Мунтению.

Новая электроцентраль будет самой мощной в Румынии. Первая очередь ее, которая вступит в строй в 1955 году, даст 100 тысяч киловатт; в 1957 году мощность будет доведена до 210 тысяч киловатт; в дальнейшем предполагается эту мощность более чем удвоить.

Сооружается гидроэлектроцентраль на нижнем течении Бистрицы, в месте, где она прорывается через горы в районе ущелья Биказ, несколько к северу от нефтеносного и бурого угольного района. Плотина электроцентрали образует водохранилище емкостью в 1,2 миллиарда кубометров. Оно позволит регулировать водный режим бурной реки, а тем самым и Серета, и создаст запас воды для орошения сотен тысяч гектаров засушливых земель в южной Молдове и в Рымникской степи.

Объем земляных и строительных работ, с начальной стадией которых мы ознакомились, весьма значителен. Бетонная плотина будет иметь длину в 400 метров и высоту в 10 метров над урезом воды. Она поглотит 800 тысяч кубометров бетона. Особенность этого строительства заключается в сооружении большого тоннеля длиной в 5 километров, высотой в 8 метров и шириной почти в 4 метра. Тоннель пройдет через две горы и выйдет к реке у села Стежар. Когда плотина будет готова и уровень воды в реке поднимется, вода из водохранилища ринется по этому тоннелю к турбинам электростанции.

Мы ехали на строительство по шоссе, вьющемуся то по левому, то по правому берегу Бистрицы. Долина густо заселена. Деревни по обеим берегам быстрой реки тянутся почти без перерывов. Обрабатывается каждый клочок земли. Выше на склонах гор — леса, местами основательно поредевшие от прежних хищнических порубок.

Уже на дороге чувствовалась близость крупной стройки: сотни рабочих расширяли шоссе, сооружали мосты. На месте будущей плотины видны леса, со стороны ближних гор доносились взрывы — шла проходка тоннеля. У входа в тоннель нас встретил Штефан Кристя. Он так же молод, как Марин Гуше, и тоже бригадир молодежной бригады.

На всех румынских новостройках молодежь — главная сила. С прекрасным юношеским пылом она неутомимо строит социализм в своей освободившейся от пут отсталого эксплуататорского режима родине.

Штефан Кристя рассказывает, как его бригада изучила метод советского инженера Ковалева, как она освоила советские перфораторы и повысила скорость проходки на 50%.

На другом участке девушка-каменщик Мария Чокан выполняет норму на 175%. И ей помог далекий советский товарищ по труду: она освоила метод нашего каменщика Орлова. Так гидроцентральный имени В. И. Ленина, как, впрочем, и другие крупные румынские стройки, создается не только с помощью советского оборудования и строительных механизмов, но и с применением советских методов труда.

В этом мы убедились и на канале Дунай — Черное море. Трудно переоценить значение этого весьма крупного строительства. О прорытии такого канала подумывали уже давно. Ведь от Чернаводы, где Дунай круто поворачивает на север, до берега Черного моря в районе Констанцы всего каких-нибудь 50 километров. По Дунаю же путь от Чернаводы до устья составляет 300 километров. Уже сами эти цифры говорят за себя.

Первые проекты канала были составлены еще в середине прошлого века. Но дальше проектов дело не пошло. Учитывая громадное значение Дунайского водного пути, великие державы в середине прошлого века захватили контроль над нижним течением и устьем реки в свои руки, создав Европейскую

Дунайскую комиссию. Но Европейская комиссия ограничивалась поддержанием в судоходном состоянии среднего из трех водных рукавов устья Дуная — так называемого Сулинского гирла, расчищая фарватер от непрерывно наносимых рекой масс песка и ила. Входившие в состав комиссии западные державы вовсе не были заинтересованы в прорытии канала и сокращении речного пути, так как в случае постройки канала шедшие к Черному морю суда оставляли бы в стороне подконтрольный Европейской комиссии участок нижнего Дуная, так называемый Морской Дунай, от Брэилы до моря. Поэтому они не только не поддерживали возникавшие от времени до времени проекты канала, а, напротив, возражали против них. Только теперь идея строительства канала воплотилась в жизнь, притом в более широком масштабе, чем это предполагалось прежде, так как канал не только сократит и улучшит Дунайский водный путь, но и вдохнет новую жизнь в полупустынные, обездоленные степи Добруджи.

Канал, строительство которого было начато в 1949 году, будет иметь протяжение в 70 километров, он пройдет от города Чернаводы до нового порта Мидия, строящегося на мысе того же имени, в 20 километрах к северу от Констанцы. Таким образом, речной путь от Чернаводы до моря сократится с 300 до 70 километров, то есть больше чем вчетверо. Во многих случаях можно будет благодаря наличию канала и углублению дунайского фарватера избежать практикуемую теперь в портах Галац и Брэила дорогостоящую перегрузку товаров с речных судов на морские и в обратном направлении — с морских на речные. Что касается нового порта Мидия, то он будет самым крупным в Румынии. Площадь его портовых бассейнов в семь раз превысит площадь порта Констанцы.

Громадный эффект даст канал для экономического развития Добруджи, которую он прорежет с запада на восток. Несмотря на близость моря, Добруджа — наиболее засушливая степная область Румынии. Здесь выпадает наименьшее в стране количество осадков. Свирепый северо-восточный ветер «кривец» дует почти без перерывов и быстро высушивает выпадающую во время ливней влагу, несет с собой облака удушливой пыли. Суховей уничтожает посевы и луга, срывает тонкий верхний слой плодородной почвы. Пересыхающие речки превращаются в малярийные болота.

Добруджа редко населена. Деревни прячутся от ветров и песчаных бурь на дне глубоких долин и оврагов и у берегов грязноватых пересыхающих прудов и речушек. Можно долго ехать по степи и не увидеть ни одного жилья, ни одного дерева, только одинокие ветряки, да курганы-могильники.

Канал оживит этот отсталый край, даст возможность прорыть сеть оросительных каналов, водоемов и разбить древо-насаждения. Уже в бытность нашу на канале там было создано

несколько лесных питомников. И мы увидели не только широкий фронт изыскательских, земляных и строительных работ, но и первые посадки лесозащитных полос, первые орошаемые земельные участки, новые сады и виноградники. А теперь, как мне сообщали, деревья на этих защитных полосах достигают уже пяти-шестиметровой высоты.

На берегах канала, на месте прежних жалких деревушек, строятся новые города Поарта Албэ и Нэводарь и реконструируются и значительно расширяются небольшие города Чернавода и Меджидия. Все здесь ново, в этой недавно еще пустынной и полудикой степи: и рабочие поселки, и цементный завод и механические мастерские в Меджидия, и привезенный из Советского Союза автоматический бетонный завод, и тепловые электростанции Овидиу I и II, вторая из которых была пущена в 1952 году, а первая при нас уже работала.

На стройке дружно трудятся представители всех национальностей Румынии — румыны, венгры, немцы, татары, армяне, евреи, цыгане, турки... Как и на всех других стройках и предприятиях, большинство строителей — молодежь. Труд в значительной степени механизирован. В период нашей поездки три четверти земляных работ выполнялись машинами, а теперь, насколько мне известно, вручную проводится менее 10% работ.

Наличие обширного парка сложных и мощных механизмов и машин приводит к тому, что канал — не только громадная стройка, но и большая школа. Бывший рыбак становится шофером, пастух — бульдозеристом, пахарь — бетонщиком, землекоп — экскаваторщиком, бывшая батрачка — крановщицей или гидромеханизатором. А многие учатся дальше, становятся техниками и готовятся стать инженерами.

* * *

Где бы мы ни бывали, всюду мы воочию видели, с какой энергией и воодушевлением трудовые люди Румынии воспринимают советский опыт, стремятся поскорее использовать его у себя. И мы с радостью убеждались, что достижения советских новаторов производства, советских инженеров, агрономов и ученых, приносят богатые плоды и здесь — в этой недавно еще считавшейся отсталой балканской стране.

Сегодняшняя Румыния стремительной поступью шагает по пути к социализму. Ее рабочие, крестьяне, трудовые интеллигенты с творческим запалом воспринимают все новое и неутомимо трудятся, чтобы жизнь всего народа стала краше и лучше.

ТРИ НЕДЕЛИ В ДАНИИ

КОПЕНГАГЕН принял нас гостеприимно. Обычно здесь в январе дождь, мокрый снег, туманы, а мы прилетели в чудесную, солнечную, не по-зимнему теплую погоду. Самолет снижался, из спокойной глади моря выростал большой, плоский, равнинный остров Зеландия, с расположенной на его юго-восточном берегу датской столицей. Еще один разворот, и кажется почему-то, что самолет вот-вот сядет на воду. Но это продолжалось очень недолго — мимо нас уже бежит начинающаяся непосредственно у самого берега взлетно-посадочная бетонированная полоса аэродрома.

Еще минута, и нас — советских делегатов, прибывших на месячник дружбы с Советским Союзом, — тепло приветствуют председатель пригласившего нас Датско-Советского общества, работники советской миссии и ТАСС; присутствуют также несколько корреспондентов датских газет, с которыми нам вскоре довелось познакомиться поближе, поскольку в самый день приезда состоялась пресс-конференция. Все копенгагенские газеты опубликовали сообщение о прибытии делегации деятелей советской культуры и о содержании пресс-конференции. Некоторые реакционные листки не удержались при этом от недружелюбных выпадов.

Следующий день мы посвятили осмотру датской столицы. Копенгаген не весь находится на острове Зеландии. Небольшая часть его, расчлененная несколькими каналами и называемая Христиансхавн, расположена на соседнем небольшом острове Амагер. От Зеландии Амагер отделен узким проливом Кальведобстранд, образующим глубоководную, естественную внутрен-

ною гавань. Христиансхавн соединен с основным городом двумя большими разводными мостами.

Копенгаген расположен благоприятно не только благодаря наличию хорошей гавани. Пролив Эресун, на берегу которого построена датская столица, — основной водный путь, соединяющий Балтику с Северным морем. Одновременно через Копенгаген проходят железнодорожные линии, связывающие при помощи паромов Скандинавию с Данией и Германией. Существовавший здесь когда-то рыбачий поселок еще в древних сагах назывался «Кэпманахавн» — «гавань купцов». Нынешнее же название города означает «торговая гавань». В XIII веке Копенгаген стал городом и торговым портом, не раз яростно сражавшимся с конкурировавшими с ним более мощными ганзейскими купцами. В середине XV века Копенгаген был объявлен столицей. За свою долгую историю городу пришлось выдержать немало осад и бомбардировок. И сейчас еще со стороны моря сохранились укрепления, построенные в конце прошлого века.

Ныне Копенгаген один из крупнейших европейских портов, который еще не так давно конкурировал с Гамбургом благодаря своему порто-франко, то есть вольной гавани, пользующейся правом беспошлинного транзита и перевалки грузов. Эта гавань имела большое значение в торговле со странами бассейна Балтийского моря.

Число жителей Копенгагена доходит до миллиона, то есть составляет почти четверть всего населения Дании. Порт хорошо оборудован и механизирован; общая длина причалов составляет примерно 30 километров.

Прогулка по красивому, благоустроенному городу очень приятна. Старая, восточная часть его состоит из узких, кривых, но тем не менее чистых улиц. В центре старого города расположен окруженный каналами замковый остров (Слотсхолмен) с дворцом Христиансборг. Именно здесь в XII веке был построен первый замок, защищавший рыбачий поселок и первую примитивную торговую пристань, где бременские купцы разбивали свои палатки. Христиансборг — довольно большой дворец в стиле барокко — был построен в XVIII веке в качестве королевской резиденции. Дважды его уничтожали пожары, но каждый раз его восстанавливали, вторично — уже в нынешнем веке. В настоящее время в его обширных апартаментах размещены обе палаты парламента (фолькетинг и ландстинг), министерство иностранных дел, верховный суд, а также государственные парадные залы для приемов и банкетов. Тут же, слева от дворца, находится музей Торвальдсена. Наискосок от музея — на противоположном берегу неширокого канала — на набережной Гаммельstrand расположился рыбный рынок, считающийся одной из достопримечательностей Копенгагена. Существует он с давних времен. Торговки в белых чепцах и широких передниках сидят рядами на низких табуретах и продают с открытых

лотков всевозможную рыбу, доставляемую на лодках прямо на рынок.

Рядом с Христиансборгом находится большое здание Национальной библиотеки, насчитывающей примерно миллион томов и являющейся самой крупной в Скандинавии. Здесь, помимо современной литературы, собрано 4 тысячи инкунабулов и 40 тысяч рукописей, среди них старинные исландские уникальные документы. Один из них содержит описание открытия викингами Америки за 500 лет до Христофора Колумба. Сохраняются также подлинные записи знаменитого астронома Тихо Браге, а также рукописи и документы других датских ученых, писателей, композиторов.

Слева от библиотеки, на самом берегу канала Хольменсхавн, обращает на себя внимание старинное широкое приземистое здание, увенчанное невысокой башенкой с острым, длинным, витым шпилем: это одно из старейших в Европе здание биржи. Цитадель датского купечества была сооружена в начале XVII века. Своеобразная верхушка башни была сделана в виде четырех больших медных драконов; их направленные вверх хвосты переплетаются и образуют длинный острый шпиль.

С противоположной стороны Христиансборга, на другом берегу Фредериксхольмского канала находится Национальный музей — массивное строение, некогда считавшееся частью Христиансборга и связанное с ним перекинутым через канал мраморным мостом.

Осмотрев это ядро старого Копенгагена, мы по извилистой улице Хольменскан выехали на самую большую площадь датской столицы Конгенс Ниторв, известную тем, что здесь сходятся 13 улиц. На эту площадь выходит дворец Шарлоттенборг, в котором помещается Академия искусств, городской театр и другие общественные здания. В старом городе расположен также университет.

К северу от старого города, посреди довольно большого парка, виднеется из-за деревьев фасад небольшого замка Розенборг, служившего некогда летней резиденцией короля. Замок этот построен в XVII веке. Тогда он стоял уже за пределами крепостных валов. Теперь на месте старых укреплений разбиты большие сады. Несколько дальше расположены, вытянувшись в одну линию, три озера, или, точнее, довольно больших прямоугольных водоема. За этими водоемами тянутся кварталы нового города — довольно широкие, прямые улицы, застроенные домами обычного западноевропейского типа.

Внушительная, большая ратуша высится посреди площади на границе старого города с одним из более новых районов Вестербро. Между ратушей и Вестербро — увеселительный сад Тиволи. Здесь, пожалуй, не столько для местной публики, сколько для иностранцев, устроены игорные дома, бары, варьете и различные аттракционы. Около этого сада начинается широ-

кая, наиболее оживленная улица Копенгагена Вестерброгаде, прорезающая буржуазный район Вестербро и упирающаяся в большой Фредериксбергский парк.

Уличное движение в Копенгагене довольно большое, причем характерная особенность его — невероятное количество велосипедистов. Автомашин сравнительно мало. Сами датчане в шутку называют свою столицу «городом велосипедистов». То и дело попадаются велосипедные стоянки.

На многих велосипедах к рулю прикреплены багажники, на которых в корзинках возят все, что придется, вплоть до детских. На некоторых велосипедах переднее колесо — уменьшенного диаметра; сделано это специально для того, чтобы поместить на багажнике груз посolidнее. Как нам говорили, в Дании более двух миллионов велосипедов, иными словами по одному на каждых двух датчан, включая младенцев и стариков.

* *
*

Пребывание наше в Дании не ограничилось столицей. Мы много поездили по стране, так что составили о ней довольно отчетливое представление.

Дания, с точки зрения геологии, еще молодая страна. Ледники лишь сравнительно недавно, — если мыслить не человеческими поколениями, а геологическими периодами, — отступили на север. Они сыграли большую роль в формировании рельефа страны.

Недра Дании бедны — известняк, мергель, белый мел; в Ютландии встречается бурый уголь, но разработки его крайне незначительны. Восточное побережье Ютландии и острова сильно расчленены, так что общая длина береговой линии этой небольшой страны составляет почти семь с половиной тысяч километров. Изобилие естественных гаваней, заливов способствовало развитию мореходства и рыболовного промысла. Только западный, обращенный к Северному морю берег Ютландии почти лишен хороших естественных гаваней; прибрежные воды мелки; создание единственного сколько-нибудь крупного порта Эсбьерг было сопряжено со значительными трудностями.

Датский климат — союзник человека. Зима под влиянием дующих почти круглый год юго-западных ветров, несущих теплое дыхание Гольфстрима, почти никогда не бывает суровой. В нынешнем веке только однажды — в 1947 году — морозы держались без перерыва в течение 42 дней. Обычно же зима бывает теплая, такая, как в год нашего приезда. Рассказывают, что иногда снег для лыжных соревнований приходится импортировать вагонами из Норвегии. Зато и лето никогда не бывает особенно жарким. Средняя температура июля $+16^{\circ}$, а средняя годовая $+7-8^{\circ}$. Таким образом, разница между летними и

зимними температурами очень невелика; невелика и разница между дневными и ночными температурами. Осадков выпадает довольно много, притом опять-таки сравнительно равномерно во все времена года. Правда, в Дании никогда нельзя сказать заранее, какая будет через несколько часов погода; меняется она иногда по нескольку раз за сутки. Датчане шутят, что самая подходящая тема для разговоров у них погода, и самый употребительный вид одежды — дождевой плащ.

Характерный пейзаж северной Ютландии — набегающие равномерной чередой на прибрежные пески морские волны, несколько дальше — холмистые моренные дюны, за ними, к югу, обширные вересковые пустоши. Человек давно ведет здесь борьбу с природой, при помощи различных мелиоративных мероприятий отвоевывает у нее полосы зыбучих песков и пустошей.

Но и вне этой северной, почти бесплодной полосы Дания — и материковая, и островная — низменная и почти всюду всхолмленная страна. Холмы невелики, самый высокий имеет всего 172 метра.

Это не значит, однако, что датский пейзаж монотонен. Отнюдь! Даже зимой он приветлив и разнообразен. Датчане, говоря о своей стране, обычно упоминают, что, помимо Ютландского полуострова, их родина состоит из 500 островов, из которых только сто с небольшим постоянно обитаемы. Это верно. Но дело в том, что необитаемые острова очень мелки, а в целом Дания — густо населенная страна с высокопродуктивным сельским хозяйством и развитой пищевой промышленностью. На квадратный километр приходится в среднем около 100 жителей. Из 42 900 квадратных километров общей площади ее территории 32 тысячи квадратных километров обрабатываются, 4 тысячи заняты лесами, а пустоши, дюны, зыбучие пески и болота занимают в общей сложности всего около 4 300 квадратных километров.

Эти несколько цифр, не хуже любых описаний, говорят о том, насколько человек освоил природу. Поездка на автомашине по густой сети шоссейных дорог сразу создает картину страны старой культуры и неутомимого трудолюбия. Аккуратные фермы, небольшие, очень чистые села окружены зеленью и тщательно возделываемыми полями; много лугов, причем большинство из них искусственные; изредка на пригорке маячит старая ветряная мельница; часто попадаются буковые и хвойные рощи.

Датчане любят зелень и ценят ее. После периода хищнической вырубki лесов, когда страна лишилась почти всего своего зеленого убора, уже в конце прошлого века начались посадки леса; большинство нынешних хвойных лесов посажено человеком. Села и городки, а также довольно часто попадающиеся помещицьи усадьбы и мелкие пищевые предприятия обязательно обсажены деревьями, повсюду много садов. Можно про-

ехать десятки километров, и ландшафт все время носит на себе следы упорного, векового человеческого труда.

Одна из характерных особенностей датских дорог — большое количество мостов, пересекающих частые речки и различные водоемы. Отдельные мосты достигают солидных размеров. Через пролив Малый Белт ведет, например, мост, связывающий самый большой остров Зеландию со вторым по размерам островом Фюн. Этот мост имеет двойное назначение: по нему проходят и две колеи железной дороги и полотно для автотранспорта. Длина его более километра. Другой — Сторстремский — мост соединяет острова Зеландию и Фальстер. Длина его достигает 3 211 метров.

Кроме Копенгагена, крупных городов в Дании нет. Второй по размерам город — Орхус — насчитывает около 150 тысяч жителей, другие города меньше. В Орхусе мы побывали. Это порт в средней части восточного побережья Ютландии. Гавань, не очень большая, но неплохо механизированная — третья после Копенгагенской и Олборгской — имеет у пирсов глубину в 10 метров, так что доступна для океанских кораблей. К северу от торгового порта тянутся длинные причалы парусных и моторных лодок.

Орхус в начале нынешнего столетия пережил период довольно быстрого развития. В нем уживаются строения самых разнообразных эпох. В старой центральной части города с ее узкими, кривыми улицами попадаются отдельные современные здания урбанистического типа. На мостовой неширокой главной улицы едва умещаются колеи трамвая. Хорошо, что движение умеренное и трамваи, автомобили и велосипедисты могут ехать гуськом один за другим, не особенно мешая друг другу. Начинается главная улица от древнего, начатого постройкой еще в XIII веке готического собора. Неподалеку отсюда старинные фахверковые дома. Такие здания состоят из каркаса, изготовленного из массивных деревянных брусьев. Этот деревянный сквозной конструкции скелет заполняется досками или кирпичом, штукатурится, иногда окрашивается. Чтобы каркас был прочней, ставят подкосы, ригели, раскосы. Брусья и скрепы каркаса обычно видны снаружи и придают дому своеобразный вид.

В старину в датских и немецких городах фахверковые дома украшались резьбой и лепкой, ярко раскрашивались. Все это вместе с видными снаружи бревнами каркаса создавало оригинальный архитектурный стиль. Улочка с этими домами примерно такая же, какой она была, вероятно, много лет назад. И тут же под боком, всего в нескольких десятках метров, пирсы и пакгаузы современного порта.

Зато ультрасовременно, в том смысле, как это понимают на Западе, выглядит ратуша. Построена она в модернистском стиле и напоминает скорее больницу, чем здание городского

самоуправления. Своеобразна довольно высокая четырехугольная башня, примыкающая к одному из боков ратуши. Ее пересекают шесть платформ, отстоящих на равной высоте одна от другой и как бы вставленных вместе с башней в большую клетку. Сходство с клеткой усугубляется тем, что образующие ее длинные каменные прутья соединены над башней в самую настоящую решетку. Получается оригинально; но красиво ли — это уже дело вкуса. К одной из сторон гигантской клетки прикреплен большой циферблат часов. Совершенно неожиданным кажется их бой: из американизированной башни раздается мелодия старинных курантов. Оказывается — действительно куранты! В башне вставлен механизм из 37 небольших колоколов, играющий старинный мотив. Четырехугольная гладкая, как фабричная труба, башня в клетке, со вставленными в нее старинными курантами, в какой-то степени отражает облик этого небольшого буржуазного города, стремящегося «поспеть за веком».

К числу новых сооружений относятся университет и университетский городок. Построен он в 1928—1933 годах. Это комплекс добротных, очень скромных с виду зданий, разбросанных посреди обширного парка у большого пруда в северной части города. Архитекторы сумели удачно вписать несколько обыденные по своему виду здания в рамку окружающего уютного парка. Фасады совершенно гладкие, если не считать небольшого барельефа над главным входом, изображающего стилизованное древо познания.

Во время войны университетские здания заняло гестапо. Английская авиация совершила на них в 1944 году налет, полностью разбомбила два здания и сильно повредила главный учебный корпус. Теперь все восстановлено.

Если эти сооружения характеризуют современный Орхус, то в так называемом старинном городе, размещенном в районе ботанического сада в западной части города, можно ознакомиться с развитием быта и архитектуры жилых зданий датских провинциальных городов. Этот своеобразный музей на открытом воздухе состоит из 48 подлинных старинных домов, привезенных сюда со всех концов Дании. Они образуют живописный городок с переулками, рыночной площадью, мостиками, переброшенными через протекающую по ботаническому саду речку. В домах собрана мебель, утварь и убранство прежних веков. Самые старые здания города — дом бургомистра, построенный в Орхусе в 1597 году, жилой дом из Ольборга постройки 1571 года.

Помимо обычного бытового убранства, в одном из зданий устроен музей, где выставлены различные ремесленные мастерские, а также коллекция тканей. В одном из домов помещается школа, в другом — таможня, в третьем — пивоваренный заводик.

Такой городок-музей представляет, конечно, значительный интерес для ознакомления с развитием культуры и быта народа.

Дания — страна с большой историей. Повсюду встречаешь памятники старины: некоторые из них восходят к XI—XII векам. Сохранились камни с древними руническими надписями, относящимися к X веку.

Угрюмой грозной громадой высится на берегу пролива Эресун, близ Хельсингёра (Эльсинор), крепость-дворец Кронборг. Много веков сторожила она проход через пролив, который здесь не шире трех километров. Глубокие крепостные подвалы высечены прямо в скале. В них размещался гарнизон, хранились запасы, в некоторых из них томились узники короля. Могучие крепостные стены со всех сторон окружены водой. Подъемный мост и по сей день — единственный доступ с суши.

Шекспир избрал Хельсингёр местом действия «Гамлета». От времени до времени заезжие театральные труппы в память великого драматурга ставят на мрачном внутреннем крепостном дворе «Гамлета». Теперь Кронборг потерял, конечно, свое военное значение. Во дворце размещен музей по истории мореплавания и торговли. Рядом, в Хельсингёрской гавани, широкобортные, вместительные пароходы-паромы выгружают пришедшие из Швеции железнодорожные составы и десятки автомашин. Напротив Кронборга расположена довольно крупная судоремонтная верфь.

Километрах в сорока к северу от Копенгагена находится бывший королевский дворец Фредериксборг. Это красивое, нарядное здание из красного кирпича, украшенное башнями и башенками. Построено оно было в XVII веке в стиле датского ренессанса, в окружении садов, посреди небольшого озера, на двух островах, которые теперь связаны с берегом узкими насыпями. Здесь вплоть до середины прошлого века происходили коронации датских королей. Вот уже несколько десятилетий, как Фредериксборг превращен в Национально-исторический музей. Каждый зал посвящен определенному периоду датской истории. Картины и портреты на стенах изображают события и деятелей данной эпохи, с которой связаны также мебель и утварь, фарфор и стекло. Великолепен большой рыцарский зал, потолок и стены которого украшены художественной резьбой по дереву датских мастеров. Превосходно украшены и другие залы.

Искусными деревянными резными украшениями XIV—XV веков мы любовались также в соборе, начатом постройкой еще в 1200 году в городе Роскильде. Городок маленький, но собор громадный, длина его 102 метра, высота колокольни — 75 метров. В старину Роскильде принадлежал епископу, во владения которого входил и Копенгаген; впоследствии, когда укрепилась королевская власть, Роскильде стал резиденцией короля; в Копенгаген она была перенесена только в середине XV века.

В соборе помещается усыпальница датских королей. Поэтому здесь немало картин и статуй чисто светского характера. Погребен здесь и первый датский историк Саксон Грамматик, умерший около 1208 года.

Чрезвычайно любопытна старинная копенгагенская обсерватория, где проводил свои исследования знаменитый астроном Тихо Браге. Помещается она в очень высокой по тому времени девятиэтажной башне. Среди прочих достопримечательностей — изготовленная Тихо Браге модель звездного неба.

Съездили мы и в Оденсе, на родину великого датского сказочника Христиана Андерсена. В маленьком уютном белом домике под черепичной крышей, где он родился в 1805 году, теперь музей. Здесь собраны рукописи Андерсена, его личные вещи, портреты, целая библиотека его произведений на различных языках, иллюстрации к сказкам; некоторые из них рисованы им самим.

Поблизости от Оденсе имеется деревня-музей, замысел которой схож с замыслом городка-музея в Орхусе. Создано небольшое село из подлинных старинных домиков. Здесь и фермы, и ветряные мельницы, и кузница, и больница, и постоянный двор. В них не только собраны подлинная старая деревянная мебель, утварь и сельскохозяйственные орудия. Здесь происходят также демонстрации, как велось в старину сельское хозяйство. Построен большой зеленый театр специально для народных танцев и музыки.

В Дании есть немало интересных музеев. Один из них, о котором я уже упоминал, посвящен известному скульптору конца XVIII и первой половины XIX века Торвальдсену. Помещается он в центре Копенгагена, в большом красивом здании под круглым куполом, начатом постройкой еще при жизни скульптора. Здесь представлены в подлинниках или в копиях почти все его работы. Помимо того, размещены его личные коллекции и собрания принадлежавших ему ценных картин и гравюр. Надпись на мраморной доске у входа в музей гласит:

«Торвальдсен принял в 1837 году, во время пребывания в Риме, решение, чтобы его произведения, коллекции и состояние остались в наследство его родному городу Копенгагену, чтобы создать из них музей...» Так великий скульптор и на чужбине не забывал своего родного города, где он семью годами позже скоропостижно скончался, оплакиваемый всей страной. Могила его находится во внутреннем дворе музея.

И в этом и в других музеях очень мало посетителей, хотя открыты они всего лишь в течение двух часов в будни и четырех часов по воскресеньям.

Ценные разнообразные собрания картин, скульптур и древностей, начиная от шумерийских фигурок, которые изготовлены около пяти тысяч лет тому назад, вплоть до скульптур Родена, содержит другой копенгагенский музей — Глиптотека Нью-

Карлсберг, построенный в конце прошлого века богачом-пивоваром Якобсеном и пожертвованный им государству.

В Государственном музее искусств мы наряду с произведениями первоклассных мастеров XVII—XIX веков столкнулись и с формалистическими упражнениями современных художников, подобными тем, что мы наблюдали в Италии.

Недавнее прошлое Дании встало перед нашими глазами в том отделе копенгагенского Национального музея, который посвящен периоду гитлеровской оккупации и народному сопротивлению. В 1940 году гитлеровские войска, в нарушение существовавших договоров, вторглись в Данию и оккупировали ее. Первое время фашистские войска беспрепятственно грабили страну. Социал-демократическое правительство послушно выполняло все требования захватчиков. Но простые люди Дании с этим не примирились, в особенности когда Советская Армия разрушила миф о непобедимости фашистского оружия. Датчане под руководством Компартии стали оказывать сильное сопротивление захватчикам. Начались забастовки, диверсии, вооруженные столкновения. Моряки не дали гитлеровцам захватить свои корабли и либо затопили их, либо ушли с ними в Швецию. Громадную роль сыграла победа Советской Армии под Сталинградом.

Вооруженная борьба усилилась; на выборах в марте 1943 года прогитлеровские партии собрали всего 7% голосов. Риксдаг самораспустился. В результате всеобщей политической забастовки было свергнуто правительство Скавениуса, шедшее на поводу у гитлеровцев; был создан «Совет свободы», заграничный центр которого находился в Лондоне и который стал своего рода фактическим нелегальным правительством. Этот центр стремился подчинить себе борьбу масс, чтобы не допустить после разгрома гитлеровцев победы прогрессивных сил. Но активной борьбой движения сопротивления руководили коммунисты.

В июне 1944 года рабочие начали всеобщую народную политическую забастовку. Немцы попытались подавить ее силой, пустили даже в ход танки и самолеты, обстреливавшие улицы из пулеметов. Во время боев в Копенгагене погибло 700 датчан. Были жертвы и в других городах. Однако сломить народное сопротивление гитлеровцам не удалось. Мужественная борьба датского народа продолжалась вплоть до 5 мая 1945 года, когда гитлеровские войска капитулировали.

Впрочем, теперь в Копенгагене кое-кто не любит вспоминать об этих днях... Сейчас, конечно, на улицах Копенгагена лишь изредка можно встретить чужие мундиры, но чужая рука, чужой нажим, чужое влияние чувствуются во многом. Местный рынок заполнен американскими товарами. В то же время Дания лишь в незначительной степени восстановила свои позиции на традиционных довоенных рынках. На Западе ее вытесняют

американские и английские конкуренты, а торговлю с Востоком запрещает Вашингтон. Приведу характерный пример. Крупнейшие датские судостроительные верфи Бурмейстер и Вейн подерживают давние, чуть ли не вековые, связи с нашей страной. Они и теперь выполняют советские заказы, причем и дирекция и рабочие делают это охотно. Нас, советских делегатов, они принимали весьма тепло и дружелюбно. В то же время известно, что на фирму оказывается открытый нажим, чтобы заставить ее отказаться от выполнения советских заказов.

Между тем торговля с западными странами вовсе не так уж выгодна Дании. Англия закупает по долгосрочным соглашениям большую часть датского бекона, масла и яиц. Закупки эти производятся по заниженным твердым ценам. В то же время ввозимые в Данию английские товары то и дело повышаются в цене. Это приводит к тому, что Дания продает свои товары часто ниже цен мирового рынка, а покупает дорогие английские товары. В результате она несет большие убытки от таких сделок.

Что касается торговли с Соединенными Штатами, то теоретически она должна обеспечить Данию долларами. В действительности же Соединенные Штаты закрывают свой рынок для датских продовольственных товаров, строго запрещая ввоз некоторых из них и облагая другие непомерными пошлинами. Поэтому получается, что Дания закупает в США больше товаров, чем продает туда и ощущает из-за этого острую нехватку в долларах.

В датской промышленности и в судоходстве, представляющем собой важную отрасль экономики, заправляет несколько монополий, которые в свою очередь находятся в зависимости от американских или английских концернов. После войны усилилось прямое участие иностранного капитала в датских акционерных обществах, а ряд спичечных, маргариновых, нефтеперерабатывающих и других предприятий перешел в руки иностранных монополий.

Зависимость Дании от иностранных компаний проявляется во многих отношениях: соответственно их требованиям увеличиваются налоги и значительная часть бюджетных средств идет на вооружение. Упорная борьба ведется вокруг американских требований о создании «атлантических» авиационных баз на датской территории.

«Атлантическая» политика приводит к тому, что Дания до сих пор еще не оправилась от последствий войны, хотя пострадала она от нее далеко не в такой степени, как, например, Польша, Венгрия. Экономическое равновесие страны нарушено, так как на военные нужды ассигнуется до 40% бюджета, а, например, на жилищное строительство — немногим больше двух процентов. На четыре миллиона населения в 1952 году было свыше 140 тысяч безработных, и, насколько мне известно, положение с тех пор еще ухудшилось. Жизненный уровень зна-

чительно ниже, чем до войны. Цены на продовольствие, топливо, электроэнергию, газ растут из месяца в месяц. По подсчетам датских газет, за 1951 год сахар вздорожал на 40%, хлеб и мясо — более чем на 10%, сало — на 11%, яйца — на 20%. В общей сложности в 1951 году поднялись цены на 67 различных товаров. Рост цен продолжается и по сей день.

Даже нашего кратковременного пребывания было достаточно, чтобы убедиться в невысокой покупательной способности населения. В магазинах много товаров, но довольно мало покупателей. Во многих витринах пестрят крикливые рекламы о дешевых распродажах, во время которых торговцы стараются избавиться от залежавшихся товаров.

Открытой, вопиющей нищеты на улицах в Дании не увидишь. Старые культурные навыки, привычка быть чисто и прилично одетыми сохранилась. Однако бросается в глаза большое количество людей в аккуратной, но очень заношенной, выцветшей одежде, в плохой обуви. Нам рассказывали, что многие семьи питаются значительно хуже, чем прежде.

Дания издавна считается классической страной маслоделия и свиноводства. Породистые датские коровы-рекордистки дают за год до 11 тысяч литров молока. Средний же удой составляет примерно 3 000 литров в год.

В сельском хозяйстве играет большую роль крупное землевладение. По официальным данным, опубликованным в сборнике, изданном датским министерством иностранных дел, 4 500 помещиков, обладающих имениями в 60 гектаров и больше, имеют примерно столько же земли, сколько 101 044 мелких крестьянских хозяйства с наделами от 0,55 до 10 гектаров. Почти все сельские хозяйства, как крупные, так и мелкие, объединены мощной кооперативной организацией, носящей чисто капиталистический характер. Решающую роль играют в ней помещики и богатые крестьяне. Помимо того, кооперация тесно связана с банками и зависит от них. Почти вся предназначенная для экспорта сельскохозяйственная продукция перерабатывается на кооперативных предприятиях, почти ничем не отличающихся от обычных капиталистических.

подавляющая часть высококачественной продукции сельского хозяйства вывозится за границу. Так, из произведенных в 1950 году 179 тысяч тонн масла было экспортировано 156 тысяч тонн. Простые люди Дании почти не видят прекрасного датского масла: оно им не по карману, едят они почти исключительно маргарин. Несмотря на усиленный вывоз продовольствия, ввоз в результате «атлантической» политики датского правительства все равно превышает вывоз, и иностранная задолженность страны растет. Непрерывно растет военный бюджет страны, и правительство экономит на многих необходимых расходах, чтобы покрыть чрезмерные ассигнования на вооружение.

Дания гордится своей системой образования. Обязательное начальное обучение детей от 7 до 14 лет введено было в этой стране еще в 1814 году. Копенгагенский университет — один из старейших в мире. Но теперь школьные бюджеты урезаны, новых школ не строят, классных помещений нехватает.

Вообще строят мало и медленно. Так, напротив нашей гостиницы высились леса недостроенного жилого дома. Нам рассказывали, что возятся с ним вот уже три года, но до сих пор он еще далеко не закончен. Между тем потребность в жилой площади громадна. В Копенгагене, по официальным данным, не обеспечено квартирами 20 тысяч человек. Существует закон, запрещающий повышать квартирную плату. Этот закон не распространяется, однако, на новые квартиры, повидимому для того, чтобы стимулировать строительство доходных домов. В результате квартиры в немногих новых домах доступны только состоятельным людям.

Почти не видно также промышленного строительства. Зато повсюду — в садах, в скверах, на перекрестках дорог — сооружаются бомбоубежища.

Это, конечно, результат американского влияния, которое бросалось в глаза даже при таком кратковременном пребывании, как наше. Больше всего, пожалуй, заметны результаты американской пропаганды: крикливые рекламы американских фильмов, американская «литература» в витринах магазинов и киосков. Содержание голливудских фильмов стандартное: убийства, дикие неправдоподобные приключения и т. д. Зачастую убийств так много, они так нелепы, что производят на обладающую чувством здорового юмора датскую публику довольно неожиданное впечатление: в самых «страшных» местах в зале внезапно раздается смех. Смотрели мы датские фильмы. Они значительно лучше американских уже тем, что в них нет аморальных сцен, нет бесконечных убийств и воспевания гангстеров.

Заметно американское влияние и на реакционную часть датской печати. Налаженный хор «атлантических» пропагандистов пытается запугать население мнимой угрозой советского нападения, стремясь внушить датчанам мысль о необходимости жертвовать всем ради участия в гонке вооружений, а в области внешней политики полагаться на Вашингтон.

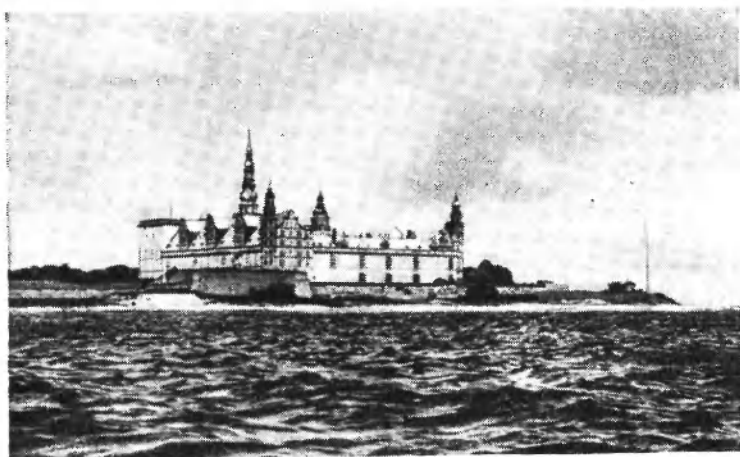
К счастью, датчане — здравомыслящий, спокойный, миролюбивый и культурный народ. Население не так легко поддается военной истерии. В этом мы убедились во время наших многочисленных встреч и бесед с представителями самых различных слоев населения. Повсюду нас принимали дружелюбно и гостеприимно. Я уже не говорю об университете. Там наших советских ученых всегда хорошо встречают. Но на этот раз советскую делегацию принимал в ратуше один из бургомистров Копенгагена — Мунк. После приема Мунк ездил с нами по городу, показывал ясли, детские сады, дома для престарелых.

Копенгаген. Площадь Ратуши.

Музей Торвальдсена в Копенгагене.

Замок Кронборг.

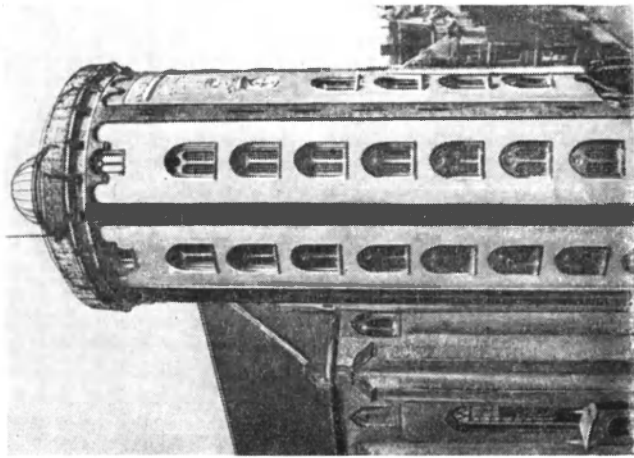
Замок Фредериксборг.

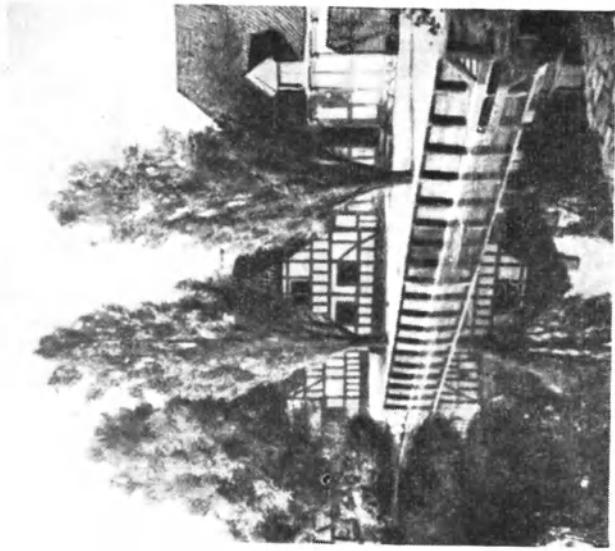
Оденсе. Домик Христиана Андерсена.

Типичный датский вид.
Наиболее высокая «гора» страны — Химмельсбьергет (небесная
гора) — 157 метров над уровнем моря.

Копенгаген. Круглая башня —
средневековая обсерватория Тихо Браге.

Орхус — уголок старинного городка — музея
с фахверковыми домами.

Все эти учреждения произвели на нас хорошее впечатление, в особенности своей чистотой. Правда, датские общественные круги считают, что количество этих учреждений далеко не достаточно по сравнению с фактической потребностью в них.

Мы побывали и на промышленных предприятиях. Фабрики и заводы в Дании, за немногим исключением, весьма невелики. Число рабочих обычно не превышает 80—100 человек. К числу более крупных предприятий относятся несколько верфей, цементных заводов. Люди работают на одном и том же заводе из поколения в поколение. Очень много в стране разнообразных ремесленных мастерских.

В городе Эсбьерге мы ознакомились с предприятиями рыбной промышленности. Этот город прежде считался крупнейшим портом по торговле с Англией. Теперь торговля уменьшилась, и город живет в основном за счет рыбного промысла. Рыбные заводы — крошечные, с несколькими десятками рабочих. На одном из них мы разговорились с работницами. Они рассказали, что заработки у них сейчас очень низкие и зависят от улова. Оплата сдельная — с килограмма очищенной рыбы. За частые простои ничего не платят. Мы как раз попали в период, когда консервный цех стоял из-за отсутствия соответствующих сортов сырья. Работал только цех по разделке трески. Условия труда в нем довольно тяжелые: мокро, холодно. У всех работниц воспаленные, потрескавшиеся руки.

* *
*

Торжественное открытие месячника датско-советской дружбы состоялось в концертном зале «Одд феллоупалэйет». Присутствовало около тысячи человек. Через день в Копенгагене состоялось еще одно такое же многолюдное собрание. Оно было организовано Обществом в честь приезда советской музыкальной группы.

Кроме Копенгагена, мы побывали на различных собраниях еще в восьми городах, делали доклады, беседовали с представителями населения, отвечали на бесчисленные вопросы. В общей сложности состоялось 26 выступлений и докладов и много бесед. Иногда задавали и провокационные вопросы, продиктованные враждебными соображениями. Но зачастую на такие вопросы давали ответы сами слушатели. Большинство же вопросов было продиктовано искренним желанием побольше узнать о нашей стране. Общее впечатление у нас осталось вполне определенное: невзирая на антисоветскую пропаганду, население Дании в массе своей с уважением и симпатией относится к Советскому Союзу, проявляет живой интерес к жизни советского народа. Доклады датских рабочих, побывавших в Советском Союзе, пользуются большим успехом.

Большую и важную работу ведет Датско-Советское общество. Оно знакомит датчан с жизнью советского народа и с его культурой, способствуя взаимопониманию между обоими народами. Организуемые по инициативе Общества месячники дружбы с Советским Союзом являются ярким свидетельством прочных культурных связей между Советским Союзом и Данией. Председатель Общества Йерген Йергенсен неумолимо, невзирая на всяческие помехи, работает в интересах сближения народов обеих стран.

В городе Эсбьерге не было отделения Датско-Советского общества. Собрание устроила инициативная группа. Были приглашены все желающие. Выступали профессор Йергенсен и я. Во время перерыва между нашими выступлениями и концертом советских музыкантов и после концерта многие присутствующие записались в Датско-Советское общество. Так создалось еще одно новое отделение Общества.

В Копенгагенском университете я сделал два доклада: для профессорско-преподавательского состава и для студенческой организации «Студентерсамфюрнет». В эту организацию входят студенты без различия их политических убеждений, а также профессора и преподаватели. Оба собрания были многочисленными и прошли очень тепло.

Копенгагенский университет был единственным в Дании до 1933 года, когда был открыт еще один университет — в Орхусе. Основан Копенгагенский университет еще в 1479 году. Численность студентов доходит до шести с половиной тысяч, четверть из них — девушки. Так же как и во многих других высших учебных заведениях Запада, здесь не существует строгого разделения учебной программы на курсы; посещение лекций необязательно. Каждый студент сдает экзамены в ту сессию, когда сам сочтет себя подготовленным. Нормальной продолжительностью учебы считается пять-семь лет, но попадаетея и давно отошедший у нас в область преданий тип вечного студента. Впрочем, вечных студентов немного. Жизнь в Дании для громадного большинства молодежи, за исключением детей богатых родителей, нелегкая, и размеренный, скромный быт большинства населения отнюдь не располагает к бездельничанию.

Помимо старых корпусов университета, расположенных в центре города, на северной окраине построен новый университетский городок.

Два доклада я прочел по приглашению буржуазной партии «Венстре», впервые допустившей у себя выступление советских делегатов. Первый доклад состоялся в небольшом городке Хольте, в особняке, где помещается школа для молодежного актива этой партии.

Темой моего доклада было развитие культуры в Советском Союзе. Вначале кое-кто из молодых людей в зале слушал меня с подчеркнуто недоверчивым видом, в небрежных позах. По-

степенно, однако, аудитория стала более внимательной, лица более серьезными, некоторые стали делать записи. Потом посыпались вопросы. В частности, возник такой вопрос: у датчан удлинени срок военной службы, и они заинтересовались, как обстоит дело у нас. Я ответил, что срок службы остался тот же, что был до войны. В свою очередь я спросил их: можно ли передать советской молодежи, что и молодые датчане не хотят воевать, а предпочитают мир? Их представители сразу же ответили, что они безусловно стоят за мир. Словом, отношения с аудиторией у нас установились весьма дружелюбные.

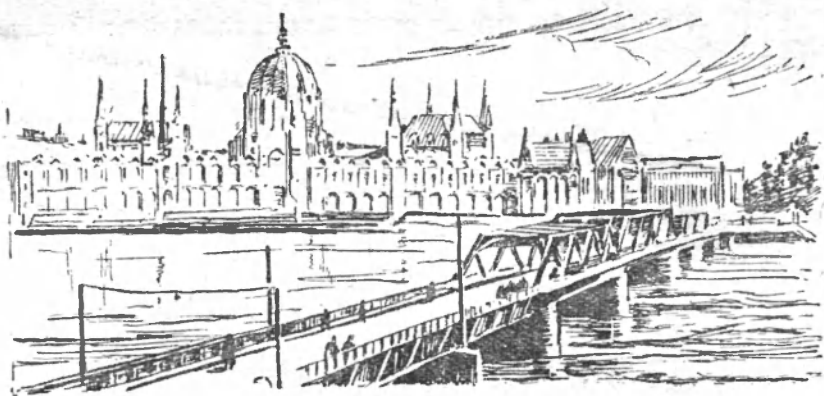
Другое собрание было организовано партией «Венстре» в городе Роскильде. Это собрание предназначалось не только для членов партии, но и для всех желающих. Вывешенный плакат извещал, что будут выступать академик Никитин из Москвы и писатель Гончар из Киева, а затем будет показан советский фильм. Собралось около 700 человек. Помимо местных жителей, пришли люди из рыбацких пригородов и окрестных сел. Нас встретили и проводили аплодисментами, задавали много вопросов.

Некоторые датчане беседовали с нами о торговле с Советским Союзом. Они говорили, что торговля с нами и с другими странами демократического лагеря имеет для Дании огромное значение. Об этом говорили нам и на судовой верфи, и на электраламповом заводе Мадсона, и в сварочном центре.

2 февраля 1952 года мы, после приема в советской миссии, покинули гостеприимную Данию. У нас сохранились самые приятные воспоминания об этой поездке, ибо мы убедились, что простые люди Дании видят в Советском Союзе одного из своих лучших друзей. Мы твердо верим, что расширение и укрепление культурных связей и дружбы между народами обеих стран будет важным вкладом в общее дело борьбы за мир и безопасность всех народов.

В СВОБОДНОЙ ВЕНГРИИ

А ПРОТЯЖЕНИИ 1951 года мне довелось дважды побывать в Венгерской Народной Республике. Первый раз я посетил Венгрию в марте в качестве руководителя советской делегации, принимавшей участие в месячнике венгеро-советской дружбы, организованном по инициативе Венгеро-Советского общества. Членами этой делегации были член-корреспондент Академии наук СССР П. А. Баранов, кандидат исторических наук А. Н. Балашова, белорусский писатель Максим Танк, сталевар Златоустинского комбината В. М. Амосов, Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Победа» Дмитровского района Московской области И. С. Егоров.

Везде — по пути в столицу, и в самом Будапеште, и в наших поездках по стране — нас встречали как представителей великого советского народа — народа-освободителя. Повсюду мы наблюдали самые искренние и волнующие проявления любви венгерского народа к Советскому Союзу. Уже на венгерской пограничной станции Захони, которую венгры называют «золотыми воротами в Советский Союз», нашу делегацию встретили представители Венгеро-Советского общества и прессы, деятели культуры и сотни местных жителей.

И такие же встречи ожидали нас повсюду, на каждой станции, по всему четырехсоткилометровому пути от Захони до Будапешта. Везде нас радостно приветствовали представители общественности, сотни празднично одетых, иногда в национальные костюмы, местных жителей; девушки, пионеры подносили нам цветы.

Чрезвычайно сердечной была встреча советской делегации с представителями Венгеро-Советского общества, руководящих партийных и государственных органов, деятелей науки и культуры Венгрии, а также с сотрудниками советского посольства, состоявшаяся на перроне будапештского вокзала. Сюда собрались тысячи трудящихся Будапешта. Они принесли с собой портреты В. И. Ленина, И. В. Сталина, Матиаса Ракоши, плакаты, лозунги.

Атмосфера этих встреч была настолько искренней и радушной, что для нас они явились подлинным началом того месячника дружбы, на который мы прибыли в качестве посланцев советского народа. Торжественное же открытие месячника состоялось вечером 7 марта в великолепном зале Будапештского оперного театра. В нем приняли участие товарищ Ракоши и другие руководящие деятели страны, посол СССР, многочисленные представители венгерской общественности, миссии стран народной демократии.

А на следующий день мы начали знакомиться с венгерской столицей и ее предприятиями, научными и культурными учреждениями, осматривали ее достопримечательности.

Местоположение Будапешта очень благоприятно: на стыке гористой местности Северной Венгрии и левобережной равнины Альфельд, на удобных переправах через Дунай. Окруженная с одной стороны живописными лесистыми отрогами гор Буды, с другой — плодородной цветущей равниной, раскинувшаяся по обоим берегам широкого полноводного Дуная венгерская столица, бесспорно, один из самых красивых городов Европы.

Чудесен вид, открывающийся с вершины невысокой скалистой горы Геллерт. Здесь водружено творение венгерского скульптора Жигмонда Кишфалуди-Штробля — Статуя Свободы, монумент, символизирующий благодарность и любовь венгерского народа к освободившей его Советской Армии. Прекрасна венчающая монумент стройная бронзовая фигура женщины. В ее поднятых руках большая пальмовая ветвь, которой она словно осеняет расположенную ниже фигуру советского воина. Вечером монумент освещен лучами нескольких прожекторов, Он виден тогда со всех концов большого города: сходящиеся пучки лучей выхватывают из тьмы верхушку скалы с вырисовывающимся на фоне темного неба, словно отлитым из какого-то сверкающего серебристого сплава, памятником.

С горы Геллерт весь Будапешт виден, как на ладони. Удивительно хорош и величествен Дунай, рассекающий город на две неравные части — гористую Буду и равнинный Пешт, Ширина Дуная доходит здесь до 700 метров. Просторные, обрамленные в центральной части города монументальными зданиями, набережные на протяжении восьми километров выложены тесаным камнем, Восемь мостов перекинута через широкую реку. Мосты были настолько основательно взорваны гитлеров-

цами, что фактически их пришлось строить заново. Совсем новый мост имени Сталина связывает два рабочих района — Обуду и Андялфёльд. Архитектура монументальных мостов весьма разнообразна и интересна; пересекая в нескольких местах Дунай, они связывают раскинувшийся по обоим берегам реки город в единое целое.

На высоком, холмистом правом берегу разбросана Буда. Она хоть и древнее Пешта, с которым была официально объединена в один город лишь в 1872 году, но, прижатая горами к Дунаю, развивалась медленнее и беспорядочнее. Улицы змеятся по горным долинам и котловинам, карабкаются на холмы. Повыше на холмах среди зелени немало вилл, принадлежавших прежде богачам и знати и превращенных ныне в дома отдыха, детские сады, студенческие общежития, санатории. На холмах Буды и на дунайском острове Маргит много горячих целебных источников, так что Буда не только часть столицы, но и в полном смысле слова город-курорт.

Северная окраина Буды — Обуда (древняя Буда) — самая старинная часть города. На месте северной части Обуды во II веке римляне основали укрепленный город Аквинкум. Просуществовал он до 376 года. Раскопки обнаружили развалины двух амфитеатров и некоторых других зданий.

В центре Буды, на невысокой удлиненной горе Вархедь (Замковая гора), за остатками средневековых крепостных стен высятся сильно пострадавшие во время войны старинные здания: королевский дворец, собор и другие.

Слева от горы Геллерт, посреди Дуная, чуть ниже моста имени Сталина, виднеется утопающий в зелени остров Маргит — любимое место отдыха и развлечений будапештцев. Здесь, посреди прекрасного парка с его вековыми деревьями, имеется и стадион, и заросшие лотосами тихие пруды, и водные бассейны, и горячие минеральные источники, и детские площадки для игр. На берегу Дуная — золотистый песчаный пляж. В глубине парка скрываются ветхие башенки старинного замка-монастыря, построенного в XII веке королем Бела IV. В этом монастыре жила его дочь Маргит, по имени которой был назван остров.

Если посмотреть с горы Геллерт на юг, взору открывается другой остров, значительно больше Маргита. Южная оконечность его скрывается где-то вдали. Это — Чепель, Красный Чепель — колыбель венгерской революции. Весь окутанный дымом множества заводских труб, Чепель с горы Геллерт может в неясный мартовский день показаться громадным кораблем, рассекающим воды широкого Дуная. На северной оконечности его видны портовые сооружения, пристани. Дальше тянутся заводы и жилые кварталы.

Остров очень велик: в длину — 48 километров и до 9 километров в ширину.

На равнине левого дунайского берега широко раскинулся Пешт с его фабричными пригородами — Уйпештом, Андялфёльдом, Ракошпалота, Кишпештом и другими. В конце 1949 года все предместья были включены в черту города. В «Большом Будапеште» живет теперь около 1,6 миллиона человек — одна шестая населения Венгрии.

Пешт — современный, хорошо спланированный город. Даже простым глазом можно различить широкие радиальные магистрали, сходящиеся к центру. Их пересекают три параллельных полукольца бульваров — Малое, Большое и Хунгария. На самом берегу Дуная, у моста Кошута, высится величественное, выстроенное в готическом духе, здание бывшего парламента. Оно уцелело во время войны, полностью сохранившись таким, каким оно было еще в прошлом веке. Только его купол венчает теперь пятиконечная красная, ярко светящаяся по вечерам звезда. Здесь заседает Государственное собрание. Особенно красиво здание вечером: ярко освещенное изнутри, оно кажется ажурным, облученные гранитные колонны и башенки отражаются в темных, серебрищихся водах Дуная.

Будапешт сильно пострадал во время войны. Полностью разрушены 1 300 из числа лучших и крупнейших зданий, более 30 000 домов были разрушены частично или серьезно повреждены. В общей сложности в городе погибло или пострадало не менее 70% жилой площади. Гитлеровцы при отступлении не только взрывали мосты и общественные здания; они старались вывезти наиболее ценное заводское оборудование, а то, что не могли увезти, уничтожали. Тяжело пострадало и население, численность которого к концу войны уменьшилась до 800 тысяч.

Когда в декабре 1944 года советские войска подошли к Будапешту и окружили его, наше командование, стремясь спасти венгерскую столицу и ее население, предложило противнику сложить оружие. Но гитлеровцы предательски убили советских парламентаров. На месте их гибели, на скрещении двух дорог, воздвигнут памятник с выгравированной на постаменте надписью: «Здесь покоится прах советских парламентаров, погибших от рук фашистских захватчиков 29 декабря 1944 года. Слава героям, погибшим за независимость и свободу народов, за демократию во всем мире».

Разгорелось одно из самых упорных сражений войны. 13 февраля 1945 года советские войска сломили последнее отчаянное сопротивление гитлеровцев и завершили освобождение Будапешта.

Немало пришлось положить труда венгерскому народу, чтобы восстановить свою столицу. Задача затруднялась тем, что тяжело пострадал не один лишь Будапешт, а была серьезно подорвана экономика всей страны. Фашисты угнали железнодорожный парк и автомашины, взорвали не только в Будапеште, но и по всей стране почти все мосты, вывели из строя

много фабрик и заводов, увезли машины и станки, уничтожили больше половины скота.

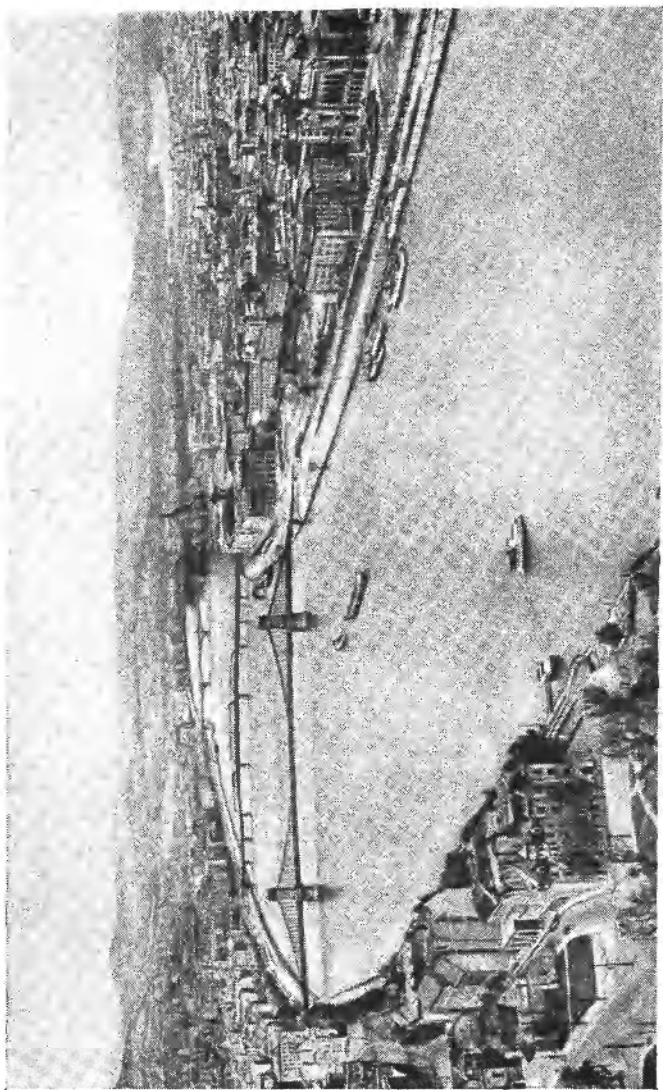
Установление народно-демократического строя, осуществление демократических преобразований, активность широких народных масс, а также бескорыстная помощь Советского Союза сделали возможным необычайно быстрое возрождение как венгерской столицы, так и всей страны. Действительно, восстановление Будапешта идет в стремительном темпе. И не только восстановление, но и рост. Это было особенно заметно, когда я вторично в том же году посетил венгерскую столицу: несмотря на небольшой срок, отделивший второе мое посещение от первого, многое успело уже измениться.

Повсюду ощущал я напряженный ритм трудовой жизни. Уже поднялись из руин улицы Пешта. На холмах Буды заканчивался ремонт поврежденных зданий. Реставрировались и восстанавливались драгоценные памятники старины на горе Вархедь. Одновременно там проводились раскопки, во время которых были обнаружены старинная часовня и рыцарский зал. Заканчивалось восстановление величественного здания Национального музея. Со ступеней его монументальной лестницы венгерский национальный герой, поэт Шандор Петефи 15 марта 1848 года прочел народу свою вдохновенную «Национальную песню». Революционный демократ Петефи принял активное участие в венгерской революции 1848 года и сыграл в ней большую роль своими пламенными произведениями, призывавшими народ к борьбе за свободу. Под его руководством студенты и рабочие захватили в Будапеште типографию и печатали там революционную литературу. 27-летний Петефи умер смертью героя в сражении при Шегеншвера.

Наряду с восстановительными работами развернулось громадное новое строительство. Один за другим воздвигались монументальные мосты через Дунай, строился колоссальный Народный стадион.

Старые, известные своими традициями и высокой технической культурой будапештские заводы обогащаются новыми цехами, построены и строятся здания новых научных учреждений, высших и средних школ, кинотеатры, больницы, дома культуры... Несмотря на то что в Будапеште и так немало зелени, проводятся все новые посадки. Кое-где даже на узких просветах между панелью и мостовой высажены цветы. Идет подготовка к созданию лесозащитной полосы на равнине вокруг Пешта.

Ликвидируется контраст между рабочими предместьями и нарядным столичным центром. В промышленных районах вырастают блоки благоустроенных жилых домов, появляются новые скверы, парки, детские спортивные площадки, работают новые троллейбусные и автобусные линии. В Обуде постепенно исчезают старинные одноэтажные глинобитные домики, меняет

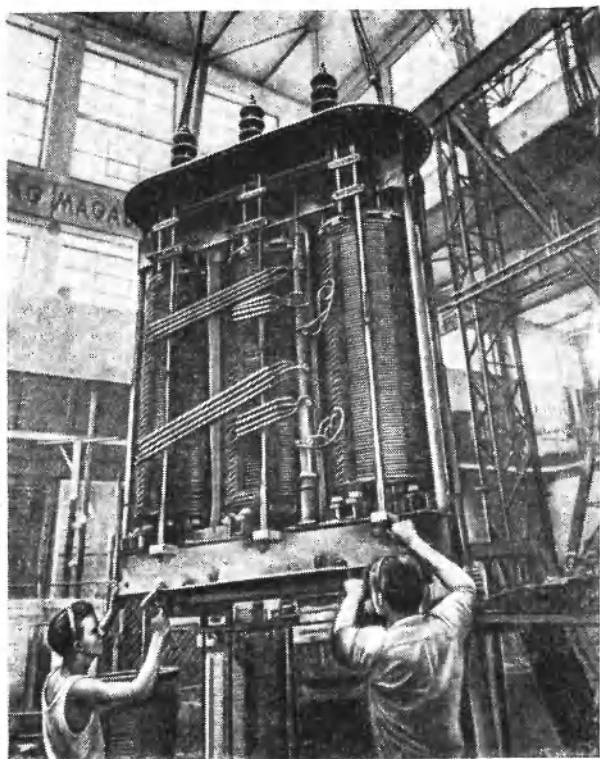
Будапешт. Общий вид с горы Геллерт.

Статуя Свободы на горе Геллерт в Будапеште, сооруженная венгерским народом в знак вечной благодарности Советской Армии-освободительнице.

Строительство

На заводе «Ганц» в Будапеште.

в в Сталинвароше.

Панорама озера Балатон с полуострова Тихань.

Среди рабочих завода «Ганц» в Будапеште.

свой облик самый бедный прежде район города Андял-фёльд — «земля ангелов». Называть его так прежде можно было разве только в виде насмешки. Теперь же он превращается в благоустроенный рабочий район.

Уже к концу 1950 года жилая площадь в Будапеште была больше, чем до войны. За семь лет со времени освобождения было построено или капитально восстановлено 79 тысяч квартир.

Энергично ведется сооружение метро. Нужно сказать, что Будапешт имеет одну небольшую подземную линию, самую старую на европейском континенте, она сооружена еще в 1896 году. Но ее трудно назвать метрополитеном — это скорее проходящий непосредственно под уличным асфальтом подземный трамвай. Линия эта имеет длину в три километра и соединяет бывшие аристократические кварталы с городским парком. В 1950 году было начато строительство настоящего метрополитена по образу и подобию московского. Первая линия пройдет под Дунаем и соединит Буду с Пештом. В Пеште конечная станция сооружается около новостроящегося Народного стадиона, в Буде — у Южного вокзала. Вторая очередь соединит северную часть Пешта с южной. Намечается и третья очередь, которая пройдет кольцом по фабричным пригородам.

Прекрасным подарком для ребят оказалась двенадцатикилометровая железная дорога; проходит она по живописной лесистой местности Буды, начиная от долины Хювеш до горы Сечени. Дорога пользуется неизменной популярностью как у юных, так и у взрослых будапештцев. Помимо того, она приносит и большую пользу: здесь получают политехническое воспитание юные «железнодорожники».

Стремительное и разностороннее развитие Будапешта имеет особенное значение для Венгрии, ибо Будапешт не только политический и культурный центр страны, но и важнейший узел коммуникаций и средоточие двух третей промышленности, подлинное индустриальное сердце страны. Кроме Будапешта, в Венгрии имеется еще несколько менее значительных индустриальных центров. В городе Сегеде, расположенном в южной части страны, на реке Тиссе, при впадении в нее притока Марош, построен крупный хлопчатобумажный комбинат. В городе имеются предприятия легкой и пищевой промышленности. Помимо существовавшего здесь и прежде университета, создан ряд других высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов. Еще недавно часть жителей Сегеда занималась сельским хозяйством и рыбачила.

Вообще для Венгрии характерно, что во многих городах часть населения связана с сельским хозяйством.

Имеется также много громадных сел с населением в десять тысяч и больше. Прежде между таким селом и соседним горо-

дом вся разница заключалась в основном лишь в том, что город был административным центром. Теперь, конечно, постепенно многое меняется.

Но и попрежнему Будапешт — центр венгерской экономики, кузница ее кадров. Особенно это чувствуется на Красном Чепеле. Его рабочий класс славен своими революционными традициями, идущими от героических дней Советской революции 1919 года через самоотверженную борьбу против кровавого режима Хорти вплоть до мужественного сопротивления гитлеровской оккупации. Здесь зародилась Коммунистическая партия Венгрии; здесь в начале 1945 года, когда на улицах Будапешта еще не отгремели последние бои, рабочие создали первые восстановительные бригады, самоотверженно взявшиеся за расчистку завалов от развалин, за спасение машин и оборудования, за пуск в ход важнейших для жизни города цехов.

Здесь на базе старого завода Вейс-Манфред был создан крупнейший металлургический и машиностроительный комбинат имени Матиаса Ракоши. На этом комбинате зародилось венгерское движение новаторов, тут работает зачинатель его, последователь Павла Быкова, Имре Муска. Приехавший в составе нашей делегации златоустовский сталевар В. М. Амосов был принят здесь с энтузиазмом. Он сразу же стал к печи и раскрыл новым венгерским друзьям «тайны» своего мастерства. Чепельские сталевары оказались способными учениками; после отъезда Амосова возникло движение мастера Гезы Газда, которое было подхвачено и на других венгерских металлургических предприятиях.

На индустриальном Чепеле расширяется, осваивая новые виды продукции, не только комбинат имени Матиаса Ракоши.

Здесь построен первый в Венгрии завод грузовых автомашин и ряд других новых предприятий. Рабочие Чепеля трудятся и учатся. Переполнены аудитории вечернего отделения будапештского политехнического института и других учебных заведений.

Меняются и жилые кварталы рабочего района: на месте прежних хибарок вырастают хорошие многоквартирные дома, построена большая поликлиника, дом культуры, школы. Новая линия электрической железной дороги связывает Чепель с городом.

Но не только на острове Чепель, а и в ряде районов города, в особенности в Пеште и его пригородах, сконцентрировано много разнообразных фабрик и заводов. И всюду чувствуется бодрая созидательная работа.

Нам, с понятной советским людям законной гордостью, то и дело показывали новые просторные светлые корпуса — «предприятия социализма», как их называют венгры в отли-

чие от старых, задымленных, тесных цехов капиталистической эпохи.

На предприятиях передовики производства трудятся вдохновенно — так, как никто никогда не трудился на капиталистической фабрике. Многие рабочие регулярно выполняют нормы на 200% и больше. Широкое развитие получило движение новаторов. В 1950 году в Венгрии инженерами, техниками и рабочими было внесено около 189 тысяч рационализаторских предложений. В 1951 году, по неполным данным, число таких предложений перевалило за 200 тысяч. Во всех областях промышленности новаторы поделали борьбу за замену импортного сырья и материалов отечественными. Благодаря их усилиям удалось отказаться от ввоза некоторых химических препаратов, искусственного корунда, искусственных углей для электродов и многого другого. Техническая интеллигенция включилась в процесс строительства социализма и работает с подлинной любовью к своему делу.

При присуждении государственных премий имени Кошута в 1951 году, наряду с известными учеными — Ласло Эрдеи и Йожефом Шнитцлером и другими деятелями науки, — были отмечены и забойщик Ференц Лугоши, прокатчик Лайош Куглер, литейщик Адам Папперт, ткачиха Юлия Тарноци, токарь Йожеф Кислингер и другие передовые рабочие.

В одном из цехов крупного электротехнического завода «Ганц» мы познакомились с рабочими комплексной бригады «Критика и самокритика». Эта бригада успешно борется за экономию сырья. Только за четыре недели она сохранила государству сырья на 400 тысяч форинтов. А на заводе «Ганц» таких бригад около сотни.

Во время обеих моих поездок мне довелось ознакомиться и с работой будапештских научных учреждений, в особенности с деятельностью Венгерской академии наук. В первый мой приезд я сделал в Академии наук два доклада. Тема первого вызвала у венгерских ученых громадный интерес: я говорил о советской науке, которая служит народу, о том, что советская наука создала новый тип ученого, неразрывно связанного с народом, самоотверженно служащего великим идеям коммунизма. В постоянном общении с народом, в тесном содружестве с практикой, в творческой дружбе с людьми труда — источник вдохновения деятелей советской науки. Говорил о том, что духом мира и созидания проникнута вся деятельность советской науки. Наши ученые, инженеры, техники, рабочие-новаторы, все советские люди с невиданным энтузиазмом ведут грандиозное мирное строительство, которое является наилучшим подтверждением миролюбивой политики Советского Союза.

С большим вниманием был заслушан и второй доклад, посвященный более узкой теме: о ведущей роли советской науки

и техники в области электродуговой сварки. В этом докладе я напомнил о приоритете русских изобретателей и ученых во многих областях электротехники и, в частности, электродуговой сварки. Я говорил о великом русском физике В. В. Петрове, открывшем электрическую дугу задолго до английского физика Дэви, об изобретателях электродуговой сварки — крупнейших русских инженерах Н. Н. Бенардосе и Н. Г. Славянове, о том, как дальнейшее свое развитие электросварка получила в работах советских ученых.

Характерно, что после этих докладов развертывались оживленные обсуждения, во время которых венгерские ученые и специалисты стремились ознакомиться не только с конкретными техническими проблемами, но и вообще с организацией и работой наших предприятий и научно-исследовательских учреждений и выражали желание наладить тесные дружеские отношения.

Во время моего второго посещения Будапешта, в декабре 1951 года, мне удалось установить еще более тесную связь с Венгерской академией наук, так как на этот раз я вместе с президентом Академии наук УССР академиком А. В. Палладиным специально прибыл на очередное годовое собрание Венгерской академии.

Венгерская академия наук существует с 1825 года. Годичное собрание, в котором мы приняли участие, было сто десятым со времени ее основания и вторым после ее реорганизации в 1949 году. Созданная в начале XIX века по инициативе передовой интеллигенции, Академия наук выдвинула ряд видных ученых — известного математика Бойяй, физика Этвеша, знаменитого врача Земмельвейса и других. Этвеш открыл в 1886 году закон капиллярности. Помимо других изобретений, он сконструировал гравиметр, с помощью которого устанавливается соотношение между массой и силой тяжести. Изобретение Этвеша нашло широкое применение при геодезических работах.

Биографии Земмельвейса и Бойяй характерны для участи многих ученых в австро-венгерской монархии. Земмельвейс, руководивший в середине прошлого века акушерской клиникой, открыл причину родильной горячки и применил простые, но чрезвычайно действенные антисептические меры для борьбы с ней. Благодаря этому открытию смертность рожениц, доходившая в те времена до 30%, в его клинике снизилась до 0,23%. Но открытие рядового врача Земмельвейса, кажущееся нам теперь само собой разумеющимся, было встречено в штыки «маститыми» медиками. Земмельвейс был изгнан из своей клиники. Ему запретили заниматься практикой, травили и довели до сумасшествия и преждевременной смерти.

Почти так же трагична судьба выдающегося математика Бойяй, открывшего несколько позже Лобачевского, но незави-

симо от него, принципы неевклидовой геометрии. В 1837 году он представил на премию работу о мнимых величинах. Но эта чрезвычайно ценная работа, во многом предвосхищавшая более поздние труды других математиков, получила отрицательный отзыв жюри. Несколько других подобных неудач тяжело отразились на психике Бойяи, он умер в состоянии, близком к душевной болезни.

Как при Габсбургах, в особенности после разгрома революции 1848—1849 годов, так и при Хорти, Академия влачила довольно жалкое существование. Даже такой известный ученый, как Лоранд Этвеш, который был ее президентом, не смог реализовать своих изобретений.

Резкий перелом в научной жизни Венгрии произошел после освобождения страны Советской Армией. В декабре 1949 года Академия наук была реорганизована, принят новый устав ее и создан Научный совет при Совете министров. Народно-демократический строй обеспечил все условия для подъема науки. Ярким свидетельством тому служит рост сети научно-исследовательских учреждений. При режиме Хорти страна практически не имела ни одного научно-исследовательского учреждения, а теперь их более восьмидесяти. До 1949 года в системе Академии наук не было институтов, к началу 1952 года их имелось уже девять. Помимо того, создается еще ряд институтов, в том числе физики, органической и неорганической химии, сельскохозяйственных наук и некоторые другие.

Правительство и Венгерская партия трудящихся уделяют большое внимание развитию науки. В 1949 году на научные исследования было ассигновано 136 миллионов форинтов, в 1951 году — более 300 миллионов. Пятилетний план предусматривает выделение на эти цели 1,7 миллиарда форинтов.

Могу привести такой пример: во время моего пребывания в Венгрии в марте 1951 года я посетил институт черных и цветных металлов в Будапеште. Тогда этот институт только строился, здания еще возводились. Во вторую же мою поездку я увидел просторные, полные света помещения, где научные сотрудники работают на прекрасном современном оборудовании, — это уже в полном смысле слова дворец науки. В марте я говорил с работниками института о некоторых проблемах, связанных с применением аргоно-дуговой сварки. А в декабре уже была развернута исследовательская работа в этом направлении.

Годичная сессия протекала в торжественной обстановке. Помимо нас — советских гостей, прибыли делегации из Польши, Румынии, Болгарии, Германской Демократической Республики; приехали также прогрессивные ученые из капиталистических стран — профессор Бернал из Англии и профессор физики Козинс из Бельгии.

На сессии был рассмотрен и утвержден пятилетний план научных работ и прочитано много докладов по различным отраслям знания.

Значительное место в плане занимают исследования и разведка, связанные с бокситами. Богатые залежи бокситов служат сырьевой базой для алюминиевой промышленности. Много внимания уделило собрание Академии также механизации добычи угля.

Благодаря инициативе президента Академии наук Русняка — крупного ученого медика — венгерские ученые много сделали в области здравоохранения, в частности борьбы с туберкулезом, создания противоскарлатинных вакцин, разработки новых антибиотиков. Следует отметить весьма ценные работы академика Русняка в области проблемы кровообращения, исследования Имре Тере (открытие новой формы деления клетки), Дьердя Ивановича (новый экономический способ производства витамина B-12), Тибора Вали-Надя (открытие нового антибиотика).

Венгерские ученые являются в области физиологии последователями Павлова, так же как в области сельского хозяйства — последователями Вильямса и Мичурина.

Многие венгерские ученые работают теперь над историей своей страны и, на основе работ И. В. Сталина по языкознанию, — над исследованием современного венгерского языка и его истории.

Пример советской науки, блестящие ее успехи показали венгерским ученым необходимость планирования научно-исследовательской работы. Вначале были, конечно, известные трудности. Болезни роста были заметны еще и во время нашего пребывания в Венгрии. Но доклады на годовом собрании показали, какие плодотворные результаты дает применение планового начала в науке.

Принятый на годовом собрании пятилетний план научных работ ставит во главу угла содействие социалистической индустриализации страны и реконструкции ее сельского хозяйства, развитие здравоохранения, активное участие в культурной революции. План предусматривает изыскание дополнительных сырьевых и энергетических ресурсов, широкую автоматизацию производственных процессов в промышленности; для содействия сельскому хозяйству намечены разработка и внедрение новых конструкций машин и новых методов труда применительно к потребностям крупного производства.

Сколь обширны масштабы пятилетнего плана научных работ, видно хотя бы из того, что по отделению технических наук в плане предусмотрено 740 тем, из которых 580 должны быть закончены и реализованы до 1954 года; по отделению математических и естественных наук — 122 темы; по группе химиков — 266 тем.

На торжественном заключительном заседании годовичного собрания Академии наук я выступил с приветствием от Академии наук СССР, академик Палладин — от Академии наук УССР; выступили также делегации Польши, Румынии, Болгарии. Кроме того, я сделал доклад на тему «Советская наука в борьбе за мир». Профессор Бернал рассказал об активном участии в борьбе за мир прогрессивных ученых Запада.

Особенно ценным и важным является тот факт, что венгерская наука устанавливает все более тесные связи с производством, понимая, что без такой связи нельзя двигать науку вперед. Это говорит о коренном переломе во всем развитии венгерской научной мысли, о том, что она прочно вступила на новый плодотворный, социалистический путь. Другая сторона этого отрадного явления заключается в том, что люди промышленности — и инженеры, и рабочие-новаторы — начинают с большим вниманием и доверием относиться к людям науки, в которых прежняя капиталистическая действительность порой учила их видеть отрешенных от живой жизни, от ее насущных проблем бесплодных кабинетных «книжных червей».

Я упомянул уже о посещении института черных и цветных металлов. Свои исследования по аргоно-дуговой сварке институт проводит в самой тесной связи с электротехническим заводом «Ганц». Благодаря этой связи многое из того, что наметили в марте, в декабре было уже реализовано.

При посещении Общества инженеров я ознакомился с широко развернутой работой специально созданной комиссии по разработке и применению новых способов сварки и использованию новой аппаратуры. Я постарался, конечно, помочь венгерским товарищам своими советами.

Довелось мне также присутствовать на многолюдном и весьма интересном совещании в Научном обществе машиностроения. Выступали ученые из Академии наук и научно-исследовательских институтов, инженеры, техники, рабочие-новаторы.

Связи, установленные во время моих посещений Венгрии, не прервались: в Электротехническом обществе была в 1952 году создана «Трудовая комиссия имени Никитина». Эта комиссия прислала мне в июле прошлого года подробное письмо, в котором обстоятельно сообщала о своей деятельности и попросила некоторых советов. Я с особенной радостью и удовлетворением ознакомился с этим письмом, которое, как мне кажется, является одним из проявлений новой формы содружества между советской наукой и наукой стран народной демократии, новой формы обмена опытом. Нечего и говорить, что я подробно ответил на это письмо.

Об укреплении связи науки с практикой свидетельствовали и многие доклады, прочитанные на упомянутом выше годовичном собрании Академии наук.

Член-корреспондент Академии наук Эмиль Мошони рассказал об участии ученых в работах по преобразованию природы в бассейне реки Тисса. На Тиссе создается один и запроектировано еще два гидроузла; в результате сооружения этих узлов будет орошена территория в 350—400 тысяч гектаров, расположенная за Тиссой.

О размерах этих гидроузлов можно судить по тому, что строящаяся на Тиссе Тиссалёкская гидроэлектростанция будет давать ежегодно 55 миллионов киловатт-часов электроэнергии, причем — что самое главное — она даст дешевую электроэнергию наиболее бедной в этом отношении области Венгрии, так называемой Хортобадьской пусте и другим затисским землям. Благодаря строительству этой гидроэлектростанции Тисса станет судоходной на протяжении 70 километров, выше Тиссалёкской плотины.

Среди гидротехнических сооружений наиболее крупным будет Главный Затисский канал. Трасса его начнется к югу от города Токай, вблизи села Тиссалёк, на левом берегу Тиссы, там, где уже строится плотина Тиссалёкской гидроэлектростанции. Канал этот оросит засушливые затисские земли, в частности так называемую Хортобадьскую пусту, и увеличит их урожайность. Канал будет судоходным для судов водоизмещением до 1 000 тонн. Общая длина его составит около ста километров. Эта стройка видоизменит самую обездоленную, редконаселенную, засушливую часть венгерских степей. Наряду с этой мощной стройкой ведутся и другие, более скромные работы; на первых тысячах гектаров орошаемых земель Хортобадьской пусты уже в 1951 году успешно развивалось крупное государственное хозяйство со скотоводческими фермами, рисовыми плантациями, пропашными культурами.

Естественно, что такое крупное строительство потребовало серьезной предварительной научной работы. Надо было, например, установить, как будут влиять заграждения Тиссы и вода, используемая для целей орошения, на влажность почвы и таким образом на сельскохозяйственное производство, и разрешить ряд других проблем.

Перед началом строительства возник важный вопрос: как осушить дно котлована, которое будет находиться на большой глубине под грунтовыми водами? Высказывалось мнение, что дно котлована вообще невозможно осушить. В настоящее время, на основе результатов длительной исследовательской работы, дно полностью осушено.

Ученые Венгрии принимают также участие в проектировании строительства Дунайской гидроэлектростанции, которая будет в десять раз больше гидроэлектростанции на Тиссе.

Уже позже я узнал, что большая группа венгерских ученых, в том числе Имре Тере, Дьердь Иванович, Эмиль Мошони и другие удостоены премии Жошута за 1952 год.

С громадным вниманием и искренним желанием воспринять и использовать опыт советской науки неизменно принимались и наши консультации на предприятиях. Во время первого моего посещения завода «Ганц» я много беседовал с инженерами и рабочими-новаторами. И меня глубоко тронуло, когда я во время второго моего приезда увидел в механическом цехе надпись: «Бригада имени академика Никитина». Я познакомился с этой бригадой. Это женская стахановская бригада, возглавляемая работницей Рафаэль Анталне. Она выполняла в то время свою норму на механических автоматах в среднем на 200%. План 1952 года бригада тогда уже закончила и работала в счет 1953 года. В трансформаторном цехе того же завода бригада сварщиков Кароля Драшковица в своей работе использовала те советы, которые я им давал в свой предыдущий приезд.

Я, конечно, прекрасно понимаю, что то внимание, которое мне оказали венгерские рабочие и ученые, нужно целиком отнести на счет советской науки, на счет нашей великой Родины.

Где бы мы ни бывали, везде мы ощущали все ту же атмосферу глубокой симпатии и уважения к советским людям, повсюду нас принимали с величайшим радушием.

Когда в Доме профсоюза строителей я делал доклад о наших крупнейших стройках, большой, вмещающий свыше 1500 человек, зал был переполнен. Доклад слушали с большим вниманием, задавали множество вопросов, свидетельствовавших о громадном интересе к строительству коммунизма в Советской стране.

Трудно рассказать о всей обширной работе, проведенной нашими делегациями, о внимании, с которым венгерские ученые, студенты, производственники и крестьяне принимали наши доклады и сообщения, с какой жадностью они старались перенять все новое и передовое из опыта советской науки, промышленности и сельского хозяйства.

Дружба, культурные связи венгерского и советского народов растут и ширятся. Венгерский народ изучает советскую культуру; произведения русской классической литературы издаются в Венгрии. В венгерских театрах ставят пьесы русских классиков и советских драматургов — Островского, Горького, Симонова, балеты Чайковского, Глиэра.

Большую и успешную работу проводит Венгеро-Советское общество, много делающее для изучения советской культуры. Оно представляет собой подлинно массовую организацию. В каждом из 19 комитатов (областей) оно имеет свое отделение, а в районах — 140 местных организаций.

Общество выпускает еженедельный журнал «Уйвилаг» («Новый мир»), издает в переводе много русской классической литературы, лучшие произведения советских писателей. Особенно хорошо поставлена работа Общества в Будапеште. Здесь

собрана обширная документация — 18 тысяч статей из советской прессы по самым различным вопросам жизни и культуры СССР.

Помимо Будапешта, мы предпринимали поездки по стране. Побывал я, например, на строительстве нового города, носящего имя И. В. Сталина.

Расположен Сталинварош примерно в 70 километрах к югу от Будапешта, на живописном правом берегу Дуная, южнее оконечности острова Чепель. Здесь сооружается крупный металлургический комбинат имени Сталина. Еще в 1949 году здесь, на высоком берегу плато Мезефёльда, была лишь небольшая деревушка Дунапентеле, ничем не отличавшаяся от сотен ей подобных придунайских деревень. Теперь все переменялось. Строительство начато недавно — в 1950 году, но два цеха (литейный и ремонтно-механический) уже работали, готова была часть жилых зданий и большой Дом культуры. На островке напротив комбината сооружается современный речной порт, связанный с берегом нововыстроенной дамбой. От пристани к комбинату строится подвесная дорога. Шел монтаж крупной электростанции, разбивали чудесный парк культуры. Город прекрасно распланирован. Венгры строят хорошо, чувствуется высокая культура.

Комбинат имени Сталина будет мощным комплексным индустриальным сооружением: две домны, четыре, а впоследствии восемь сталеплавильных печей, прокатные станы, коксохимические заводы, обогатительная фабрика, цементный завод, завод огнеупоров, мощная водонапорная установка. Помимо существующей железнодорожной линии и водного пути, комбинат будет связан со столицей автострадой.

Местоположение комбината выбрано удачно: сырье — руда и уголь — будет поступать по дешевому водному пути, а готовая продукция оказывается чрезвычайно близко от основных потребителей — мощных будапештских машиностроительных заводов. Руда по водным путям будет прибывать главным образом из Советского Союза, а коксующийся уголь — из Печского бассейна, расположенного в южной части страны.

Прежде считалось, что Венгрия не имеет собственных коксующихся углей. Но недавно венгерские ученые установили, что уголь небольшой шахты близ рабочего поселка Комло коксуется и пригоден для металлургии. Теперь эта шахта механизирована, производительность ее возрастает во много раз. На месте старого поселка вырастает новый благоустроенный город горняков Комло, который, помимо водного пути, связан со Сталинварошем железнодорожной линией.

На строительстве Сталинвароша особенно много молодежи. Осенью 1950 года Венгерская партия трудящихся кликнула

клич, и на призыв партии тысячи юношей и девушек прибыли на новую стройку. Здесь они не только трудятся, но и приобретают новую квалификацию, учатся. Большую роль играет при этом освоение опыта советских новаторов.

Восстановление и развитие Будапешта, строительство Сталинвароша были для нас, советских людей, живым воплощением тех внушительных цифр, которые приходилось нам слышать во время наших венгерских встреч и о которых мы узнавали и впоследствии. Успехи молодой народно-демократической Венгрии поистине замечательны. В 1945 году объем промышленного производства составлял около 30% довоенного. А уже в декабре 1949 года, к моменту досрочного — за два года пять месяцев — выполнения первого трехлетнего плана, уровень промышленного производства превысил на 40% уровень 1938 года. Чрезвычайно быстро улучшилось и материальное положение населения, которое после окончания войны было очень трудным, в особенности в городах.

Нынешний пятилетний план превратит Венгрию в индустриальную страну. Народное хозяйство планируется так, что уничтожается существовавшая прежде диспропорция в развитии отдельных отраслей и лучше используются природные ресурсы. Если прежде Венгрия не имела собственного станкостроения, то теперь она будет даже экспортировать собственные станки и машины. Несмотря на наличие в различных местах Западной Венгрии — в районе Татабанья в горах Вертеш и близ поселка Айжа в горах Баконь — крупных месторождений бокситов, Венгрия собственной алюминиевой промышленности почти не имела, и бокситы вывозились в Германию. Между тем залежи бокситов настолько велики, что составляют по некоторым данным до 18—20% разведанных мировых запасов. Качество их высокое, разработка идет открытым способом. Ныне в Венгрии развивается собственная алюминиевая промышленность.

Еще в 1951 году общий объем промышленного производства превысил довоенный в два с половиной раза, а в 1952 году — в три с лишним раза. Доля производства средств производства возросла при этом почти до двух третей всей промышленной продукции. Продукция тяжелой промышленности возросла по отношению к довоенной в 1952 году на 315%, машиностроения — на 485%.

Параллельно с развитием народного хозяйства улучшается и положение трудящихся. Растет потребление наиболее ценных продуктов питания, увеличивается снабжение промышленными товарами. В конце 1951 года была полностью отменена карточная система. Побывав в 1951 году в Венгрии дважды — в марте и в декабре, — я мог воочию убедиться, как после отмены карточек оживилась торговля.

Громадные достижения имеются и в области культуры.

60% учащихся высших учебных заведений, число которых чрезвычайно возросло, — дети рабочих и крестьян. На десять тысяч жителей в Венгрии приходится более 50 студентов, то есть больше, чем в таких странах, как Англия и Франция.

Во время нашей поездки мы повсюду и во всем видели, как народно-демократическая власть заботится о рядовых тружениках. Особенно разительно ощутили мы эту заботу во время чрезвычайно интересной и приятной поездки на озеро Балатон, «Венгерское море», называемое так потому, что противоположный берег его виден лишь в ясную погоду. Озеро это расположено в Западной Венгрии у подножья невысоких гор Бакони, в необычайно привлекательной, красивой местности. С Будапештом и другими городами страны Балатон связан опоясавшими его с обеих сторон железными и шоссейными дорогами, с Дунаем — системой судоходных рек и каналов.

Дело было в середине марта. Весна еще только начиналась, но уже расцветали розовые кусты миндаля, зеленели весенней травой и молодой листвой холмистые берега. Прекрасно и само громадное (80 километров в длину) озеро с его постоянно меняющимися свой цвет небольшими волнами. Виды, открывающиеся с расположенного примерно посередине его северного берега полуострова Тихань или с горы Бадахонь, — очаровательны.

Издавна благодатные берега Балатона были местом отдыха состоятельных людей. Некоторые курорты, в особенности Шиофок, были чрезвычайно дорогими и недоступными даже для средних буржуа. Балатонские курорты сильно пострадали во время войны, так как на берегах озера разыгрались жестокие бои между доблестной Советской Армией и ожесточенно контрактаковавшими гитлеровцами. Но уже в 1947 году трудящиеся Венгрии взяли за восстановление балатонских курортов; санатории и виллы богачей перешли в руки профсоюзов, в руки народа.

Теперь берега Балатона — всенародная здравница. В зелени их раскинулись многочисленные дома отдыха. Шиофок стал крупнейшим курортом освобожденной Венгрии. В его 82 домах отдыха одновременно отдыхает более трех тысяч человек. Нарядные, благоустроенные бывшие гостиницы «Хуллам» и «Шио» теперь стали домами отдыха шахтеров имени Иозефа Какук и Эде Эпих, двух революционеров-шахтеров, которые во время кровавых событий 1919 года были замучены здесь палачами Хорти.

Километров на десять раскинулся прекрасный песчаный пляж со множеством лодочных пристаней. Летом по воскресеньям сюда со всех сторон мчатся поезда и автобусы. С одного только Красного Чепеля в дом отдыха имени Матиаса Ракоши приезжает по две тысячи рабочих, чтобы провести здесь свой день отдыха.

Кроме прогулки на озеро Балатон, мы совершили и другую — в Аггтелекские сталактитовые пещеры на севере Венгрии. Они тянутся под землей на 22 километра, причем некоторые из них ведут в соседнюю Чехословакию. Ходишь словно по подземным сказочным дворцам, соединенным между собой кривыми неровными коридорами. Один за другим открываются все новые подземные гроты, величественные залы с большими сталактитами, напоминающими обрывающиеся посередине колонны или гигантские сосульки, отливающие гаммой красок. Подземный путь то поднимается и ведет вдоль крутого свода пещеры, то проходит по деревянному мостику, то выходит на середину просторного подземного зала.

В кипучем созидательном мирном труде освобожденный от пут капитализма венгерский народ уверенно строит новое прекрасное будущее. Все, что нам довелось увидеть, свидетельствует о бурном росте венгерского хозяйства, культуры, науки, о больших успехах, которых добиваются венгерские трудящиеся в строительстве социализма.

Я пробыл в Венгрии не очень долго: в общей сложности немногим более месяца. Но и двух непродолжительных посещений было достаточно, чтобы преисполниться чувством искренней симпатии к талантливому, энергичному, столь дружественному нам венгерскому народу, неуклонно идущему рука об руку с нашей Родиной, со странами народной демократии по пути мира, строительства нового светлого будущего.

ИЗ АВСТРИЙСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

ВЕНУ, где советской делегации предстояло принять участие в работе сессии Исполнительного совета Всемирной федерации научных работников, отделиют от аэродрома Феслау 35 километров. Дорога идет через живописные пригороды австрийской столицы. Слева, за свежей весенней листвой садов, мелькают небольшие домики, виллы, гостиницы. Дальше, за линией железной дороги, в дымке серого дня поднимаются, грядя за грядой, синеватые склоны покрытых виноградниками и лесами гор. А справа, вплоть до горизонта, — равнина, на которой сады перемежаются полями.

Постепенно пейзаж начинает меняться. Въезжаем в заводские предместья: бесконечные каменные заборы, стены старых фабрик, рабочие кварталы, серые фасады казарменного вида домов, кое-где следы войны — неубранные до сих пор развалины. Но вот и центральная часть Вены. Мелькают пестрые рекламы, вывески, витрины магазинов. Всюду много зелени.

Так же как и Будапешт, Вена расположена на Дунае. Так же как и в районе Будапешта, правый, западный берег более высокий, левый — низменный. И так же, как в Будапеште, имеются удобные естественные переправы через реку и скрещиваются важные старинные торговые пути — водный, по Дунаю, с сухопутным, от Балтики до Адриатики, некогда называвшийся Янтарной дорогой. Как и в районе Будапешта, здесь в древности проходила граница Римской империи. В I веке нашей эры римляне построили на месте древнего

кельтского поселения одну из своих пограничных крепостей — Виндобона. От нее в настоящее время не сохранилось никаких следов: она была сметена во время великого переселения народов, и населенный пункт Вена начинает упоминаться в исторических документах лишь с IX века.

В то время как венгерскую столицу Дунай разрезает почти пополам на Буду и Пешт, здесь Дунай протекает лишь по северным и восточным пригородам, При этом широкая полоса вдоль низменного восточного берега реки затопляется, остается необитаемой и отделена от более высокой части длинной дамбой. За дамбой идет полоса зелени, садов, небольших домиков, спортивных площадок. И только несколько дальше начинается рабочий район Флоридсдорф и другие предместья, которые, таким образом, несколько оторваны от города. Соединяют их с ним два больших моста. Помимо того, Дунай пересекают три железнодорожных моста.

В районе одной из северных окраин — Нусдорфа — от Дуная отделяется боковой рукав, так называемый Дунайский канал, дугой вклинивающийся в центральную часть города и вновь соединяющийся с основным течением реки только через 17 километров, уже на юго-восточной окраине города. На острове, образуемом Дунаем и Дунайским каналом и связанном с остальным городом 15 мостами, находятся два городских района. В юго-восточной части расположено одно из любимых мест отдыха и гуляния венцев — громадный парк Пратер, а также речной порт.

О размерах Пратера можно судить по тому, что главная аллея его имеет длину в пять километров. Часть Пратера занята разнообразными аттракционами, «американскими горками», качелями, каруселями, балаганами, кафе, пивными, ресторанами. Главный аттракцион — 64-метровое колесо. Из его медленно вертящихся кабинок открывается для неподверженных головокружению людей превосходный вид на город. Слева от главной аллеи размещены стадион, беговой круг, бассейн для плавания и несколько выставочных павильонов; справа — спортивные площадки. Во время боев 1945 года постройки Пратера пострадали и до сих пор восстановлены не целиком; погребло и немало деревьев.

Западный берег Дуная в районе города не поднимается круто над рекой, как в Будапеште, а, за исключением северных окраин, где холмы кое-где подходят к самой воде, состоит из ряда незаметно нарастающих террас; как полагают геологи, они образовались в период, когда высыхало и отступало море, заполнявшее в доисторические времена венскую впадину. Постепенно повышаясь, террасы переходят в мягко очерченные, покрытые рошами и виноградниками холмы Венского леса, кое-где глубоко вклинивающегося в черту города. Чем дальше на запад от города, тем горы становятся все выше и круче:

холмы Венского леса не что иное, как последние восточные отроги Альп...

Гостиница, где мы остановились, расположена на Ринге, широком бульваре, полукольцом опоясывающем весь старый внутренний город.

Некогда по Рингу (кольцу) проходили городские укрепления, защищавшие, начиная с XIII века, в течение многих столетий ядро старого города от врагов. Поэтому Ринг, несмотря на свое название, представляет собой не кольцо, а довольно правильный крепостной пятигранник, «спиной» упирающийся в Дунайский канал. Из старого города лучеобразно расходится ряд магистралей, пересекающих Ринг и углубляющихся в другие районы города.

Укрепления Ринга, общим периметром в четыре километра, были скрыты только в 1858 году, хотя город уже задолго до того вышел за их пределы, и они давно потеряли всякое военное значение. Ринг превратился в широкий нарядный бульвар, окаймленный садами и монументальными зданиями. Это — парадная кольцевая магистраль бывшей столицы австро-венгерской монархии. На Ринге расположены здания парламента, ратуши, оперы, некоторых музеев, Бургтеатра, биржи, различные дворцы, правительственные учреждения. С севера примыкает к Рингу набережная Дунайского канала. Эта часть и по сей день называется набережной Франца-Иосифа.

Административно Ринг опоясывает первый район Вены. В этом районе размещаются австрийское правительство, союзная Контрольная комиссия, банки, многие крупные фирмы. Теперь он считается так называемым международным районом, то есть находится под совместным контролем всех четырех держав. Остальная Вена разделена на четыре сектора — советский, американский, английский и французский. Внешне это деление почти незаметно. Границы секторов не обозначены, и движение повсюду для всех свободное так же, как и свободен въезд и выезд из Вены, находящейся посреди советской зоны Австрии.

Старая Вена славится красотой своей архитектуры. Много величественных зданий, дворцов, памятников. Седой стариной веет от узеньких средневековых улочек вблизи собора св. Стефана, сильно поврежденного снарядами нацистской артиллерии и внутри еще не полностью реставрированного. На соборной площади к вам почти наверняка подойдет сборщик с кружкой и попросит пожертвовать на «восстановление храма»... Вост улица плотников, улицы булочников, кузнецов, башмачников... И сразу же из средних веков вы попадаете на шумную современную магистраль — главную торговую улицу Кернтнерштрассе, начинающуюся у Карлсплатца, пересекающую Ринг и упирающуюся в соборную площадь.

Нам удалось посвятить несколько дней осмотру австрийской столицы. Почти повсюду заметны следы войны. Зияют прова-

лами окон выгоревшие каменные коробки домов, некоторые уцелевшие здания исчерблены оспинами гранатных осколков и пулеметных очередей. То тут, то там — плечи с остатками плохо убранных развалин. Вена пострадала и от 53 американских и английских воздушных налетов, и от жестоких уличных боев. Было разрушено или повреждено около 20% всех зданий, в том числе много ценных архитектурных памятников. Восстановление идет очень медленно, неизмеримо медленнее, чем, например, в значительно больше пострадавшем Будапеште. В бытность нашу (и, кажется, и по сей день) не было закончено восстановление здания знаменитого венского оперного театра на Ринге. Нового строительства не заметно. Два крупнейших моста через Дунай, уничтоженных гитлеровцами, были вновь построены силами Советской Армии.

Некогда славившиеся венские музеи также серьезно пострадали, причем не только за годы гитлеровской оккупации и войны, но и в послевоенное время. В Художественно-историческом музее, например, открыт для обозрения только второй этаж — на первый и третий этажи нехватает экспонатов. Нам сообщили, что очень много картин вывезено «по просьбе американцев». Посетителям предлагают купить открытки с изображениями драгоценных произведений искусства, «позаимствованных» заокеанскими «покровителями».

Не лучше и в музее в Новом Гофбурге (дворце Франца Иосифа). Впечатление такое, что выставлены разные остатки, притом почти без системы. Тут и большое собрание по истории музыкальных инструментов, и экспонаты из Новой Гвинеи, рядом какая-то церковная утварь. А музей во дворце Лихтенштейна совсем закрыт.

В архитектурном отношении старая Вена производит довольно цельное впечатление. Старинных готических сооружений, кроме собора св. Стефана и нескольких других церквей, не сохранилось. Нет и сколько-нибудь интересных зданий эпохи ренессанса. Большинство лучших старинных зданий выдержано в стиле венского барокко, создававшегося под заметным итальянским влиянием, но обладающего и собственным прекрасным художественным лицом и наложившего свой отпечаток на внутренние районы города, в первую очередь на многочисленные дворцы.

Что касается Ринга и общественных зданий на некоторых других улицах, то почти все они построены во второй половине XIX века в парадном, иногда перегруженном украшениями, эклектическом стиле той эпохи, содержащем в себе элементы и барокко, и готики, и классицизма. Их нарочитая нарядность довольно хорошо гармонирует с пышными, несколько вычурными зданиями эпохи барокко.

В результате первой мировой войны австро-венгерская лоскутная монархия развалилась, и Вена оказалась непомерно

большой головой на обрубке некогда питавшего ее туловища. Население Вены, насчитывавшее накануне войны 1914 года свыше двух миллионов жителей, стало уменьшаться. Многие представители обретших свою независимость народов — венгры, чехи, поляки, словаки, хорваты — покидали ее. В центральной части города сколько-нибудь крупное строительство не ведется вот уже скоро сорок лет. Поэтому, помимо разрушений, внутренние районы Вены в архитектурном отношении, с небольшими изменениями, законсервировались в таком виде, в каком их застал 1914 год. Может быть, это одна из причин, почему венские буржуа так любят вспоминать «добрые старые времена»!

Иногда эпоху барокко считают в области архитектуры периодом начинающегося упадка по сравнению со строгими, благородными формами ренессанса. Но как раз в Вене можно увидеть, каким богатством творческих сил, каким громадным вкусом и каким размахом обладали некоторые мастера этой эпохи, к числу которых в Вене в первую очередь относятся жившие в XVII и XVIII веках Фишер фон Эрлах, отец и сын, и Лукас фон Гильдебрандт. Оказывается, что, например, Шенбруннский дворец выглядит по первоначальному проекту Фишера фон Эрлаха значительно более монументальным и величественным и должен был превзойти в этом отношении даже Версаль. Фактически же он был достроен уже во второй половине XVIII века другим архитектором в более скромных масштабах и в значительно менее внушительных формах. Тем не менее он и в своем нынешнем виде очень красив посреди великолепного большого парка.

Основную свою резиденцию в центре города — Гофбург — Габсбурги строили с большими перерывами во время почти всего существования своей династии. И для этого главного дворца, так и не законченного полностью и представляющего собой целый обширный комплекс крупных сооружений, тот же Фишер фон Эрлах составил грандиозный проект. Но выстроена была тогда — в первой половине XVIII века — лишь часть зданий: имперская канцелярия, манеж, библиотека, дворцовые конюшни. Главный дворцовый корпус, так называемый Михаелстракт, был построен лишь через полтора года, в девяностых годах прошлого века, при Франце-Иосифе. За основу был взят старый проект Фишера фон Эрлаха.

Лучшие зодчие венского барокко были бесспорно большими художниками. Величественно, например, здание Национальной, некогда дворцовой, библиотеки. Главный зал ее поражает своей пышностью. Это удлиненный прямоугольник, центр которого эллиптически расширяется в обе стороны и увенчан высоким куполом. Потолок и стены богато украшены фресками. Повсюду, так же как в парадных покоях дворцов, много статуй, мрамора, бронзы, лепных украшений.

Колонны и пилястры разделяют главный зал на несколько частей, не нарушая при этом цельности впечатления, создаваемого величественной амфиладой, выдержанной в коричневых, белых и золотых тонах, гармонирующих с яркой росписью стен и потолков. Массивные шкафы для книг установлены в два этажа; верхний представляет собой галерею с резной баллюстрадой.

Фонды Национальной библиотеки содержат не только 1370 тысяч томов книг, но и богатые собрания рукописей, папирусов, карт, географо-топографических иллюстраций. Помимо того, в состав Национальной библиотеки входят размещенные в других зданиях музыкальная библиотека, киноархив, театральная библиотека, собрание портретов и архив фотонегативов.

Наряду с Шенбрунном и Гофбургом заслуженной известностью пользуется дворец Бельведер, расположенный к югу от старого города, в холемом парке, разбитом на склоне плавно поднимающейся террасы. Бельведер был построен в начале XVIII века в качестве летней резиденции наиболее крупного из австрийских полководцев, принца Евгения Савойского, спасшего, в частности, Вену от турецкого нашествия. Состоит он из двух дворцов — нижнего и верхнего, разделенных широкой покатой террасой газонов, клумб, фонтанов, аллей. Особенно красив верхний дворец. Он состоит из семи павильонов; четыре из них объединены общей крышей. Все здание удивительно изящно. Богатые лепные украшения фасада, разделенные здания на павильоны придают ему пышную нарядность. Со стороны северного фасада открывается через плавно спускающуюся террасу сада великолепный вид на старую Вену, мягко профилирующуюся на фоне зеленеющих холмов Венского леса.

Еще более красив, пожалуй, южный фасад, выходящий на берег овального искусственного пруда. Если подходить к Бельведеру с южной стороны, цоколь здания не виден и создается впечатление какого-то отражающегося в воде пруда, необычайного в своей легкости, словно поднимающегося прямо из воды сказочного замка.

Неподалеку от Бельведера на площади Сталина в полукружье колоннады водружен памятник советским героям, павшим в боях за освобождение Вены.

Но и помимо своих известных архитектурных памятников, Вена красива. И в городе, и в его окрестностях много приятных, уютных уголков и чудесных садов. И в центре, и в Пратере, и в Венском лесу множество беседок, танцевальных площадок, ресторанов и маленьких кафе. До сих пор существует исторический погребок, стены которого испещрены автографами знаменитых посетителей: Бетховена, Шуберта, Штрауса, Брамса, Грильпарцера, Марка Твэна, Шаляпина. Рассказы-

вают, что в этом погребке пел свои народные песенки ставший почти легендарным Аугустин.

Старая Вена была городом искусств. Здесь жили и творили Бетховен, Брамс, Моцарт, Шуберт, Шуман, Глюк, Лист, Гайдн, Иоганн и Рихард Штраус, Брукнер. Некоторые из них похоронены на венских кладбищах. Часть связанных с их жизнью и деятельностью зданий сохранилась. Участь других печальна. Например, в доме, где скончался Гайдн, устроен небольшой музей, но здание, где он родился, используется в качестве свиного хлева и склада кормов.

Теперь Вена уже далеко не такая веселая и шумная, как в былые времена своего расцвета. Правда, в центре есть несколько парадных улиц с шикарными витринами дорогих магазинов и элегантными ресторанами и кафе. Но посетителей и покупателей очень мало.

Кстати о венских кафе. Времена тяжелые, но во многих из них сохраняется еще классический венский кофейный ассортимент: существует десять, а может быть даже больше сортов, причем каждый имеет свое специальное название. Кофе с молоком и со сбитыми сливками, кофе пополам с молоком, больше кофе, чем молока, больше молока, чем кофе, черный кофе со сбитыми сливками, кофе по-турецки и так далее. Венский буржуа придет, закажет чашечку своего любимого сорта и сидит часа два, читая газеты или играя с приятелями в домино, шашки или карты. Администрация не возражает: все равно посетителей мало, а так по крайней мере создается впечатление, что кафе хорошо посещается.

Но и витрины магазинов с неоновыми рекламными щитами, и рестораны, и виллы богачей в аристократических кварталах — только островки роскоши среди всеобщего оскудения. В обедневшей австрийской столице повсюду чрезвычайно отчетливо выступают типичные для капиталистических городов резкие контрасты. На Кернтнерштрассе рядом со сверкающей витриной ювелирного магазина два тощих старика в поношенных костюмах и засаленных мятых шляпах рсются в урне с мусором. Из окон нашей гостиницы было видно, как бледные худые детишки копошились в отбросах, выискивая что-нибудь съедобное. Впрочем, детей на улицах Вены, в ее прекрасных садах очень мало. Внешнее впечатление подтверждается статистикой. В Вене мало браков и, несмотря на это, 42% супружеских пар бездетны, 40% имеют по одному ребенку, придерживаются «айнкиндерсистем» — «однодетной системы», — есть даже такое выражение в венском языковом обиходе.

Вена — один из немногих больших современных городов, в котором в течение всех послевоенных лет цифра смертности значительно превышает цифру рождаемости. Причины этого явления просты и трагичны: жизнь не только невыносимо тяжела для большинства населения, но и кажется многим совер-

шенно бесперспективной, без всякой надежды на лучшее будущее. Результат — низкая рождаемость и довольно высокая, все растущая смертность.

Вена бедствует, несмотря на трудолюбие и высокую квалификацию своих рабочих и инженеров, на традиционный вкус и умение десятков тысяч потомственных ремесленников, Реакционная политика правительства, парализующая народную инициативу, построенная на эксплуатации трудящихся, на односторонней ориентации на Запад и разрыве традиционных экономических связей с Востоком, дорого обходится австрийскому народу. Вена стала городом со многими десятками тысяч безработных, с населением, большинство которого должно существовать на заработки, далеко не достигающие даже официального, более чем скромного прожиточного минимума, или на пособие по безработице, которого, как говорят здесь, хватает, чтобы не умереть с голода, но не хватает, чтобы жить.

В городе Штрауса и Моцарта многие талантливые музыканты не имеют средств к существованию. Прямо на панели они устраивают импровизированные концерты. Их жены или дети робко протягивают случайным слушателям билетки — своеобразная форма официально запрещенного полицией нищенства. Нам рассказывали, что более 80% венских музыкантов не имеет работы. За послевоенные годы закрылось девять театров, сокращают выпуск своей продукции и увольняют рабочих предприятия мирной промышленности — текстильные, кожевенные, обувные...

* *
*

Сессия Исполнительного совета Всемирной федерации научных работников открылась 31 мая 1952 года в Вене.

Федерация существует уже не первый год. Она была создана в июле 1946 года в Лондоне на учредительной конференции, созванной по инициативе Британской ассоциации научных работников.

По уставу Федерации, основными ее целями являются: действие в использовании науки для укрепления мира и повышения благосостояния человечества; развитие международного сотрудничества в области науки и техники и обмена научными знаниями; помощь в распространении научных знаний и улучшении преподавания наук; улучшение профессионального, социального и экономического положения научных работников и повышение их сознательности и заинтересованности в работе прогрессивных сил общества.

Членами Федерации являются ассоциации научных работников или же национальные объединения таких ассоциаций. Помимо того, Исполнительный совет имеет право индивидуально приглашать отдельных ученых в качестве членов-кор-

респондентов от тех стран, где нет научных ассоциаций, которые входили бы в состав Федерации.

Высшим органом управления является Ассамблея. В периоды между сессиями Ассамблеи деятельностью Федерации руководит Исполнительный совет.

Пост президента Федерации занимает известный ученый и прогрессивный общественный деятель, профессор Фредерик Жوليو-Кюри. Генеральный секретарь Федерации — английский прогрессивный ученый, профессор Кроутер.

За годы своей деятельности Федерация показала, что она стремится на деле осуществить изложенные в ее уставе благородные цели. Так, на состоявшейся в сентябре 1948 года в Праге первой пленарной сессии Ассамблеи была принята резолюция о мире, осуждающая пропаганду новой войны и призывающая ученых всех стран объединиться со всеми народами, борющимися за дело мира.

Такая направленность работы Федерации пришлось не по вкусу реакционным кругам западных держав, которые стали чинить препятствия работе Федерации. Поэтому в 1951 году вторую сессию Ассамблеи пришлось провести параллельно в Париже и в Праге, так как французское правительство отказало в выдаче въездных виз ученым Китая, Болгарии, Румынии, Чехословакии и Германской Демократической Республики. Ученые этих стран заседали в Праге, в то время как представители научных ассоциаций Великобритании, Соединенных Штатов, Франции, Южной Африки, Дании, Новой Зеландии, Голландии, Бельгии и Италии провели свои заседания в Париже.

Среди прочих решений Ассамблея приняла резолюцию, приглашающую советских научных работников войти в состав Федерации. Ассамблея провозгласила русский язык, наряду с английским и французским, официальным языком Федерации.

Профсоюз работников высшей школы и научных учреждений Советского Союза принял это приглашение и направил на очередную, XI сессию Исполнительного совета Федерации делегацию в составе председателя Центрального комитета этого профсоюза профессора И. Лебедева, сотрудника Академии наук СССР П. Ораевского. На автора этих строк была возложена обязанность руководителя делегации.

Продолжалась сессия три дня — с 31 мая по 2 июня. Единогласно, при горячем одобрении всех присутствовавших членов Исполнительного совета, в состав Федерации были приняты научные организации Советского Союза, Польши и Венгрии. В связи со значительным расширением Федерации число членов Исполнительного совета было, на основе решений Ассамблеи, увеличено до 22; три места, в том числе пост вице-президента, были предоставлены представителям Советского Союза.

Выступая по этому вопросу, профессор Жолио-Кюри выразил глубокое удовлетворение по поводу вступления в Федерацию советских, польских и венгерских ученых. Теперь в Федерации представлены ученые 14 стран, в том числе Советского Союза, Китая, Франции, Соединенных Штатов и Англии; она объединяет ныне 84 тысячи деятелей науки.

Наряду с принятием новых членов и расширением состава Исполнительного совета сессия разрешила другие организационные и финансовые вопросы. Было принято решение о созыве международной конференции ученых.

На заключительном заседании 2 июня было принято также решение о создании фонда помощи прогрессивным ученым, преследуемым за свои передовые идеи, за деятельность на благо человечества.

В перерывах между заседаниями мы много беседовали с нашими иностранными коллегами. Нам рассказали о серьезных материальных трудностях, которые приходится переносить ученым, придерживающимся прогрессивных взглядов и не желающим отдавать свои знания на подготовку новой войны.

Наши зарубежные коллеги с горечью говорили о том, что в последнее время в западных странах участились факты ограничения свободы передвижения научных работников, а также преследования за принадлежность к прогрессивным ассоциациям. Но все же и в западноевропейских странах, и в Соединенных Штатах есть немало ученых, которые решительно отстаивают свои права, мужественно протестуют против насилия над наукой!

После окончания сессии советская делегация осталась еще на некоторое время в Вене: Австро-Советское общество попросило членов нашей делегации выступить с лекциями. Профессор И. Лебедев сделал в Венском университете доклад для профессоров и научных работников о высшем образовании в Советском Союзе. Мне довелось прочесть в зале «Урания» доклад на тему «Наука в СССР».

После доклада было много вопросов и выступлений. Все они свидетельствовали о большом интересе аудитории к Советскому Союзу, о желании установить более тесную связь между советскими и австрийскими учеными. Особенно много расспрашивали о нашем социалистическом строительстве. Были и отдельные вопросы, несомненно навеянные реакционной пропагандой. Спрашивали, например, верно ли, что Советский Союз заявляет претензии на универсальный научный приоритет. Мне пришлось разъяснить элементарную истину, что мы заявляем о приоритете нашей науки, когда этот приоритет неопровержимо подтверждается фактами. Я напомнил, что когда две крупнейшие фирмы — Эдисон и Сван — судились между собой по вопросу о приоритете на изобретение электрической лампочки накаливания, американский суд отклонил

ходатайства обеих фирм, мотивировав это тем, что приоритет принадлежит русскому ученому Лодыгину.

Я привел пример и другого рода. В моей работе, опубликованной в 1933 году в австрийском журнале «Электротехник унд машиненбау», я указывал, что приоритет в разработке принципа генератора с поперечным полем принадлежит австрийскому ученому Розенбергу, который действительно был изобретателем этой машины. Таким образом, мы совершенно объективны и стоим лишь за соблюдение истины в вопросе о научном приоритете.

Весьма примечательно, что некоторые австрийские ученые вмешались в дискуссию и поддержали меня. Так, например, профессор Глазер указал на советский приоритет в работах, проводимых О. Лепешинской. Это же касается и инсулина. Хотя канадцы и считают его своим изобретением, сказал Глазер, работам канадских ученых в этой области предшествовали работы русских.

В беседах с нами австрийские интеллигенты дивились масштабам мирного строительства в Советском Союзе и странах народной демократии. Для нынешней Австрии такие масштабы и такие темпы абсолютно недостижимы и невысказимы.

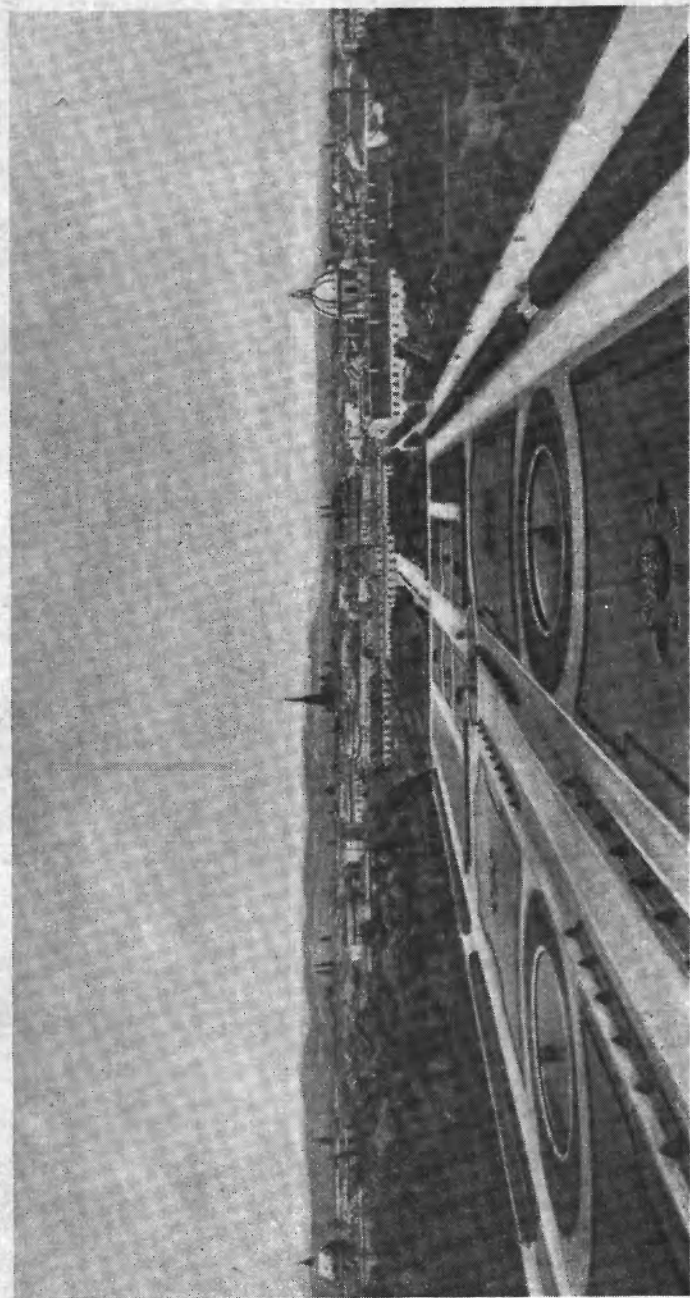
Я невольно вспомнил об этих высказываниях после того, как мы покинули Вену и наш поезд пересек венгерскую границу. На венгерской территории нас повсюду встречали леса строек. Вот сооружается большой цементный завод, рядом строится другое предприятие, повидимому пищевое, воздвигается множество жилых домов. Страна живет кипучей, деятельной жизнью. Даже из окна железнодорожного вагона сразу же бросается в глаза разительный контраст с Австрией.

* *
*

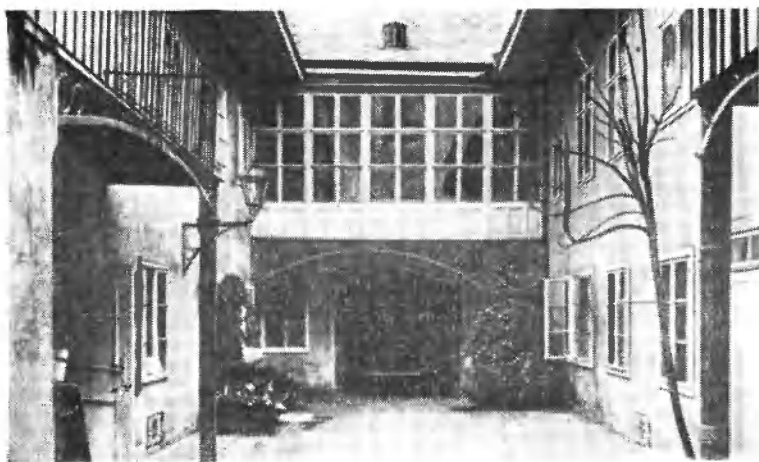
Итак, мы снова в Вене. Полгода прошло со времени моей предыдущей поездки сюда — на сессию Исполнительного совета Всемирной федерации научных работников. А ныне я здесь в качестве руководителя уже другой советской делегации — деятелей советской культуры, прибывшей по приглашению Австро-Советского общества для участия в назначенном на ноябрь 1952 года месячнике австро-советской дружбы.

Стоит поздняя осень. Сады и бульвары Вены сбросили летний убор. На улицах не видно ярких женских платьев, толпа выглядит по-осеннему серой и несколько унылой. Впрочем, впечатление это не только внешнее. Венцы наперебой жалуются, что жить становится все труднее: цены растут и одновременно увеличивается число безработных. Быть может, в связи с этим попадаетея значительно больше нищих, чем весной.

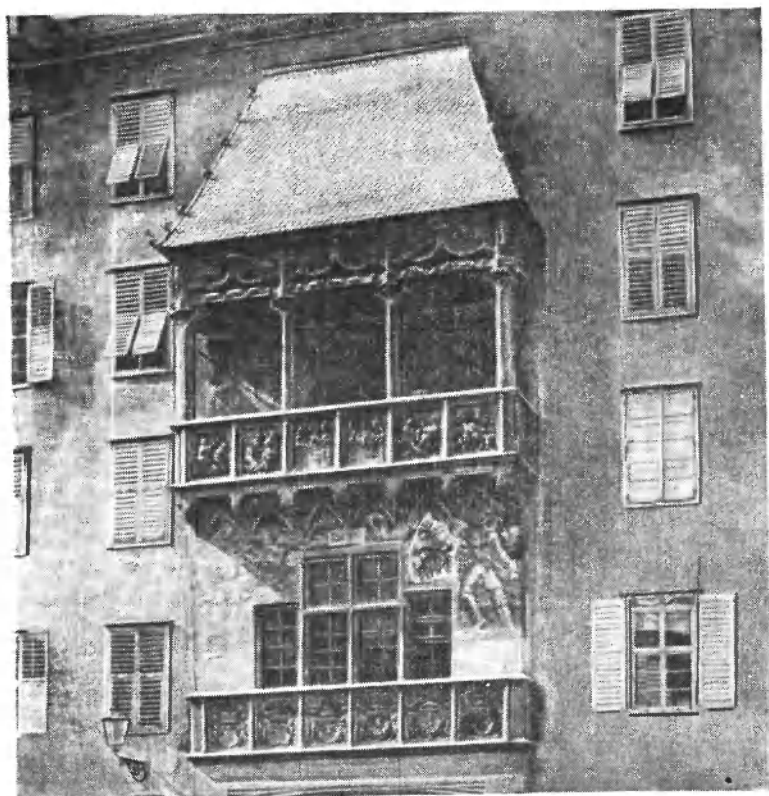
Наш приезд совпал с подготовкой к Конгрессу народов в защиту мира. Демократическая печать уделяет предстоящему

Вид на Вену с двorca Бельведер

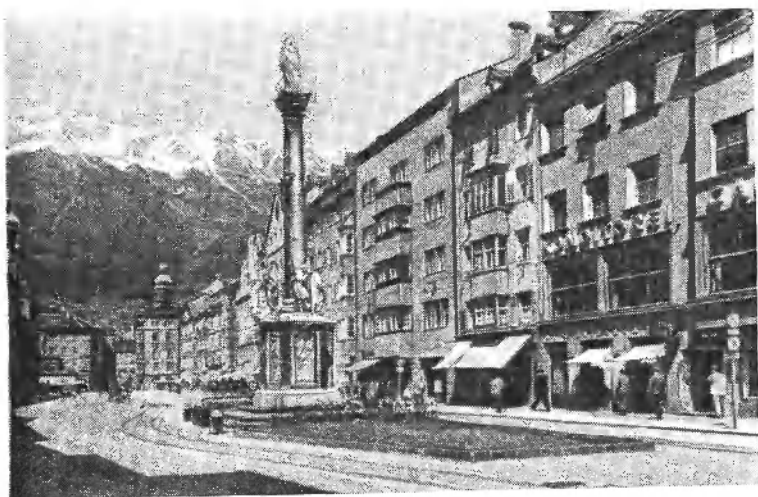
Дом в Вене, где родился композитор Франц Шуберт

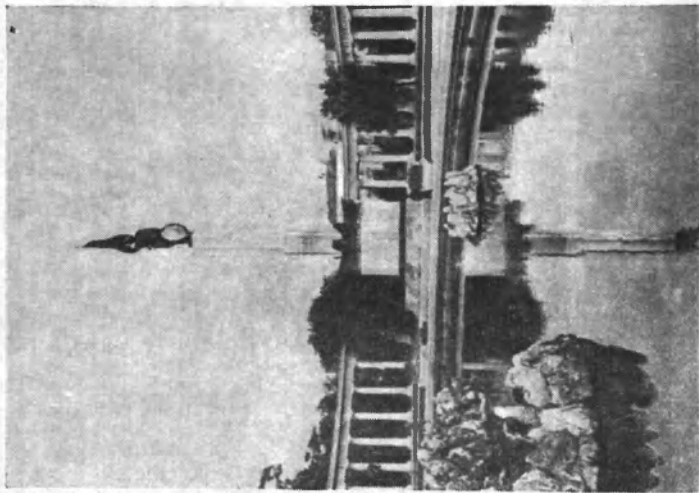
«Гольденес дахл» — одна из исторических достопримечательностей Инсбрука

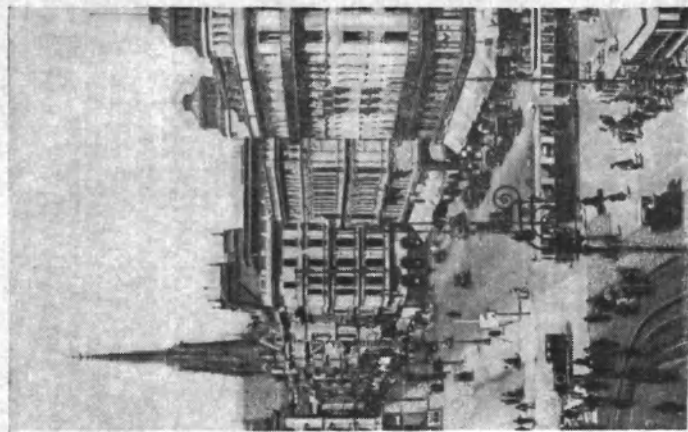
Г р а ц. Река Мур и Шлоссберг (Замковая гора)

И н с б р у к. Главная улица — Мария-Терезиенштрассе

Памятник советским героям, павшим в боях
за освобождение Венны

Центральная улица Вены —
Кертинерштрассе

Конгрессу значительное внимание. На улицах попадаются плакаты и лозунги антивоенного характера. Запомнился установленный на одной из площадей оригинальный плакат. Представьте себе большую проволочную сетку. К ней прикреплен громадный крест, рядом другой крест, поменьше, и две надписи крупными буквами. Верхняя гласит: «В братскую могилу? Без нас»; нижняя: «Конгресс народов в защиту мира. Вена, декабрь 1952 года».

В Австрии мы пробыли в общей сложности три недели. За это время побывали не только в Вене, но и в некоторых других городах, в том числе в Инсбруке (французская зона) и Граце (английская зона). В американскую зону нас не впустили американские власти.

Мы встречались с представителями самых различных слоев населения. Участники делегации выступили на 35 митингах и собраниях, организованных филиалами Австро-Советского общества, прочитали 14 докладов перед самыми разнообразными аудиториями. Наши выступления встречали горячий отклик. С особенной теплотой воспринимали слушатели упоминание о культурных связях между Советским Союзом и Австрией, о громадной популярности у нас великих композиторов венской школы — Моцарта и Глюка, Гайдна и Бетховена, а также Шуберта и Штрауса.

9 ноября — на второй день после нашего приезда — в зале венского Музыкального общества состоялось торжественное собрание членов Австро-Советского общества. Вместительный до двух тысяч человек зал был переполнен до отказа. Собрание прошло с большим подъемом. После официальной части состоялся большой концерт, в котором приняли участие прибывшие одновременно с нами артисты — Надежда Казанцева, Андрей Иванов, пианист Лев Оборин.

Этим торжественным собранием и было отмечено открытие месячника. Австро-Советское общество развернуло деятельность по всей стране, несмотря на то что ему приходится наталкиваться на затруднения как со стороны оккупационных властей западных держав, так и со стороны австрийской администрации. В бытность нашу в Австрии оно имело 120 филиалов и 112 производственных групп — цифры довольно значительные для такой небольшой страны, как Австрия. Ежемесячно устраивается много сотен лекций, докладов, киносеансов, дискуссионных вечеров. Помимо основного журнала Общества «Брюкке», медицинская секция издает «Вестник медицины», который читается многими австрийскими врачами.

Нужно отметить большой интерес, который вызвали наши доклады. Нам задавали огромное количество вопросов, развертывались оживленные дискуссии. Помню, с каким интересом был воспринят доклад о советской технике на заводе

Сименс-Шуккерт. Присутствовало много инженерно-технических работников не только этого завода, но и других ведущих венских электротехнических фирм. Мне задавали множество самых разнообразных вопросов, в особенности по электромашиностроению.

Оживленно прошел также доклад для членов Венского общества инженеров и техников.

Чрезвычайный интерес вызвали доклады по электросварке, прочитанные 20 ноября в Высшем техническом училище и 25 ноября специально для членов австрийского Общества электросварки. На первом из них присутствовало 150 человек, на втором — около 175 человек. 25 ноября одни только вопросы и ответы заняли более двух часов. Беседа продолжалась и после окончания дискуссии.

Громадное впечатление производили на слушателей сообщения о достижениях советской техники, о высоком проценте механизации работ, о применении телемеханики, об интенсификации технологических процессов, об электрификации сельского хозяйства, о сверхдальней передаче энергии на расстоянии.

Таким же большим вниманием пользовались доклады членов нашей делегации — писательницы Анны Саксе и проректора Московского университета имени Ломоносова профессора Б. Рыбакова, в частности его доклады в Венском университете и на славянском семинаре университета.

Австрийская академия наук обратилась к нам с просьбой сделать сообщение об организационном устройстве Академии наук СССР. Этому докладу было посвящено специальное заседание, прошедшее в весьма торжественной обстановке. Присутствовали действительные члены и члены-корреспонденты Австрийской академии наук.

В докладах по техническим вопросам многое вызывало не только интерес, но и удивление австрийских инженеров и профессуры. Для них необычен размах нашего строительства, стремительные наши темпы, интенсивная творческая научно-исследовательская деятельность, органически связанная с практикой производства. Даже крупные специалисты оказывались зачастую неосведомленными о вещах, которые у нас давно известны. Один солидный инженер говорил мне, что ему кажется почти фантастической работа наших электрокопировальных станков.

Австрийские инженеры в большинстве своем, бесспорно, люди культурные и квалифицированные. Но уровень техники, с которой они имеют дело, а следовательно, и технических навыков и практических знаний значительно отстал от нашего. Это относится даже и к тем из них, кто работает в таких общеизвестных в капиталистическом мире фирмах, как Сименс-Гальске и другие. Иной раз казалось, что они застыли на ка-

ком-то уже пройденном у нас этапе. Среди австрийских инженеров есть талантливые и любознательные люди. Но при условиях, существующих на предприятиях, инициатива их скована, не находит должного применения. К тому же между наукой и практикой существует громадный разрыв.

Австрия считалась всегда страной высокой культуры. И как-то странно было нам, привыкшим, как к чему-то само собой разумеющемуся, — к громадной заботе о воспитании и образовании советской молодежи, услышать о состоянии народного просвещения в нынешней Австрии.

Нам рассказывали, что правительство, из соображений экономики, старается как можно больше школ передать в частные руки, потому что, мол, не в состоянии содержать их. А о том, кому будут доступны такие школы и каков будет там уровень, да и самый характер преподавания, — об этом заботы нет.

Рассказывали нам о забастовках студентов, которые имели место и во время нашего пребывания в Австрии. Правительство резко повысило плату за учение. В ответ большинство студентов забастовало. Студенты устраивали шествия по улицам Вены, усаживались целыми толпами у входа в университет и блокировали его.

Материальное положение студентов, не имеющих состоятельных родителей, весьма плачевно. Некоторые перебиваются случайными заработками или вечерней работой в качестве мойщиков тарелок в ресторанах, чистильщиков обуви. После повышения платы за учение многим совсем пришлось бросить учебу. Чтобы частично компенсировать студентов за повышение платы, правительство отменило существовавшую до тех пор оплату экзаменов, которая производилась, так сказать, сдельно и шла в пользу профессуры. Тогда забастовали уже профессора, материальное положение которых и до того было не блестящим. Забастовка их носила своеобразный характер: профессора продолжали читать лекции, но... не принимали зачетов.

Теперь, почти через год после нашего пребывания в Австрии, мы узнали, что одним из первых законопроектов нового правительства Рааба предусматривается резкое (в некоторых случаях шестикратное) повышение платы за учение в вузах. Это означает, что двери университетов и политехникумов наглухо закрываются перед детьми простых людей!

Впрочем, и тех, которым удастся получить высшее образование, чаще всего ждет безработица. Если у молодого врача или юриста нет солидных средств, он не может создать себе практику; если он инженер, экономист, архитектор, нужны влиятельные связи, нужно иметь «своих людей» в деловом капиталистическом мире. Тогда занятие найдется, иначе — плохо. Мне рассказывали о молодом способном специалисте по новой истории, который стал ночным сторожем.

* * *

В Инсбрук мы приехали 14 ноября 1952 года, после ночного путешествия поездом почти через всю Австрию, поскольку Вена находится в восточном ее углу, а Инсбрук — в западном. Первое, что мы увидели, — это небольшой парад французских оккупационных войск по случаю прибытия какого-то генерала. Впрочем, хотя зона тут французская, больше чувствуется американская опека. В витринах книжных магазинов чаще встречаются американские, чем французские, обложки. Американская пропаганда вообще старается вовсю. Нам рассказывали, например, что в районе Инсбрука действует 14 американских киноустановок.

Но главное, о чем хлопочут американские власти, — это о превращении Западной Австрии в укрепленный военный лагерь, в «Альпийский плацдарм», как откровенно выражается американская печать. Идет усиленное военное строительство. Некоторую часть средств для него выделяет, по распоряжению заокеанских «друзей», и австрийское правительство из своего бюджета, тем самым еще больше усугубляя и без того незавидное экономическое положение страны.

Столица Тироля — Инсбрук — небольшой живописный город, расположенный в долине стремительной горной реки Инн на высоте около 600 метров над уровнем моря, на скрещении путей, связывающих Италию, Швейцарию и Германию. С двух сторон склоны Альп под прямым углом так близко подступают к городу, что, кажется, вершины их нависают над Инсбруком. Главная улица с обеих сторон упирается в круто поднимающиеся заснеженные склоны. Некоторые из близлежащих гор превышают две с половиной тысячи метров.

Мы поднялись на гору Пачеркофель высотой около двух тысяч метров. Часть пути, до местечка Игльс, мы совершили в автомашине, а потом пересели в люльку подвесной канатной дороги, поднимающую одновременно до 30 человек. На вершине горы было 13 градусов мороза, но солнце ярко светило и пригревало. Видимость была чудесная, мы любовались прекрасными видами на Инсбрук, долину реки Инн и Тирольские Альпы.

Здесь, в горах, уже лежал снег, и повсюду — по дороге и в городе — мы встречали множество лыжников. Лыжи — массовый спорт тирольцев; помимо того, сюда съезжается много спортсменов-туристов.

В самом городе мы успели лишь бегло осмотреть некоторые достопримечательности. В кварталах старого города, сгрудившихся вокруг построенной еще в XIV веке башни магистрата, немало красивых старинных зданий. Особенно гордятся инсбрукцы своим «Гольденес дахл» («Золотая крыша»).

Это готическая лоджия, построенная в конце XV века, под позолоченной медной крышей, ниже ее — эркер. Отсюда, по преданию, император Максимилиан I со своим двором любовался играми и танцами на городской площади. Эти танцы воспроизведены в замечательных пластических средневековых рельефах на баллюстраде лоджии. А на баллюстраде эркера красуются не менее художественно выполненные шесть гербов. Богато украшены также фризы под позолоченной крышей.

В Инсбруке имеется еще одна достопримечательность, связанная с Максимилианом I. В Гофкирхе — церкви монахов-францисканцев — помещен среди других надгробный памятник Максимилиану I. Сам он, впрочем, похоронен не здесь, а в Винер-Нейштадте. Памятник с коленапреклоненной фигурой Максимилиана I и 24 алебастровыми рельефами особого интереса не представляет. Значительно любопытнее расставленные вокруг него 28 бронзовых фигур в натуральный человеческий рост. Максимилиан I еще при жизни решил украсить свою гробницу большим траурным шествием; оно должно было состоять из 40 фигур различных королей и других царствующих особ, которых Максимилиану I было угодно считать своими предками, из 34 бюстов римских императоров и из 100 фигур тех святых, которых Максимилиан I причислял к своей родне или почитал как заступников. Во главе этого своеобразного шествия должна была красоваться его собственная фигура. Ему не удалось, однако, осуществить эту странную и грандиозную затею. Он умер, когда изготовление фигур было только начато. Сын его, Фердинанд I, не проявил особого рвения при выполнении отцовской воли. Максимилиан I был погребен не в Инсбруке, а в часовне замка в Винер-Нейштадте, надгробие же и 28 фигур, которые успели изготовить, были установлены в специально построенной для этой цели церкви Гофкирхе.

Художественная значимость фигур неравноценна, но некоторые из них — бесспорно выдающиеся образцы искусства XVI века. Они изумительно реалистичны. Сказочный король Артур, Теодорих Великий, Фердинанд Португальский (всех не упомнишь) стоят во всем, немного варварском, великолепии своих пышно украшенных рыцарских доспехов, на которых искусный мастер с такой же тщательностью выделил каждое кольцо кольчуги и мельчайшую геральдическую деталь на щите, как он отлил каждый завиток бороды и усов.

Посетили мы в Инсбруке и расположенный в массивных старинных корпусах университет, где нас принимал проректор Ройт-Никулуси в сопровождении профессоров.

Состоялась встреча с членами Австро-Советского общества. Работать им нелегко, так как власти чинят всяческие препятствия. На беседу пришло 135—140 человек. Прошла она очень живо и закончилась только тогда, когда пришлось

прервать ее ввиду предстоящего отъезда нашего обратно в Вену. До этого собрания мне довелось еще дружески побеседовать с группой местных энергетиков.

Во время встреч пришлось услышать об изнанке жизни в этом чистеньком, довольно нарядном на вид, богатом памятниками старинной культуры, полукурортном городке. Здесь, так же как и в Вене, нам рассказывали о тяжелом материальном положении интеллигенции. Заработная плата преподавателя зависит от стажа работы и от количества детей в семье. Но ставки при всех обстоятельствах весьма невелики. С жильем очень плохо.

Говорили нам о своем быте и рабочие. За исключением отдельных, более высокооплачиваемых, квалифицированных рабочих, заработной платы семейному человеку хватает только на самое убогое существование. Многие вынуждены использовать свой отпуск не для отдыха, а для дополнительной подработки, чтобы попытаться как-нибудь свести концы с концами.

Характерную деталь сообщил нам один электротехник. В Тироле электроэнергии якобы нехватает и стоит она дорого — 0,35 шиллинга за киловатт-час. Но фактически производится она в избытке и экспортируется в Западную Германию и Швейцарию по цене, значительно более низкой, чем отпускные цены населению.

* *
*

Через несколько дней после поездки в Инсбрук мы выехали, на этот раз уже на автомашинах, в английскую зону, в главный город Штирии — Грац. Расположен он в просторной живописной долине реки Мур, посреди восточных отрогов Альп, в юго-восточной части Австрии. Это промышленный город, значительно более крупный, чем полукурортный Инсбрук. По населению Грац занимает второе место после Вены, насчитывая около 230 тысяч жителей. В фабричных кварталах на правом берегу реки Мур расположено несколько машиностроительных заводов, а также предприятия пищевой и химической промышленности.

Часа через полтора после нашего приезда я уже встретился с членами местного Общества электротехников. Присутствовали 126 инженеров и техников местных предприятий и преподавателей Грацской высшей технической школы, в том числе два профессора.

Мы побывали также на открытии читального зала грацкого отделения Австро-Советского общества. Читальня эта работает уже в течение некоторого времени, но акт торжественного открытия руководители Общества решили приурочить к приезду советской делегации. Скромная церемония носила необычайно волнующий характер. Чувствовалось такое искреннее друже-

любие, такое горячее желание узнать побольше о стране социализма, что хотя я сперва и не собирался говорить, но затем все же не удержался и вслед за писательницей А. О. Саксе также выступил с краткой приветственной речью.

Вечером в гостинице нас посетили некоторые из наших новых друзей, в том числе университетские профессора; они долго беседовали с профессором Рыбаковым, который днем делал доклад в университете на тему о советской исторической науке.

Наутро мы осматривали Грац. Его левобережная часть резко отличается от индустриальных районов правого берега. Это тихий, довольно уютного вида, провинциальный город. Здесь и состав населения иной, чем на правом берегу: старый город считается излюбленным местом жительства пенсионеров, приезжающих сюда доживать свой век. Но тем не менее отзвуки жизни заметны и здесь. На стенах многих домов мы видели надписи, направленные против пытающихся активизироваться австрийских неофашистов — так называемого «Союза независимых».

У самой реки Мур, окруженный лепящимися у подножья его кривыми улочками старого города, возвышается Шлоссберг — «Замковая гора» — старинная резиденция штирийских маркграфов. Отсюда открывается прекрасный вид не только на город и на разрезающую его примерно на две равные части реку Мур, но и на всю просторную, густо населенную речную долину. В прежние времена Шлоссберг считался мощной крепостью — одним из оплотов Австрии во время войн с турками в XVI—XVIII веках. Еще в 1809 году Шлоссберг успешно выдержал осаду наполеоновского маршала Макдональда. Но когда в том же году Австрия капитулировала перед Наполеоном, крепостные укрепления на склонах Шлоссберга были, по условиям капитуляции, срыты. Грацу удалось лишь ценой большого выкупа сохранить от разрушения старинную историческую башню-колокольню с ее четырехтонным колоколом. Уцелела также и другая массивная четырехугольная башня с огромными часами, четыре циферблата которых видны почти со всех концов города. На склонах горы, на месте срытых укреплений, теперь разбит густой парк.

Показали нам также колодец глубиной в 94 метра, вырытый в 1553 году в честь победы над осаждавшими крепость турками.

Осмотрели мы некоторые архитектурные памятники и в самом городе: построенный в XVI веке ландгауз (здание, где заседают ландтаг), цейхгауз и мавзолей Фердинанда I.

Ландгауз — не очень большое, но тем не менее довольно внушительное в своей строгой простоте здание в стиле ренессанса. Изящны высокие аркады во внутреннем дворе, придающие ему торжественный, нарядный вид. В одном из углов двора — прелестный фонтан. Форма его своеобразна: круглый

мраморный бассейн охвачен пятью стройными бронзовыми колонками; нижняя часть каждой из них сделана в виде сатира, сидящего на наружной стенке бассейна. Колонки поддерживают ажурную бронзовую беседку. Тут и русалки, и дельфины, и различные растения, и орнаменты. Беседку венчает фигурка воина с флагом Граца.

О воинственности грацких бюргеров свидетельствует соседнее с ландгаузом здание—довольно большой пятиэтажный цейхгауз с украшенным гербами массивным порталом. По обеим сторонам портала — ниши. В одной из них — статуя Марса, в другой — статуя Беллоны. Обе они превосходно сделаны.

Внутри цейхгауза хранится богатая коллекция старинного оружия, в общей сложности до 30 тысяч различных мечей, алебард, панцирей, кольчуг, шлемов, а также самопалов, пистолетов и прочего боевого снаряжения прежних веков.

Из-под крыши одного из наиболее старинных домов Граца, из отверстия в стене, выглядывает сделанный, повидимому, из глины бюст турка. По преданию, при освобождении Граца от осаждавших его турок последний неприятель выбросился именно из этого отверстия и погиб.

После посещения Граца мы возвратились в Вену, а Б. А. Рыбаков и А. О. Саксе побывали еще в Леобене и Айзенэрце к северу от Граца. И там встречи с представителями советской культуры прошли в самой дружественной обстановке. Особенно тепло принимали советских гостей горняки рудных шахт в Айзенэрце и в Фонсдорфе близ Леобена. Они подарили им макет шахты, вырезанную из дерева фигуру горняка, горняцкие лампочки, устроили в честь гостей концерт, на котором исполнялись народные тирольские и штирийские песни и пляски. Председатель местного союза жертв фашизма Кольбшендель заверил советских людей, что ни один кусок руды, добытой в Австрии, не будет использован для войны против СССР.

В Вене 27 ноября делегация была принята президентом Австрии Кернером. В своей речи он выразил надежду, что пребывание деятелей советской культуры в Австрии будет способствовать укреплению дружественных связей между обеими странами. После этого состоялось еще несколько встреч и докладов, в частности митинг членов Австро-Советского общества в рабочем районе Вены — Флоридсдорфе. 29 ноября делегация выехала из Вены в Москву.

Наши многочисленные австрийские встречи убедили нас в том, что народ Австрии не хочет войны и стремится к прочному миру. Он питает глубокие симпатии к нашей стране, проводящей активную политику защиты мира.

НА АССАМБЛЕЕ ВСЕМИРНОЙ ФЕДЕРАЦИИ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ

12—14 сентября 1953 года в Будапеште состоялась третья генеральная ассамблея Всемирной федерации научных работников.

Встреча в Будапеште явилась, бесспорно, важной вехой на пути к объединению прогрессивных ученых в их деятельности, направленной на развитие науки, той подлинной науки, которая служит интересам процветания человечества. На ассамблее встретились ученые различных стран и континентов, люди разных специальностей, неодинаковых политических убеждений и симпатий, различных вероисповеданий. И все же им сразу удалось найти общий язык. Удалось потому, что выявились общие взгляды на те кардинальные вопросы, которые в наши дни волнуют каждого честного ученого.

Настроение на ассамблее было хорошее, бодрое: радовало и сознание того, что за семь лет своего существования Федерация постепенно выросла в мощную международную организацию, объединяющую 136 тысяч научных работников; радовало теплое гостеприимство, с которым встретили нас наши венгерские коллеги; радовало внимание, оказанное нам самыми широкими кругами венгерской общественности. А главная причина заключалась, как мне представляется, в том, что съехавшиеся на ассамблею с разных концов света люди науки чувствовали: напряженность международной обстановки несколько уменьшилась, тверже стала уверенность в возможности добиться сохранения и упрочения мира между народами.

— С надеждой на мир стоит жить и трудиться, — говорил мне один из моих французских коллег. — Хочется работать и верить, что приносишь пользу людям и что труд твой и тысяч твоих коллег не пойдет прахом, не послужит во вред из-за безумства кучки людей, вообразивших себя будущими господами нашей планеты. Человеческий разум берет верх, уверяю вас в этом!

Такие настроения и были тем, так сказать, психологическим фоном, на котором протекала работа ассамблеи. Поэтому и решения получились, после горячих обсуждений и дискуссий, и хорошие и единодушные. Особенно важной мне кажется резолюция, в которой Всемирная федерация потребовала от правительств добиться международного соглашения о запрещении применять средства массового уничтожения и о принятии практических мер, возможность которых научно установлена, для того, чтобы обеспечить эффективность этого запрещения.

Веско прозвучал голос ассамблеи, подчеркнувшей с полным сознанием ответственности, лежащей на людях науки, что самый характер деятельности научных работников позволяет им осознать огромные опасности, грозящие всему человечеству в случае применения средств массового уничтожения. Одновременно было подчеркнуто, что научные работники понимают, какие огромные блага могло бы дать человечеству использование атомной энергии в мирных целях.

Благородным стремлением правильно оценить гигантские возможности современной науки и использовать их не в целях разрушения, а на благо людей была пронизана вся работа ассамблеи. Это стремление отразилось и в других резолюциях. В одной из них подтверждается верность основной цели устава Федерации: «действовать для наиболее полного использования науки в целях достижения мира и благосостояния человечества». В другой резолюции было заявлено о несогласии Федерации с проводимым в некоторых странах ограничением академической свободы. В этой резолюции содержится также призыв улучшить международные научные связи, что явится практическим вкладом научных работников в дело ослабления международного напряжения.

Насколько это последнее пожелание было целесообразно, мы все почувствовали на самой ассамблее: несмотря на ее непродолжительность, ассамблея способствовала сближению и достижению взаимопонимания между учеными самых различных стран. Выявлялось это не только во время официальных заседаний, но и в частных беседах, знакомствах на чудесном дунайском острове Маргит, где все мы жили в одной и той же уютной, благоустроенной гостинице, а также во время совместных экскурсий, организованных нашими гостеприимными венгерскими коллегами.

Глубокое впечатление на всех нас произвело взволнованное вступительное слово президента Федерации Фредерика Жолио-Кюри, каждая новая встреча с которым может только увеличить чувство симпатии и уважения к этому замечательному человеку, выдающемуся ученому и пламенному прогрессивному общественному деятелю.

— Из всех видов человеческой деятельности не является ли наука самым могучим фактором единства людей?.. — спраши-

вал он участников ассамблеи. — Мы должны дать понять народам, что именно те, кто используют результаты науки для агрессивных целей, несут за это ответственность... Я уверен, что мы сослужим службу и столь любимой нами науке и человечеству, если ознакомим людей как со всеми опасностями, так и с теми громадными возможностями достижения счастья, которые может дать применение науки.

С неослабным вниманием прослушали делегаты наше сообщение о научной жизни и условиях деятельности научных работников в Советском Союзе.

Мы рассказали о том, что работа советских ученых теснейшим образом связана с планированием народного хозяйства и неуклонным подъемом производительных сил, с борьбой за дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни народа. Советское правительство всегда уделяло и уделяет исключительное внимание процветанию науки, ежегодно ассигнуя огромные средства на развитие советской науки и на улучшение материальных условий научных работников. 12 академий наук создано в национальных республиках; 15 областных и краевых филиалов и сотни научно-исследовательских институтов, лабораторий, станций Академии наук СССР действуют в различных районах Советского Союза. Все эти цифры и факты произвели большое впечатление на наших зарубежных коллег.

Чрезвычайно интересным было сообщение об успехах молодой прогрессивной китайской науки. Уже сама по себе внушительная цифра — 44 тысячи членов Всекитайской федерации научных работников — говорит о размахе научной деятельности в Китайской Народной Республике. Сумма ассигнований, выделенных в прошлом году на развитие научно-исследовательской работы в Китае, в 12 раз превысила самую крупную сумму, когда-либо ассигнованную гоминдановским правительством.

Ученые Китая сконцентрировали свои исследования на удовлетворении жизненно важных потребностей освобожденного от векового угнетения народа. Стремясь разрешить извечно существовавшую проблему наводнений от разливов реки Хуанхэ так, чтобы можно было не только избавить многомиллионное население от частых жестоких бедствий, но и использовать громадную мощь своенравной реки для производства электроэнергии и для целей орошения, китайские географы, гидрологи, биологи, геологи организовали изыскательские и исследовательские группы, изучающие ресурсы водной энергии и проблемы улучшения почв по среднему и верхнему течению Хуанхэ. Ученые провели и проводят важные исследования в области улучшения сельскохозяйственных культур и борьбы с болезнями растений, а также с паразитами рыб.

О своих успехах рассказали также ученые других стран

демократического лагеря — Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Польши. Делегат Чехословацкой ассоциации научных работников сообщил об организации в 1952 году Академии наук Чехословакии. Вскоре после этого была основана чехословацкая Сельскохозяйственная академия; спустя полгода начала функционировать и Словацкая Академия наук. Так, впервые за всю свою историю, чехословацкий народ получил собственные высшие научные учреждения, которые поднимут научную работу на новый, еще более высокий уровень.

Представители науки капиталистических стран рассказывали о неутраченной деятельности прогрессивных ученых в пользу развития международных научных связей и сотрудничества, в защиту свободы науки.

Довелось нам услышать и о тех преследованиях, которым подвергаются прогрессивные ученые в ряде капиталистических стран, в особенности в Америке. В Соединенных Штатах ряд профессоров только за то, что они имели мужество не поддаваться запугиваниям «охотников за ведьмами», были уволены с работы в университетах и институтах. Так пострадали д-р Мелба Филипс, которая в течение ряда лет была секретарем Американской ассоциации научных работников, и д-р Джин Уэлтфиш, активный член этой ассоциации. Из-за царящих в Соединенных Штатах порядков американские научные организации, являющиеся членами Всемирной федерации, не смогли прислать своих делегатов на ассамблею в Будапешт.

14 сентября ассамблея закончила свою работу. Ее решения, принятые единодушно, призваны сыграть большую роль в борьбе людей науки за мир — таково убеждение большинства участников ассамблей, высказанное ими и на самой ассамблее и в беседах с представителями венгерской печати. Так, например, г-н Роберт Уотсон-Уотт — член английской академии наук, изобретатель радаров, технический советник британского правительства — заявил в интервью сотруднику газеты «Сабад неп»:

«Резолюции ассамблеи Всемирной федерации научных работников превосходны. Они правильно и ясно сформулированы. Если за ними последуют успешные действия, то можно сказать, что сессия выполнила хорошую работу. Действия, о которых я говорю, должны быть осуществлены оперативными органами Федерации. Но эти действия будут плодотворными в том случае, если и отдельные правительства будут поддерживать их и сами предпринимать некоторые шаги в интересах осуществления целей и решений Всемирной федерации научных работников... Эти действия решительно способствовали бы ослаблению международного напряжения».

«В результате участия делегации Советского Союза, — отметил французский биофизик Эдмонд Грийо, — ассамблея приняла совершенно новый характер. Совершенно новый вес

имела на этой ассамблее и делегация Всеитайской федерации научных работников... Федерация, — сказал Грийо, — стала теперь действительно всемирной, и это является залогом того, что мы сможем добиться намеченной цели».

На заключительном заседании было избрано руководство Федерации.

На следующий день в переполненном зале городского театра Будапешта участники ассамблеи встретились с тремя тысячами представителей венгерской интеллигенции. Выступали президент Венгерской академии наук И. Русняк, профессор Жوليو-Кюри, академик А. Опарин, известный английский ученый профессор Бернал. Митинг прошел с большим подъемом. Чувствовалось, что интеллигенция венгерской столицы рада приветствовать представителей всемирной организации ученых, стремящейся к тому, чтобы наука несла людям не смерть и разрушение, а благосостояние и счастье.

После закрытия ассамблеи мы пробыли еще несколько дней в гостеприимной венгерской столице и воочию убедились в успехах наших будапештских друзей. Нынешний мой приезд в Будапешт — уже третий по счету, так что у меня был критерий для сравнений. Впервые я был здесь в марте 1951 года, вторично — в декабре того же года.

Времени прошло с тех пор сравнительно немного, но неуклонное движение вперед заметно повсюду. Взять хотя бы электротехнический завод «Ганц», на котором я бывал во время предыдущих моих приездов. С людьми этого завода у меня тогда завязались крепкие дружественные связи. Как только выдалось свободное время, я первым делом поехал навестить их. Встреча была такая же теплая и в то же время такая же деловая, как и в предыдущие мои посещения. Радовало то новое, что произошло на заводе за истекшие неполных два года. «Ганц» — предприятие довольно высокой технической культуры. Но еще в 1951 году там зачастую работали по старинке и на старом оборудовании. А теперь? Повсюду образцовый порядок, чистота, чувствуется высокая культура труда. И количественные и качественные показатели рабочих-передовиков и передовых бригад заметно улучшились, возросло число рабочих-новаторов. Рядом со старыми цехами выросли новые, оборудованные современными станками и машинами. На заводе появилась конвейерная линия — вещь прежде небывалая.

Побывал я и в институте металлов. Теперь этот институт, — или, точнее, два института, потому что институт металлов успел разделиться на институт черных и институт цветных металлов, — живет полнокровной научной жизнью. Встретился я с его сотрудниками, как со старыми друзьями. Многие из того, что планировалось в 1951 году, уже выполнено. Над другими заданиями энергично трудятся; в частности, продвигаются работы и по моей специальности — электросварке.

Отрадное впечатление вынес я и от встречи в Обществе инженеров-электротехников. Заметно, что люди не застыли на месте, работают, ищут, растут...

И вместе с людьми растет их город — прекрасный Будапешт, ставший еще краше. Не только остров-парк Маргит, где мы жили, — вся раскинувшаяся по обоим берегам Дуная венгерская столица утопает в зелени. Дни стояли погожие, теплые. Казалось, что это не начало осени, а весна. Даже сирень зацвела во второй раз. Будапешт залечил почти все свои раны; только на холмах Буды еще кое-где можно различить рубцы войны. Уже почти не видно восстанавливаемых или капитально ремонтируемых каменных коробок, зато намного больше новостроек. Недавно открылся новый громадный Народный стадион. Вмещает он до 80 тысяч зрителей, причем спроектирован так, что может быть расширен еще на 22 тысячи мест. Мы осмотрели это великолепное сооружение, занимающее площадь в 27 гектаров. Венгерские архитекторы и строители и вместе с ними десятки тысяч будапештцев, приходивших в свободное время помогать строить новый стадион, поработали на славу. Превосходна полукруглая бетонная трибуна высотой в 30 метров, длиной в 400 метров, шириной в 50 метров. Покоится она на 18 монументальных пилонах. В каждом таком пилоне мог бы разместиться пятиэтажный дом. Стадион великолепно спланирован — он красив по своим пропорциям и не производит громоздкого впечатления. И, что, пожалуй, самое важное для «болельщиков», с любого места все хорошо видно.

Полным ходом идет сооружение метро, и вскоре первая его линия соединит расположенный в Пеште стадион с вокзалом в Буде.

Стадион и строительство метро — предмет гордости жителей столицы. Вообще будапештцы настроены превосходно. Чтобы в этом убедиться, достаточно поговорить с рабочими на предприятиях, с научными работниками, пройтись по чистым, нарядным, оживленным улицам. Мероприятия, намеченные Венгерской партией трудящихся и правительством для повышения жизненного уровня народа, энергично выполняются, и это укрепляет бодрость населения, уверенность в будущем. 6 сентября, за несколько дней до нашего приезда, было осуществлено новое большое снижение цен на самые различные продовольственные и промышленные товары, строительные материалы, мебель, предметы домашнего обихода, радиоприемники, велосипеды. В магазинах вывешены новые прейскуранты, в которых указано, что цены на хлебо-булочные изделия снижены на 11—25 процентов, консервы подешевели на 14—35 процентов, текстиль — на 5—70 процентов, мебель — на 15—20 процентов и так далее.

Забота о благосостоянии народа видна и в увеличенных масштабах жилищного строительства и в попечении о куль-

туре: расширении ассигнований на просвещение, на строительство школ и зданий для научных учреждений.

Большое внимание уделяется изучению памятников истории и культуры венгерского народа. Очень интересные раскопки ведутся в самом центре Буды — на холме Вархедь (Замковая гора), где высятся развалины древней резиденции венгерских королей. Во время этих раскопок найдено много предметов, представляющих значительную историческую и художественную ценность. Они выставлены в расположенном тут же, на холме Вархедь, небольшом музее.

С другими памятниками венгерской старины мы познакомились во время экскурсии в Вишеград и Эстергом. Прогулка по берегу Дуная, то широкого и величественного, то зажатого среди теснин и бурного, была большим удовольствием. Один за другим открываются живописные виды. Западный берег — высокий, холмистый, утопающий в зелени, густо населенный, с частой чередой городков и прибрежных сел. Восточный — до большой дунайской излучины — более равнинный, открывающий широкий вид на просторы задунайских полей. А за излучиной, после которой Дунай поворачивает круто на запад, к нему и с восточного берега подступают невысокие горы. Вскоре после того как мы проехали излучину, показались развалины Вишеградской замковой башни, уцепившейся в виде ласточкина гнезда на откосе круто обрывающейся к реке горы. Это то, что осталось от древней резиденции венгерских королей. Замок был разрушен во время татарских и турецких нашествий, остатки крепостных стен скрыты по приказу австрийского императора Леопольда. Теперь здесь ведутся раскопки. Отрыт фонтан, часовня со старинными фресками...

Другой древней резиденцией королей был расположенный недалеко отсюда Эстергом, который мы также успели посетить.

На вершине господствующего над тихим провинциальным придунайским городком холма в начале прошлого века был сооружен, по образу и подобию римского собора св. Петра, самый большой в Венгрии собор. Он служил резиденцией наместников папы, примасов Венгрии, последний из которых пытался сыграть такую зловещую роль в первые годы становления молодой народно-демократической Венгрии...

Экскурсия наша закончена. Вечереет. Голубой Дунай — под яркими лучами солнца воды его, обрамленные зеленью берегов, действительно сверкают голубизной — темнеет; нас обдаёт осенней прохладой. Вдали, на юге, зажигаются огни Будапешта — прекрасной, оживленной столицы на Дунае, столь приветливо и радушно принявшей людей науки, прибывших сюда со всех концов света на свою ассамблею.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Среди итальянских друзей	7
На месячнике дружбы в Румынии	35
Три недели в Дании	52
В свободной Венгрии	68
Из австрийских впечатлений	86
На ассамблее Всемирной федерации научных работников	105

Редактор *Н. С. Асоян*
Художественный редактор *В. В. Щукина*
Технический редактор *С. М. Кошелева*
Корректор *Е. Б. Сницарева*
Рисунки художника *С. И. Сергеева*

Сдано в производство 11/VIII 1953 г. Подписано к печати 29/X 1953 г.
Т0 7929. Формат 60×92¹/₁₆. Тираж 100 000. Бумажных листов 4¹/₈. Печатных
листов 7+1,25 л. вкл. Издательских листов 8,25. Цена 2 р. 70 к. Заказ 2389.

3-я типография «Красный пролетарий» Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства культуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.

Копенгаген. Здание муниципалитета.

На четвертой странице обложки: Рим. Вид на город с холма Пинчио.

2 p. 70 н.

